

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

ПЬЕСЫ

ПЬЕСЫ

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

ПЬЕСЫ

Москва
Издатель И. Б. Белый
2020

УДК 82-25 Тимофеев
ББК 84 (2Рос=Рус)
Т41

*Фотографии на обложке и фронтиспise –
из личного архива автора.*

membook.ru

В оформлении обложки использована призовая маска
(художник Марк Борнштейн),
которой драматург Лев Тимофеев был награждён
**«За драматургическое исследование территории
свободы в пространстве советской тюрьмы»**
на международном театральном фестивале
в Петербурге в декабре 2019 года.

Книга издаётся при финансовой поддержке
Союза российских писателей.

Тимофеев Лев Михайлович

Т41 Пьесы. — Москва: Издатель И.Б. Белый, 2020. —
304 с. с илл.

ISBN 978-5-904935-87-0

УДК 82-25 Тимофеев
ББК 84 (2Рос=Рус)

© Тимофеев Л.М., 2020
© Издатель И.Б. Белый, 2020

ISBN 978-5-904935-87-0

Ш Ь Е С Ы

ШИЗО ДЛЯ ТРЁХ АКТЁРОВ
... 7

РЕПЕТИЦИИ В МОНАСТЫРЕ
(ПРОКЛЯТИЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ)
... 83

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВРЕМЯ
ПРИБЫТИЯ В НАХОДКУ
... 153

В ОЖИДАНИИ ЗВОНКА
... 241

**ШИЗО
ДЛЯ ТРЁХ АКТЁРОВ**

В двух частях

Узникам совести посвящается

Действующие лица:

Иванов Иван

Петров Пётр

Сидоров Сидор –

заключённые одной из лагерных зон строгого режима на Северном Урале, особо опасные государственные преступники.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рабочая камера, небольшой цех штрафного изолятора (ШИЗО). Стены цеха – нарочито грубо наляпанный бетон, серая бетонная «шуба», и это делает помещение похожим на мрачное сырое подzemелье. В задней стене массивная кованая дверь с «кормушкой», откидывающейся вовне. Справа небольшое оконце с форточкой; против обыкновения оно закрыто снаружи не дощатым «намордником», а всего только крупной стальной решёткой: в рабочей камере нужны и свет, и вентиляция... впрочем, сейчас раннее зимнее утро, и за окном пока ещё темно. Под левой стеной в углу – параша: должно быть, просто дыра в полу. Саму парашу не видно, её загораживает дощатая перегородка от пола до потолка, но в ширину настолько небольшая, что когда человек встаёт за неё, мы хорошо видим его спину (вообще следует сказать, что перегородка – театральная условность: в реальной жизни параша ничем не отгорожена). Перед перегородкой на той же стене умывальник с ржавой железной раковиной, не весьма свежее полотенце...

На переднем плане два станка – простенькие пневматические прессы для сборки мелких деталей какого-то электроприбора. У дальней стены на столе ещё один станок – метчик для нарезки резьбы на мелких деталях. Всюду ящики с заготовками и готовыми деталями – цех.

На авансцене столик – совсем небольшой, только чтобы (когда придёт время) поместился скромный тюремный обед на троих. Вместо табуреток у стола три круглые бетонные тумбы с деревянными кругами наверху. Да и сам столик – тоже холодный бетонный монолит...

Тишина. Темно, но не настолько, чтобы не было видно сцену...

Резко, громко взвыла лагерная сирена. Неразборчиво звучат отрывистые дальние голоса, похожие на собачий лай, а может быть, и сливаясь с собачьим лаем. Громкий металлический лязг открываемых замков, отодвигаемых засовов, скрип открывающейся двери. По внутренней трансляции: «Первый зашёл... Второй зашёл... Третий». В сумерках, как бесплотные тени, в камеру один за другим проникают трое заключённых. Дверь за ними с грохотом захлопывается, снова слышен лязг засова.

Опять звучит сирена. Голос по внутренней трансляции: «Начали работать!» И тут же вспыхивает и с шипением горит под потолком яркая холодная лампа.

Заключённые строгого режима все одеты одинаково: стёганые ватные бушлаты, под которыми чёрные хлопчатобумажные куртки с белеющими на груди справа бирками-именами; чёрные брюки из той же х/б ткани, на голове старые, не один год служившие шапки, на ногах кирзовые ботинки. Все стрижены наголо, и на первый взгляд неотличимы один от другого... но только на первый взгляд. **Петров** снял бушлат и шапку, сделал несколько подготовительных движений и застыл в одной из причудливых поз гимнастики йогов; пока будет так стоять, ни на что не реагирует. **Сидоров** тоже снял бушлат, но остался в шапке, зашёл за загородку параша и долго стоит там. **Иванов** подошёл к своему рабочему месту, делает осторожные, но безуспешные попытки наклониться к правому ботинку – видимо, мешают боль в спине. В конце концов с громким стоном выпрямляется, держась за поясницу:

Иванов (*Сидорову, который всё стоит над парашей.*) Ты рано разделся. Пар изо рта. Потрогай трубу.

Сидоров (*всё в той же позе*). Трогай – не трогай, труба холодная.

Иванов. Пытка холодом. Хотят, чтобы мы здесь дуба дали. Видел, у меня сегодня подушка к стене примёрзла?

Сидоров (*вышел из-за загородки, долго моет руки под умывальником*). Не видел, но подтверждаю: подушка примёрзла к стене.

Иванов (*указывая на Петрова*). Что это он? Вроде молитвы, что ли?

Сидоров. У каждого «гоги» свои боги. Пусть.

Иванов (*снова пытается наклониться и снова безуспешно*). А мне опять в спину вступило... В ботинке что-то мешает, а наклониться не могу.

Сидоров (*вытирает руки полотенцем*). Я тебе сто раз говорил: башмаки снимают каждый вечер перед сном. Надо было меня слушать.

Иванов. Это шутка такая?

Сидоров. Да так, ла-ла... Ностальгия... Всплывает в памяти то одно, то другое... Не обращай внимания...

Иванов. К левой ноге могу наклониться, а к правой никак...

Сидоров. Подними копыто. *(Помогает Иванову снять ботинок)*. Да, что-то ты, мой друг, совсем обветшал... А девушки тебе давно снились? Ты как-то говорил, одна в очках... Как её звали?

Иванов. Ты видел, я в последнее время и на парашу присаживаться мучаюсь.

Сидоров. Ох, что-то я сегодня проснулся сильно не в духе. Что-то меня сегодня сильно раздражает. *(Садится на рабочее место, начинает работать.)*

Петров *(вышел из йоги)*. Эта поза в гимнастике йогов называется врикасана или «поза дерева».

Сидоров *(эхом)*. Ах, дерева...

Петров. Да. Тонизирует кости скелета...

Сидоров. Скелета нам здесь не хватало... Господи помилуй...

Петров *(Иванову)*. Ботинки я всегда беру на размер больше. А то и на два размера. Тогда ноги можно газетами обернуть. Бумага хорошо держит тепло. *(Садится за стол, на котором установлен метчик, включает аппарат, начинает работать.)*

Иванов *(перевернул снятый ботинок, пытается встряхнуть мусор, заглядывает в ботинок... Петрову, наставительно.)* На ночь, голубчик, у нас тут ботинки

надо на бок класть, иначе мусор с потолка... Всё разрушается, всё сыпется. *(Ставит ботинок на пол и с трудом, но вдевает ногу, садится на рабочее место.)*

Петров. А вчера, когда мы уходили отсюда, трубы горячие были.

Сидоров. Скелет, постучи в кормушку... мол, так и так...

Петров. Не понял.

Сидоров. Вчера трубы горячие были, а сегодня трубы холодные стали. Сделай сообщение: мол, Волга впадает в Каспийское море.

Петров. Котельная общая на весь посёлок, так ведь?

Сидоров. Котельная общая на весь посёлок. Так ведь.

Иванов. Ка-казалось бы *(слегка заикаясь на этом слове)*, что тебе посёлок? Тут на пятьдесят километров вокруг ни одного приличного человека, только менты... мусора, их бабы, их выродки. Хоть кто и подохни, не заплачем. *(Начинает работать.)*

В дальнейшем большая часть реплик всех троих – за работой. Работа сопровождается короткими шипящими звуками, характерными для срабатывающих прессов...

Петров. Мусора, менты... Нет... ну, уж... так-то жестоко, может, не надо? Какие-никакие, а тоже люди. *(Кивает на дверь.)* Он ведь тут за дверью, всё слышит.

Иванов. Что не надо? Где тут люди? *(Показывает, выдыхая.)* Пар изо рта. Всё тепло на себя перекидывают. А на зону вот *(неприличный жест)*. Мы для них люди?

Сидоров. Зэка Иванов, возлюбил мусоров своих как самого себя... и подставь им обе щеки.

Иванов. Откуда цитируешь?

Сидоров. Евангелие от ГУИТУ – Главного управления исправительно-трудовых учреждений. Закон нашей жизни.

Иванов. Ты видел, у меня ночью подушка к стене примёрзла?

Петров. Это естественно: влажное дыхание конденсируется на холодной стене и превращается в иней.

Сидоров. Так... сегодня у нас день примёрзшей подушки. Таким он останется в исторической памяти человечества.

Иванов. Нет, ну, почему только... *(Некоторая пауза.)* Например, на завтрак была пшёнка.

Сидоров (словно цитируя кого-то.) «А на завтрак в тот день была пшёнка...»

Иванов. Чуть ли не на молоке...

Петров. Пшёнку лучше варить на воде, а молоко потом добавлять.

Сидоров. Всё! Это нестерпимо...

Петров. А прошлой ночью там в посёлке какая-то машина буксовала. Долго. Видать, прочно сел. Звук был такой высокий, жалобный.

Иванов. Обычное дело... Везли кого-то сюда к нам и не довели.

Сидоров (смеётся). Надо же... Ну ты, голубчик, даёшь...

Петров. Ты это мне?

Сидоров. Тебе, тебе, родимый... Звук высокий, жалобный... Я не спал и хорошо слышал: низкий, злобный, агрессивный звук.

Иванов. Тут сел в снегу – всё, кранты... А со станции везут – уже темно, дорогу не видят. Меня, когда сюда везли, я полно́чи в воронке коченел. А градусов под сорок было. Вот тут всё замёрзло (показывает на лицо). Хочу кричать: что ж вы, бляди, с нами делаете, – а рот не открывается, ме-ме-ме. Менты хочут, в тёплых тулупах, на меня пальцами показывают, им смешно, передразнивают, я для них зверь:

«Ме-ме-ме...» Всё... воспаление лёгких, неделю температура сорок: думал, конец, дуба дам.

Петров. Сорок – сакральное число! Сорок там – сорок здесь... живём среди сакральных чисел. В этом могут быть какие-то глубокие смыслы.

Сидоров. Думал... дуба... думал... дам...

Иванов. Вот радикулит с тех пор, нерв застудил.

Сидоров. Думал-дуба-думал-дам... Думалдуба-думалдам... Какая скороговорка замечательная. Актёрский тренинг... Думалдубадумалдам...

Петров (*встаёт, пытается поднять ящик с деталями, но понимает, что ему это не по силам; обращается к Иванову*). Будь другом, пожалуйста, помоги мне... (*Стукнул себя по лбу: сообразил.*) О, прости, пожалуйста.

Иванов. Извини, голубчик, не могу. Радикулит.

Петров. Да, да, это ты меня прости, я невнимательный. (*Сидорову*). Не в службу, а в дружбу, пожалуйста, если не трудно. (*Сидоров встаёт, помогает, садится на место.*) Спасибо большое.

Сидоров. Будь другом... пожалуйста... невнимательный... Ска-а-ажите, пожалуйста... Та-а-акой вежливый... Под психа косишь?..

Петров (*довольно жёстко*). Так. Ну, что тебе нужно, старче?

Сидоров. Если человек сильно вежливый – тютю-тютю, сю-сю-сю, то или гей-петушок, или... под психа гусей гонит.

Петров (*резко, грубо*). Ну ты, как тебя, маэстро, следи за речью, фильтруй базар...

Сидоров (*адресуется Иванову*). У нас в Барнауле на зоне тоже был один петушок. Зайка... Такой весь де-е-евочка... Вот он подсядет к такому же несчастному, к такому же зайке: «Ну пожалуйста... давай чем-нибудь поменяемся... пожалуйста, очень прошу»... Ему всё равно, чем меняться... «Давай шапками поменяемся... давай ботинками поменяемся... ну пожалуйста, будь добр». Своё хорошее отдаст, а чужое старьё возьмёт, рваньё... И счастлив, к груди прижимает... «Спасибо большое, ты очень добрый»... В конце концов увезли в психушку. Форма агрессивного психоза. Смотришь иногда: добрый человек... ан нет, это агрессия вежливости – болезнь... особенно среди интеллигенции.

Иванов. Кто сказал, что российская интеллигенция – полное говно? Я читал, но не помню, кто...

Сидоров. Никто не сказал – это и так все знают.

Иванов. Не-ет, кто-то сказал...

Петров. ОК, маэстро, твой message я принял.

Сидоров. Нет, что ты, наоборот... Это я так... вариант отношений: можно так, можно совсем иначе... Будешь косить под психа, на меня рассчитывай:

скажу, да, видел, он мыло ел... Ну просто страсть как люблю такие игры.

Петров (*всё так же жёстко*). А сам работаешь под идио...

Сидоров (*резко перебивает, поворачивается к Петрову*). Стоп! Вот это не надо: черту не переходи... Назад будет труднее...

Петров. И всё-таки...

Сидоров (*поворачивается, продолжает работу*). Что тебе всё-таки?..

Петров. Вижу, сильно залупаешься.

Сидоров. О, как... Проявляй иронию и жалость...

Петров. Да нет, чтобы понимать, с кем дело имею.

Сидоров. Я здесь то Гамлет, то Башмачкин... Тебе знакомы эти имена? А ты сам в какие игры любишь, шалунишка?

Иванов (*выбрасывает изделие*). Сплошной брак идёт. Всё старое, всё рушится, всё ломается.

Петров. В Чистополе, в тюрьме, мы сетки вязали. Всё-таки какой-то смысл, видишь результат.

Иванов. Ка-казалось бы.

Сидоров. Даже в театре абсурда есть свой смысл.

Иванов. Что здесь со смыслом?

Сидоров. Я вязал сетки. Это занятие надёжно превращает человека в животное. Рекомендация ГУИТУ.

Иванов. Вот смысл... *(Петрову.)* Ты, голубчик, знаешь, старайся-ка всё-таки нам не...

Петров *(перебивает, повышает голос).* Стараться?! Стараться что? У вас тут что: пресс-хата, что ли? Что бы я ни сказал, тут же... голубчик, гей-петушок, гога, шалунишка... Шуточки... старайся... Мы вроде по одной статье сидим. Или я что-то не понял?

Иванов *(перестает работать, но из-за станка не встаёт, поворачивается к Петрову).* Вот так раз... Что это ты взорвался?.. П-поза дерева... Ка-казалось бы...

Петров. Когда кажется, креститься надо...

Сидоров. Москвич приехал... крепкий московский характер... Грубиян! Москвичи, они – ого-го! *(Поёт.)* Московских окон негасимый свет.

Иванов *(поворачивается к прессу, продолжает работу).* Не знаю даже, что сказать... Профессор... не знаю, профессор ты или не профессор, но на зоне у тебя такая кликуха: профессор. Когда ты приехал... сколько? месяц назад?.. нам сообщили... вон через парашу из соседней камеры... мы через парашу все новости узнаем... бу-бу-бу, мол, профессора из крытой тюрьмы привезли... Диссидент... Интеллигенция, в общем...

Сидоров. Русская интеллигенция.

Иванов. Ладно, уважаем... Теперь тебя сюда, к нам закрыли... новое место... ка-казалось бы... мы должны тебе всё объяснить уважительно, обстоятельно, по порядку... я ведь, голубчик ты мой, простой работяга, детдомовские девять классов... Я не знаю, кто ты такой, что ты знаешь, что умеешь... Я тебе грубого слова не сказал... Ботинки советую класть, не ставить, это да... Что ещё?.. Вежливо, уважительно... Поживём – увидим... *(Усмехается.)* Давай, п-п-поза дерева... и успокоился...

Долго все работают молча. Короткие шипящие звуки срабатывающих прессов.

Сидоров. Ночью сегодня я с эстрады декламировал. Там, за зоной, в лесу... Сто девушек... почему-то я знал, что их ровно сто... а я голый, и член стоит... Холодно и... не то чтобы стыдно, а как-то...

Иванов. Одно и то же тебе снится... всё время: в лесу, на море, в пустыне – всюду... обязательно девушки и ты голый...

Сидоров. Да, одна была готова, и с ней даже вроде что-то началось... но сразу и закончилось.

Иванов. Слушай, ну, мало ли кому что снится... ка-казалось бы.

Сидоров. Но читал хорошо, с выражением... *(Как бы объявляет с эстрады.)* «Лесной царь», баллада! Кто мчится, кто скачет под хладною мглой? Ездок

запоздалый, с ним сын молодой... А дальше там: родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул... уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать... Ездок подгоняет, ездок доскакал... В руках его мёртвый младенец лежал...

Иванов. Что-то нескладно... Есенин лучше писал... Вот это, например (*Декламирует*)... Ты опять выходишь на дорогу в старомодном ветхом шумуне... Хорошо передал образ пожилой женщины...

Сидоров. Я читал «Лесного царя» на первом туре в «Щуку». Кто мчится, кто скачет под холодной мглой... Нет, не прошёл по конкурсу.

Иванов. По конкурсу ты сюда прошёл.

Сидоров (*поглядывая в сторону окна*). Как же поздно светает в этих широтах. Тоска...

Некоторое время все работают молча. Звуки работающих прессов.

Петров. Господи, какой позор... какой стыд... Затмение нашло (*жест рукой у виска.*) Ты, Иван, прости меня... Правда, затмение... Месяц назад в Перми на пересылке впихнули к блатным в пресс-хату... Я не сразу понял... нормальные ребята вроде... (*Сидорову.*) Один на тебя сильно похож был, ну прямо вылитый, тоже рыжий... Слово за слово... шуточки... Уж и руки в ход пошли... как отбивался, лучше не спрашивай... подумал уж всё, хана... и тут менты вваливаются: политический, на выход... ошибка, не в ту камеру...

Иванов. Обычное дело. В волчок за тобой наблюдали...

Петров. Менты забавляются?

Иванов. Это вряд ли. Как им приказали, так и сделали. Воспитательные меры.

Петров. А я испугался! Сколько там, полчаса или даже меньше, а впечатлений на всю жизнь... И здесь вдруг... что в голову вошло? Бред... в общем, извини.

Иванов. Бывает. Проехали. Первый день, привыкнешь здесь.

Петров. Ты видишь, я вообще... выбит напрочь... На сегодня свидание с семьёй назначено было... вот на сегодня... телеграмма от жены была, а меня – хоп! – сюда, и свидания лишили. В общем, как на волка свора собак набросились...

Иванов. Оклемаешься, здесь ещё не самое худшее.

Сидоров. Свидание какое?

Петров. Личное, трое суток. Жена, обе дочери... Вчера сняли с работы, завели в дежурку, вручили телеграмму: выезжаем, всё оговорено, трое суток вместе... Трое суток! Впервые-то за два с лишним года... И тут же, я ещё телеграмму перечитываю – хоп! – приговор: свидания лишить и на шесть месяцев сюда, в помещение камерного типа – ПеКаТе. Всё, пошли! Втроём обступили, повели!

Иванов. Обычное дело. Небось капитан Шипр? Приговор капитан Шипр зачитывал? Злобный карлик. От него всегда воняет одеколоном... не выношу...

Петров. Он самый.

Иванов. Садист, скотина... И улыбается... полон рот золота. Вон маэстро правильно говорит про него: сгнившее солнце во рту держит.

Сидоров (*смеётся*). Крокодил наше солнце проглотил.

Иванов. Тьфу (*содрогается от омерзения*).

Сидоров. В каждом театре абсурда есть свой смысл.

Петров. Теперь они уже приехали, уже здесь... Сколько отсюда до проходной – пятьдесят, сто метров?

Сидоров. В каждом, в каждом театре абсурда есть свой смысл.

Петров. Какой смысл? Что делать надо? Они – здесь... Протестовать? Кричать?.. Биться головой об стену?.. Умереть?

Иванов. Нет, умереть не дадут. Смерть избавляет от наказания, а тебе ещё сидеть и сидеть. Они ещё попьют твоей крови.

Петров. Объявлю сухую голодовку.

Иванов. Объяви... Кормить будут насильно: наручники, в зубы расширитель, воронка, шланг в пищевод – двое держат, третий вливает... будешь дёргаться, привяжут... сумеешь зубы сомкнуть, через нос будут кормить... ой, через нос совсем противно... да ещё и смесь плохо протёртая... боль невыносимая... Я пробовал, не советую.

Петров. Не знаю... Мороз под тридцать, а у младшей дочери лёгкие слабые.

Сидоров. Встань в позу «дерево». Это всё, что ты сейчас можешь. Я серьёзно говорю.

Петров. Ну да... у йогов есть ещё «поза мертвеца»... но я пока не умею.

Сидоров. Трудно, но надо как-то успокоиться.

Иванов. Да мы-то что, мы-то успокоимся.

Петров (*Сидорову*). Прости, что-то я часто срываться начал.

Долгая пауза. Звуки срабатывающих прессов.

Иванов (*взглядывает в окно*). Ну вот уж совсем светло, а ты жаловался. Утренний шмон сегодня запаздывает. Или ещё рано?

Петров (*тихо*). Я слышу, за дверью топчется и сопит. Сегодня что-то в сапогах, не в валенках.

(Принюхивается.) И перегар... даже сквозь кованую дверь...

Сидоров. Из-за двери тянуло одеколоном и перегаром... И всё! Художественный образ готов... Думалдубадумалдам... Ах, какой замечательный спектакль можно поставить...

Иванов. Кто о чём, а вшивый о бане...

Сидоров. Жестокий абсурд. Нет, правда, спектакль: закрытое пространство, четыре стены... одну можно убрать... три актёра и вокруг полный абсурд: время абсурда, территория абсурда... Стране абсурда – театр абсурда... Думалдубадумалдам – название театра.

Иванов. Не театр – зоопарк. Посмотрите, детки, здесь три зверя в клетке.

Петров. Театр абсурда давно вышел из моды...

Сидоров. Что ты! *(Показывает вокруг.)* А это что такое?

Петров. Но театр – это всегда ожидание чего-то. Всегда ждут какого-то события или какого-нибудь Годо... А здесь?

Сидоров. Вы не ждёте, потому что у вас нет воображения. А я жду. Жду и надеюсь, воображаю себе, как всё это замечательно произойдёт.

Петров. Произойдёт что?

Сидоров. Жду не дождусь.

Петров. Да чего же?

Сидоров. Каждое утро просыпаюсь с надеждой.

Петров. Ну?

Сидоров. Что – ну?

Петров. Да ждёшь-то ты чего?

Сидоров. Почему я – не только я, все ждут. Вся зона. И на других зонах, по всей великой нашей Родине.

Петров. Да чего же?

Сидоров. Да и ты ждёшь, но не хочешь себе в этом признаться.

Петров. Ну же, чего я жду?

Сидоров. Все ждём... когда он подохнет.

Петров. Кто?

Сидоров. Лесной царь.

Петров. Так... и кто же это такой?

Сидоров. Да тот, кто тебя здесь держит, кто над твоей семьёй издевается... кто вообще насаждает, поддерживает, охраняет в стране этот бред, этот

абсурд... кто всю страну в своё болото тянет... и топтит, топтит, топтит.

Петров. Понятно. Наивный романтик... А может, ты того... сам-то мыло не ешь?

Сидоров. Всё, всё, профессор... успокоились. Умей отличать театр от жизни.

Иванов. Ребёнок. Седые виски, а душа совсем детская. Я его за это и уважаю.

Петров. Нет, я ничего такого детского в нём не заметил, на меня набросился не по-детски, как отможенный блатной.

Сидоров. Да пошли вы оба...

Петров. Надо сказать, что перевод баллады довольно нелепый. Сначала с ним сын молодой, а потом младенец на руках, а это совсем не одно и то же... В немецком оригинале и в начале, и в конце просто дитя – Kind, das Kind – ребёнок.

Сидоров. У немцев может быть что угодно – это не про них. Это мы – страна Лесного царя. Под холодной мглой... здесь душно, здесь тяжело дышать...

Петров. Ладно, как-нибудь потом почитаем, проанализируем...

Долгая пауза. Звуки срабатывающих прессов.

Иванов. Пусть подход... и?

Сидоров. Что – и?

Иванов. Ну, подохнет он, и что изменится?

Сидоров. А пусть подохнет – тогда и посмотрим.

Иванов. Знаешь, на моём психо-тюремно-лагерном веку, за пятнадцать с перерывами лет, этих лесных царей... раз... два... нынешний – пятый. Блатных выпускали, да. А по политическим статьям – никогда никого ниоткуда – ни одного человека... Нет, нашему театру абсурда конца не видно...

Петров. Вообще-то, конечно, человек на что-то должен надеяться. Без надежды нельзя.

Иванов. Ка-казалось бы.

Сидоров (*продолжая работать, тихо, с обыденной интонацией, не сразу понятно, что читает стихи*). Нет, братцы... Отказываюсь – быть.// В бедламе нелюдей// Отказываюсь – жить.// С волками площадей// Отказываюсь – выть.// С акулами равнин// Отказываюсь плыть// Вниз – по течению спин.// Не надо мне ни дыр// Ушных, ни вещей глаз.// На твой безумный мир// Ответ один – отказ.

Иванов. Ишь как завернул... в старомодном ветхом шушуне... Что это вдруг?

Сидоров (*прекращает работу*). Всё. Перекур... Так, вспомнил, одна знакомая здорово читала. В юности я под эти стихи всегда напивался и плакал у этой знакомой на плече... Всё, успокоились.

Иванов. Успокоились.

Петров. Да я ничего... успокоились.

Иванов. Перекур для некурящих. *(Останавливает свой пресс. Встаёт, снимает и вешает на вешалку бушлат, из бокового кармана достаёт газету, возвращается на место, но газету не разворачивает: внимание привлечено действиями Петрова.)*

Петров. Однако тепло стало. О, труба горячая. *(Расстёгивает робу и начинает доставать из-за пазухи один за другим большие листы бумаги.)*

Сидоров. Смотри-ка, он фокусы показывает! Сейчас кролика за уши вытянет!

Иванов. Ты вчера уже спал, а я видел, как он упаковывается. *(Разворачивает газету, углубляется в чтение.)*

Петров. Письма от жены. Вчера четыре письма сразу выдали, Здесь уже. Ты же видел... Месяц придерживали и сразу четыре отдали.

Сидоров. И ты их ближе к сердцу.

Петров *(складывая листы).* Бумага – лучший теплоизолятор. Я специально просил: пиши на больших листах и на мягкой бумаге... Вот где-то газетную достала.

Сидоров. Знаю. Но школьные тетради тоже годятся. Мне на барнаульскую зону одна заочница писала каждую неделю. Я на почки прикладывал.

Иванов (*не отрываясь от чтения*). Прикинь: школьница ещё.

Петров. Лолита? О, вот тебе и сюжет: Лолита и лагерник.

Сидоров. Ненавижу, говорит, ваших тюремщиков, а вы герой, как декабристы или как Павка Корчагин... Но как мне второй срок дали и сюда перевели, больше не пишет... Я и адрес новый посылал... Теперь мёрзну, на почки нечего положить.

Иванов. Мать, небось, застучала и ремня дала... Будь это моя дочь, я бы ей всыпал...

Петров. В гимнастике йогов есть «поза героя». Я тебе потом покажу, научишься. (*Аккуратно сложив письма, одно оставил, читает...*)

Сидоров (*протягивает руку*). Хочешь, с выражением вслух почитаю. Ребята на общей зоне иногда просили: особенно если от жены, от подруги. Мы, говорят, как артиста в кино тебя слушаем...

Петров (*сухо*). Спасибо большое, мне артиста в кино не нужно...

Некоторая пауза.

Сидоров. Ну, тогда сам – вслух. Хоть слово живое услышим – как там у них на воле?.. Мне теперь никто не пишет.

Петров. А родители?

Сидоров. Мать давно умерла, у отца другая женщина. Отец приехал, когда меня судили, подошёл ко мне, к загончику этому в суде: «Ты, – говорит, – мне больше не сын». – «А кто же я?» – спрашиваю. «Ты – диссидент, враг народа». И всё: ушёл, уехал... Ба-а-альшой патриот.

Петров. Прости, но как-то... извини... чужие письма не принято... Личное...

Сидоров. А что здесь личного? Всё общее. Камера общая, статья общая, судьба общая...

Петров. Да нет, Сидор, прости, что за странности.

Иванов. Вот прилип... Отстань от человека. Может, там семейные секреты.

Петров. Никогда и никому письма вслух не читал... Да, в общем-то, ничего особенного... почему нет? слушай. (*Читает*). «Милый мой Петечка, мне странно писать тебе письма, потому что ты всегда рядом, и я с тобой разговариваю, и слышу, как ты мне отвечаешь... Так мы с тобой и беседуем вечерами... Ты за нас не беспокойся, мы сильные и справимся...» (*Близок к слезам.*) Нет прости, оказывается, вслух не могу...

Сидоров. У твоей жены какой голос красивый.

Петров (*складывал письмо и не вполне расслышал*). Прости?

Сидоров. Когда искренне пишут, всегда голос слышать начинаешь.

Петров. Да. Мы однокурсники, с первого курса вместе...

Иванов (*с газетой в руках*). Вот! В Новой Зеландии четыреста дельфинов выбросились на берег. А? Им-то чего не хватало, ка-казалось бы?

Сидоров. Вот приеду в Израиль, напишу пьесу «Под холодной мглой», где весь этот абсурд...

Иванов (*неожиданно прерывает, взбешён, откладывает газету*). Всё, хватит! Не могу больше это слушать! Не-мо-гу! Утром просыпается: «Вот приеду в Израиль»... сел на парашу: «Вот приеду в Израиль»... перловку жуёт: «Вот приеду в Израиль»... Давай я тоже буду каждые десять минут: «Вот приеду в Америку»... (*Петрову.*) А ты куда приедешь?.. И что у нас тут будет? Дурдом... Не приедешь ты никуда... потому что отсюда ещё не выйдешь. Здесь живи.

Сидоров. Не бойсь, я-то выйду.

Иванов. Сильно сомневаюсь.

Сидоров. О себе беспокойся.

Иванов. Пока во сне всех зрительниц не перетрахаешь, точно не выйдешь.

Сидоров. Я же сказал, о себе беспокойся.

Иванов. Мечты, мечты, где ваша сладость...

Сидоров. Надо же, запомнил, девятиклассник... хорошая память – спасение недоучек.

Иванов. Не заносись.

Сидоров. Но запомнил неверно...

Иванов. Как же это?

Сидоров. В оригинале – менты, менты, в чём ваша радость... где вечная ей рифма – гадость.

Иванов. Ох, не будь высокомерным...

Сидоров. Бить будешь?.. *(Убеждённо.)* Вот приеду в Израиль.

Иванов. Нет, парень, таких, как ты, на волю не выпускают. Пообещал же тебе капитан Шипр: отсюда – в крытую тюрьму, а там найдут, за что новый срок дать... По той же статье, но часть вторая – и уже не строгий режим, а будет особый режим, «особняк» – вон, в километре отсюда, поглубже в лес, к твоему лесному царю поближе – «полосатые»: камера-одиночка, прогулочный дворик – два на три. И срок до десяти лет. И всё, затемнение, занавес... грим снять не успеешь – на кладбище... Там, кстати, близко, рядом. И успокаиваются там и артисты, и поэты... Местное кладбище – земля твоя обетованная.

Сидоров. Ладно, слышали, выключись.

Иванов. Ах ты поганец... Выключись... Меня многие выключить хотели...

Сидоров. Вы-клю-чись.

Иванов. Вот приеду... вот туда и приедешь... А Израиль подождёт... Если дождётся.

Сидоров. Вы-клю-чись, ненавижу антисемита!

Иванов. Это я антисемит? Я? Да ты... Ах ты русофоб поганый...

Петров. О! Слово русофоб изобрел Фёдор Тютчев сто лет назад. Он написал это...

Иванов. Да пошёл ты на хрен со своим Тютчевым.

Сидоров. Разнервничавшегося конституционалиста нашли акклиматизировавшимся в Константинополе... Вы-клю-чись.

Иванов (*превозмогая боль в спине, встаёт со своего места*). Я вот тебя сейчас по хлебалу твоему выключу... кансти... кунсти... (*не получается выговорить слово*) кинсти... цалист... тьфу.

Сидоров (*встаёт со своего места*). Предупреждаю, я владею дзю-до и могу сломать руку...

Петров (*смеясь, встаёт между ними*). Всё, ребята... Великого Тютчева не замай... Пожалуйста... Тютчева не замай... (*Показывая на дверь*.) Там зритель топчется от нетерпения, ждёт... Иван... ну, пожалуйста...

Всё. Позабавили, и хватит... Сидор, ну ты-то... Здесь же не уголовный лагерь какой-нибудь. Вы же не блатные, вы – политические, политзэки. Узники совести, имейте совесть.

Сидоров. Профессор, всё в порядке. Разве не видишь... это всего только спектакль. Вспышка. Актёрская разминка... Вот здесь накапливается. *(Рука к груди.)*... Разрядились малость.

Иванов *(чуть подумав, возвращается на место).* Обычное дело... Ладно, живи, маэстро...

Петров. Ну, вот и хорошо. Тютчев – великий поэт. Молчи, скрывайся и таи// И думы, и мечты свои... Я из Тютчева много знаю. Почитаю вечером.

Иванов *(Петрову.)* Ты вчера пришёл, а мы – вот так вот надоели друг другу... Стыдно, конечно... Сначала был с нами третий, Гарик Оганян, но он, как ты, наверное, слышал, повесился. Вот на этой трубе... И мы, считай, три месяца вдвоём. Каждое утро смотрю, как этот артист орлом на параше сидит и про Израиль поёт... Всё во мне закипает: где, где, где тут этот Израиль?.. Прости, сорвался.

Сидоров *(Петрову).* Невесомость чувствуешь? Нет? А я чувствую... Мы – космонавты: тренировка на совместимость характеров перед полётом *(свистит, взмах рукой)*... в вечность.

Иванов. Ладно, перекур закончен. *(Пытается начать работать, но это ему не удаётся.)* Вот те раз: на станки тока нет.

Петров (*пробует включить станок, убеждается, что нет тока*). Да, нет тока. Почему это?

Иванов. Да плевать... Бывает... Это их проблемы, не наши... А мы газетку читаем.

Петров. А бывало – дрались?

Сидоров. Да нет. Близко – бывало... но нет. Правда, как-то неделю целую не разговаривали.

Иванов. Ээки дерутся – менты радуются. Всё. Успокоились.

Петров. Успокоились.

Сидоров. Успокоились. (*После некоторой паузы.*) Интересно, что вы мне подарите на день рождения?

Петров. Когда это?

Сидоров. Уже завтра. Всех приглашаю. И первый юбилей... Пятерочка... Закрыли аккурат в день рождения, подарочек такой, это они любят... Завтра, завтра, завтра мне кореш подгонит сюрприз, и мы устроим весёлую вечеринку. Надо ломать последовательность унылых будней.

Иванов. А я почему-то думал, что сегодня.

Сидоров. Нет, двадцать первого.

Петров. Сегодня двадцать первое.

Сидоров (*назидательно*). Узник не должен терять чувство времени – граф Монте-Кристо предупреждал. Сегодня двадцатое. У меня тут свой календарь: как на парашу сажусь, каждый раз отметку делаю... а кишечник пока работает нормально. (*Разглядывает свои отметки на дощатой перегородке.*)

Петров. Здесь три графа Монте-Кристо, и сегодня двадцать первое.

Сидоров. Сегодня двадцать первое!

Петров (*начинает петь*). К сожалению, день рождения только раз в году...

Сидоров. Нет, погоди!

Петров. Днём раньше, днём позже...

Сидоров. Но тогда должен быть сюрприз. Сюрприз мне обещали подогнать... Послушай там.

Петров (*слушает у двери*). Вроде никого не слышу.

Сидоров. Да нет, встань, закрой волчок.

Петров. А в карцер кто пойдёт?

Сидоров. Не бзди. На секунду, как будто мимо проходил.

Петров (*прислушавшись, встаёт спиной к двери, широко раскинув руки*). Ну вот... Или, Или, лама савахфани...

Иванов. Красиво. Где-то я читал...

Сидоров (*нащупывает что-то в одном из ящичков с деталями, но наружу не вынимает*). Есть! Можешь отойти.

Петров (*продолжает стоять в позе распятия*). И вот завеса в храме разодралась и камни расселись... (*Отходит.*)

Сидоров (*счастливо смеётся*). Вот подогрел так подогрел!

Петров. Да что же там у тебя?

Сидоров. Будешь потрясён.

Петров. Ну же...

Сидоров. За обедом...

Иванов. Кто? Мераб?

Сидоров. Он самый.

Иванов. Каюсь, думал, не получится. Мераб – золотой парень.

Сидоров. Я всегда говорил: грузин еврею лучший друг.

Иванов. Ну да... а лучший друг России – армия и флот... Это я тоже читал, но забыл: кто сказал?

Сидоров. Никто не говорил. Эти понты и так все знают.

Петров (*прислушиваясь и принохиваясь*). Здрассти... Попка подошёл... Пропустил самое интересное.

Иванов (*напевает*). О дружбе мужской, о службе морской не петь нам сегодня нельзя...

Петров. А вот интересно, в тюрьме без уголовного жаргона можно обойтись? Понты, волчок, подогнал, подогрел... Не бзди... Ну что это... Чуть не подрались...

Сидоров. Ты чего, профессор? Ты ведь в крытой тюрьме провёл год, правильно я понимаю?

Петров. Ну?

Сидоров. Ты с Гариком Оганяном в одной хате чалился?

Иванов. С покойным Гариком Оганяном.

Сидоров. Нет, про самоубийц не говорят «покойный». Ему, бедному, и на том свете нет покоя.

Иванов. Я бы не считал его самоубийцей.

Сидоров. Нет, скажи, чалился?

Петров. Ну, было дело...

Сидоров. Так вот, Гарик на этом самом месте, где ты сейчас сидишь, с восторгом говорил: «Профессор... блатную музыку знает как настоящий арестант... авторитетный...» Как тебя на зону привезли, я прямо-таки ждал встречи: удача, кент из академии... программа «Хочу всё знать»... лексикой обогатимся, правильные понятия растолкует... И вот: тю-тю-тю, сю-сю-сю... Может, вас, профессоров, несколько, и он про кого другого говорил?

Петров. Да нет, всё правильно. Но я теоретик... ещё со студенчества, курсовую писал.

Сидоров. А я – практик. Три года на общей зоне... Ты вон не поправил меня и правильно сделал: в тюрьме не сидят, в тюрьме чалятся. А? И мы здесь чалимся. При-чал вечности... И новости у нас – через очко в полу... Представляешь, если в парашу: будьте так любезны, не сочтёте ли за труд подсказать... Вот точно скажут, под психа гонит...

Иванов. А кто это сказал: если в стране жестокая цензура, то вообще все новости через парашу приходят?

Сидоров. Никто не сказал, это всем очевидно...

Иванов. Нет, я читал где-то.

Сидоров (*Петрову*). Вот кореш подогнал мне подарок... Подогрел... И я никогда не буду спрашивать, как ему это удалось... менты, шмоны, стукачи... и даже спасибо не скажу. Но когда мы увидимся с Мерабом, я просто обниму его по-мужски, молча, и мы, два зэка,

два кореша, два пленника, грузин и еврей, вполне поймём друг друга... Подогрел. Душу мне согрел.

Иванов. Bravo, маэстро.

Петров. Вставь этот монолог в свою будущую пьесу.

Сидоров. Не нарывайся, профессор.

Иванов. Отстань от него, у него своих проблем хватает. Успокоились...

Петров. Ну, успокоились же.

Сидоров. Ладно, успокоились.

Иванов (*напевает вполголоса.*) На рейде большом легла тишина... Вот прилипла...

Сидоров. Тридцать три мне будет... Невесомость... (*Петрову.*) Что такое ЗНРС – знаешь?

Петров. Злостный нарушитель режима содержания.

Сидоров. Вот... Не в лагере... режим содержания у нас в стране... Злостно... За пять лет по лагерям меня два раза убивали. Один раз менты, другой раз блатные. И всё по больным почкам, по почкам... Теперь лепила на больничке в мои анализы смотрит и так вот головой качает, как китайский божок, и языком цокает... А жить-то, братцы, хочется... И теперь за каждый год – спасибо... А вот тридцать три чуть не пропустил... Актёр не должен забывать слова своей роли...

Иванов. Теперь вспомнил? Что дальше?

Сидоров. Вспомнил... «Дальше они вдруг запели»... песня-протест. Я свободный человек: хочу и пою! И плевать мне на режим содержания. (*Запевает.*) На рейде большом легла тишина... Любимая моего отца. Папа подводником был, и детство моё счастливое прошло в Одессе на Молдаванке... (*Поёт.*)

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:
(Иванов подхватывает, и они поют вдвоём в полный голос.)
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море...

*С лязгом металлических запоров в темноту открывается кормушка, надзиратель из коридора палкой колотит в проёме кормушки, голос по трансляции: «Прекратить пение!»
Кормушка захлопывается – и вновь лязг запоров.*

Сидоров. Испортил песню, дурак.

Иванов. Ладно, успокоились.

Петров. Успокоились?

Сидоров. Да, конечно, успокоились.

*Полное затемнение и занавес.
Конец первой части.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Там же и те же в тех же позах, словно не было никакого перерыва.

Сидоров (*произнося монолог, выгребает из кармана бушлата горсть хлебных крошек, подходит к окну, открывает форточку*). Вот когда я помру, и Господь будет решать, куда меня, в рай, в ад, он спросит: «Что доброе сделал ты в жизни?» – «Птиц кормил, Отче, – скажу я ему. – Всюду, где бы я ни был, всюду кормил птиц. И в кармане у меня всегда были хлебные крошки». – «Проходи же в райские кущи, – скажет Господь, – твои птицы давно ждут тебя».

Петров (*Иванову*). Пожалуйста, дай мне, что ли, газету – глаза переключить.

Иванов (*разрывает газету пополам, часть отдаёт Петрову*). По-братски, потом поменяемся.

Сидоров. Будьте как птицы небесные, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы... не читают газет. Вон они – злостные нарушители режима содержания, живые, весёлые...

Петров (*взял половину газеты*). О! Moscow News можно выписывать...

Иванов. Посмотри, там о новом фильме хорошая статья. Кстати, фильм грузинского режиссёра.

Петров (*удивлён*). Читаешь по-английски?

Иванов. В тюрьме что ещё делать, выучил как-то...

Петров (*не веря, протягивает газету и указывает место*). Вот абзац, прочитай.

Иванов (*чуть помедлив*). Если эта тенденция будет успешно продолжена и далее, она может открыть совершенно новые перспективы для общественного сознания страны.

Петров. И сразу перевёл! Wonderful! That is a great opportunity: let's speak English and only English!

Иванов. Не, не, не. Не так.

Петров. Что не так? (*повторяет медленнее*) That is a great opportunity: let us speak English and only English... Люди говорили, у меня лондонское произношение.

Иванов. Может быть, но я... читать – читаю, а как звучит, не знаю.

Петров (*потрясён*). Как это? (*Хохочет.*) О господи! Выучил мёртвый английский. Правда, театр абсурда... О господи! (*Хохочет до слёз.*)

Иванов. Зато я знаю язык американских глухонемых. Через «Книга-почтой» выписал, с рисунками. В Америке, например, этот язык все понимают. (*Несколько жестов на языке глухонемых.*)

Петров (*хохочет, не может остановиться, пальцем показывает на Иванова*). В А-ме-ри-ке!

Иванов. Ты что?

Петров заходится от смеха... и в какой-то момент создаётся впечатление, что его смех превращается в рыдания.

Иванов. Что это с ним?

Сидоров. Истерика... А ты говоришь, дерево.

Иванов (*подаёт Петрову кружку с водой*). Выпей.

Петров (*отстраняет кружку*). Не надо... Я в порядке... Мы с тобой займёмся фонетикой.

Иванов. Вообще-то можешь и вторую половину взять – читай... А я малость покемарю. (*На рабочем месте кладёт голову на руки, возможно, засыпает*.)

Сидоров (*Петрову*). Брось газету. Иди, посмотри: мороз и солнце, день чудесный. Праздник!

Петров (*подходит к окну*). Мороз, конечно, есть. А где ты солнце увидел?

Сидоров. Да вон же, присядь пониже... ещё ниже... ещё... и слева по верху забора – видишь полоску солнца?

Петров (*потянул носом, взволнован*). О господи, как это... родные ароматы. Это жена...

Откуда? Мои где-то здесь, недалеко... за забором...
Как это? А если покричать? *(Тихо.)* Аня! Оля!

Сидоров. Не надо. Там тебя не услышат, а здесь –
пожалуйста в карцер.

Петров. Что-то я теперь потерял пространство,
не соображу: ворота, проходная там? *(Указывает
направление.)*

Сидоров. Тихо ты! Нельзя спрашивать, где что:
карцер и красная полоса на личное дело, склонность
к побегу.

Петров. Да ладно...

Сидоров. Штаб, проходная, ворота – всё там.
(Указывает другое направление.) Метров двести...

Петров. Да как же... меня вели так, потом свер-
нули так... коридор – так, камера – так... Нет, всё-
таки вот сюда. *(Указывает прежнее направление.)*

Сидоров. Я бы с тобой в побег не пошёл. Пово-
роты пропускаешь.

Петров *(присаживается на корточки – пытается
хоть что-нибудь увидеть.)* Нет, забор, колючка, ещё
забор, ещё колючка. И голубого неба клочок... Обо-
нятельные галлюцинации бывают?

Сидоров. Бывают. Называется фантосмии...

Петров. Да, фантосмии... Нет, в побег иди без меня.
(*Возвращается на место, разворачивает газету.*)

Сидоров (*кормит птиц хлебными крошками*).
Одни только воробьи... Гули, гули, гули! К воробьям
как обращаются? А голубей здесь нет – воробьи да
сороки...

Иванов (*не поднимая головы*). Голубей мусора от-
стреляли и съели.

Сидоров. О, смотри-ка, прилетел, милый. (*Воз-
буждённо, с нежностью и восторгом.*) Смотри, тот же
толстый воробей прилетел. Я его среди всех узнаю.
Давно что-то не было. У него окрас немного другой,
потемнее: может, воробьиха с каким-нибудь чижи-
ком согрешила... Где ты летал, бродяга. Что видел?
Рассказывай... Погоди, у меня для тебя кусочек бе-
лого, ты же любишь, я давно приберёг. (*Находит в
кармане и крошит на ладони кусок хлеба...*) Вот с
кем у нас любовь. Услышал и сидит, ждёт. Он меня
узнаёт, почти уже на руку садится... Давай, поклюй...
А мы здесь, дружище, всё так же. Только Гарика с
нами нету... повесился Гарик... Они очень дружили...
Стой, куда же ты... Улетел...

Иванов (*не поднимая головы*.) А может, это сам
Гарик и прилетал навестить? А? Воробей Гарик. По-
том будет воробей Сидор. Воробей Иван...

Сидоров. Красиво... И капитан Шипр с двуствол-
кой.

Иванов (*поднимая голову*). Закрыл бы ты уже окно. Никак не уснёшь, холодом прямо в спину.

Сидоров (*прислушивается*). Тсс... Тихо... Слышите?

Петров (*продолжая читать газету*). Ну, что там ещё такое?

Сидоров. Шестая? (*Радостно.*) Слышите – Шестая?.. Точно, Шестая!

Петров. Шестая – что?..

Сидоров (*взволнованно*). Послушай: на зоне Шестая симфония Чайковского. Финал. (*Напевает.*) Adagio lamentoso – медленно и печально... Гениальная музыка!

Петров. Не притворяйся, меломан. Что отсюда услышишь?

Сидоров (*поёт на музыку Чайковского*). Я с утра предчувствовал...

Петров (*Иванову*). Что это с ним?

Иванов (*поднял голову, заинтересован... пожимает плечами*). Маэстро... музыка.

Сидоров (*Петрову*). Шестую транслируют, когда кто-нибудь их них того... Я с утра чувствовал... Интуиция.

Петров. Нет, не обязательно... Вот когда Шопен (*напевает*) – это будьте уверены, наверняка. А Чайковский – слишком утончённо.

Иванов. Этот нынешний-то молодой, рано ему, недавно заступил.

Петров. Ну, может, не главный. Там ещё этот на подходе, как его... в общем, есть претенденты.

Иванов. Ты слушай, слушай... мне тоже кажется, как-то что-то... в воздухе висит... Вот фильм этот грузинский...

Сидоров. Всё, музыка резко оборвалась... Тихо! Сейчас будет сообщение... (*Приник к форточке.*)

Иванов (*подражает диктору*). Центральный комитет с прискорбием сообщает...

Сидоров. Да тихо ты...

Петров. Ну?

Иванов. Ну?

Сидоров. Тсс...

Петров. Ну ?

Иванов (*тихо Петрову*). В детдоме у меня был абсолютный слух. В ансамбле выступал. Танцевальная сценка «Партизаны». (*Соответствующие жесты.*) Чух-чух-чух...

Петров (*Сидорову*). Ну же, что там?

Сидоров. Тишина.

Иванов. Ка-казалось бы... Сообщение менты могли как раз и выключить.

Петров. Ты уверен, что это Шестая была? Может, просто динамики проверяли...

Сидоров. Ти-ши-на.

Петров. Может, музыка вообще была не на зоне, а в другой стороне, в посёлке.

Сидоров. Эх ты, маловер. Всегда надо верить во что-нибудь светлое.

Иванов (*в раздумье*). Нет, но опять-таки... пшёнка-то всё-таки была на молоке: мне даже кусочек пенки попался... Какие-то перемены в воздухе... пшёнка...

Петров (*раздражаясь*). При чём тут пшёнка? Какая связь? Где логика?

Иванов. Да, пожалуй... пшёнка как-то не сюда... А вот станки отключили...

Петров. Вот! Станки – это да... И смотри, полдня прошло, и никакого шмона... Нормально, а?

Сидоров. Да нет, это как раз ничего не значит: сегодня кто дежурит – Вялый да Лентяй. Эти шмонать лишний раз не пойдут. Сидят чифирят в дежурке...

Иванов (*направляется к параше, но тут же со стоном возвращается, держась за поясницу*). Слышь, маэстро... Не могу низко наклониться. Покричи в парашу: есть кто в соседней камере?.. Чтой-то музыку пустили среди рабочего дня? Станки опять же...

Петров. Шопен, вот кто нужен – тогда уж никакого сомнения.

Сидоров (*наклонившись над парашей*). Ау, в шизо... есть кто-нибудь?.. Ау, в карцере... Никого, тишина.

Иванов. Война, вся зона разбежалась, и мы тут одни сидим заперты, как дураки. А если бомбёжка?

Петров. Типун тебе на язык. Дождёмся обеда, и кто там будет на раздаче – спросить.

Сидоров. Нет, не проканаает. Тут на раздаче всегда Ким... ну, ты знаешь... северокорейский шпион. Глухой как полено: ему говоришь, а он только улыбается беззубым ртом... (*Возвращается к окну.*) Ладно, живём дальше. Если кто примёр, своевременно узнаем... Успокоились.

Иванов. Успокоились.

Петров. Да, да, успокоились... (*Возвращает газету.*) Этот фильм, «Покаяние»... похоже, что-то у них там сдвинулось... Посмотрим, время покажет. С завтрашнего дня начинаем с тобой английскую фонетику. А пока извини... (*Встаёт на голову – одна из поз йоги.*)

Сидоров. Покаяние... А что если нам тоже покаяться, а?

Иванов. В чём каяться? Ка-казалось бы...

Сидоров. Ну... Мы могли бы не уточнять.

Иванов. В том, что в этой стране родились?

Сидоров. Нет, это не канает, не наша вина.

Иванов. В том, что задавали вопросы? Обычное дело... *(Обращается к Петрову, стоящему на голове.)* Вот, профессор, первое преступление: изготовил рукописный текст красителем лилового цвета... Говоря по-человечески, школьными чернилами на листочке в косую линейку написал письмо в Кремль – с вопросами. И зачитал его на собрании... и всё! Сначала в психушку: мол, нормальный такие вопросы не задаёт. В психушке экспертиза, пишут: «...интересуется иностранными языками, вслух декламирует Есенина, склонен читать и обсуждать книги по истории, что является результатом болезненного изменения психики». Лечить стали... Вышел на волю – год 68-й, Чехословакия... ещё два текста лиловым красителем с вопросами: зачем? почему? как можно? – и в лагерь на три года – клевета на государственный строй... И пошло-поехало: я им вопросы, они мне – лагерь... вопрос – тюрьма... вопрос – психушка... вопрос – лагерь...

Петров *(встаёт с головы на ноги)*. Эта поза называется саламба ширшасана – стойка на голове с опорой...

Иванов. Скажи, жить здесь, всё видеть... и не задавать вопросов – можно? А совесть куда девать?.. Нельзя жить всё время стоя на голове...

Лязг железных засовов и замков. Кованая дверь распахивается в черноту. По трансляции: «Иванов на выход».

Иванов (*берёт кружку, собирается надеть бушлат*). Ну, вот и всё, братцы.

Петров. Что это? Куда?

По трансляции: «Кружку и бушлат оставить». Иванов в недоумении пожимает плечами, привычно закладывает руки за спину, уходит. Дверь закрывается и запирается с обычным лязгом.

Петров. Ну, и что это значит?

Сидоров. Чувствуешь, из коридора одеколоном «шипр» потянуло? У бедного Ивана на этот запах рвотный рефлекс.

Петров. Без кружки и бушлата, значит... в пределах, скоро вернётся.

Сидоров. Капитан Шипр обожает шмоны. Прапорам не доверяет, сам зэков обыскивает, ощупывает, в промежность залезает... Как бы я его... ох... Кстати, на зоне тишина и тишина.

Петров. Ну вот... А ты Шестая, Шестая... В Израиль... А что Иван против имеет? Антисемит?

Сидоров. Да ну, такой же антисемит, как я русофоб. Может, слегка завидует в тоске: нет у него своего Израиля...

Петров (*садится за стол*). Всё. Ждём шмона... Самое время бы в шахматишки перекинуться... Знаешь, почему российская шахматная школа самая лучшая в мире? Потому что вся лефортовская тюрьма с утра до вечера режется в шахматы. Я там девять месяцев провёл до суда... По пять-шесть партий в день люди гоняют. Чемпионат между камерами дал бы уровень мирового первенства.

Сидоров. Можно и в шахматы.

Петров. Здесь разве есть?

Сидоров (*показывает на голову*). Здесь есть.

Петров. Вслепую?

Сидоров. А что, попробуем.

Петров. Но предупреждаю, у меня разряд.

Сидоров. Я самоучка... но попробуем.

Петров прячет что-то в кулаке, протягивает руки, Сидоров выбирает.

Петров. Твои белые.

Сидоров. На интерес?

Петров. Какой может быть интерес?

Сидоров. На общей зоне я с блатными всегда на интерес играл. Всегда с чайком был.

Петров. Но с меня что возьмёшь – увы...

Сидоров. Ладно, поехали... е четыре.

Петров. Е пять.

Сидоров. Давненько не брал я в руки шашки... Конь эф три.

Петров. Дэ шесть.

Сидоров. Давненько не брал я в руки шашки... дэ четыре. Защита Филидора – не знаю, как у вас в Лефортове, но на барнаульской зоне и вообще в современной турнирной практике применяется весьма редко.

Петров. О, какие речи... Кажется, я недооценил противника.

Сидоров. Ну, правильнее, соперника: побеждает дружба.

Петров. Слон гэ четыре .

Сидоров. Да... Такой ход был популярен лет сто назад – слон связывает коня. Согласно современной теории, ход явно ошибочный... дэ бьёт на е пять.

Петров. А вот посмотрим слон бьёт эф три... Во-обще-то я забыл, что с евреем в шахматы лучше не садиться. Русская шахматная школа – одни евреи.

Сидоров. Ферзь бьёт эф три. Неправда. Чигорин... гений Алёхин... Вася Смыслов.

Петров. Дэ бьёт на е пять. А как твоя настоящая фамилия?

Сидоров. Слон цэ четыре. Обрати внимание, угроза мата... слон, ферзь... Моя настоящая фамилия Сидоров Сидор Артемьевич.

Петров. Конь эф шесть. Артемьевич? Отец Артемий... а фамилия?

Сидоров. Ферзь бэ три... Мой папа, дай Бог ему здоровья, Сидоров Артемий Феодорович, сын Сидорова Феодора Игнатьевича..

Петров. А взять пешку тебе запаadlo... Ну, тогда ферзь е семь... А мама?

Сидоров. Конь цэ три... Мама, царствие ей небесное, в девичестве Кузенко Мария Опанасовна – простая украинская женщина, учитель начальных классов.

Петров. Цэ шесть... Ты, что ли, приёмный сын... где же еврей?

Сидоров. Слон гэ пять... Позаботься о безопасности короля...

Петров. Просим не беспокоиться... бэ пять. Так где же еврей?

Сидоров. Конь бьёт бэ пять. А евреев в роду нету.

Петров. Жертвуешь коня?

Сидоров. Без комментариев.

Петров. Цэ бьёт бэ пять.

Сидоров. Слон бьёт бэ пять – шах.

Петров. Конь бэ на дэ семь.

Сидоров. Рокировка... Позиция чёрных безнадежна.

Петров. Русские не сдаются... ладья дэ восемь.

Сидоров (*дальнейшие ходы в режиме «блиц»*).
Ладья бьёт дэ семь.

Петров. Ладья бьёт дэ семь.

Сидоров. Ладья дэ один.

Петров. Ферзь е шесть.

Сидоров. Слон бьёт дэ семь – шах.

Петров. Конь бьёт дэ семь.

Сидоров. Ферзь бэ восемь – шах.

Петров. Конь бьёт бэ восемь.

Сидоров. Ладья дэ восемь – мат.

Петров. Поздравляю... Ну так...

Сидоров. Что – ну так?

Петров. Какой же ты еврей?

Сидоров. Я, Петя Петров, еврей, потому что хочу быть евреем.

Петров. Бывает национальность по желанию?

Сидоров. Почему нет? Полно татар, украинцев, евреев... и ещё других, и других, хотят быть русскими, называют себя русскими, записаны русскими – и они действительно русские. Хотят разделить судьбу русских – пожалуйста! Некоторые из них вообще становятся самыми бешеными русскими националистами... возрази, глотку перегрызут... А я хочу быть евреем. Потому что жить иначе мне страшно и стыдно... стыдно и страшно.

Петров. Романтик ты наш неисправимый.

Сидоров. Да всё хорошо известно... Я же из Одессы... Холокост, погромы...

Петров. Ну, это всё было когда...

Сидоров. Это всё было всегда... Мама рассказывала, она хорошо помнила... посадила меня вот так

вот и начала рассказывать... лет десять мне было... а я уткнулся ей в колени, рыдал навзрыд и кричал «Замолчи! Не хочу слушать! Не хочу!». И так с этим знанием, с этим кошмаром в душе я и живу... Стыд и страх... И уже взрослым понял: если когда-нибудь, где-нибудь... хочу быть евреем... Я – еврей.

Петров (*встаёт, пожимает руку Сидорову*). Всё-таки жалко, что ты собрался в Израиль. Такого шахматиста лишаемся...

Сидоров. Да никуда я не поеду. Евреем можно быть где угодно. Пока всё это тюремные игры: у каждого зэка должен быть свой Израиль или что-то ещё, хотя бы деревня какая-нибудь, какой-нибудь Суздаль или Переяславль, куда он стремится мыслями и где мечтает построить свой дом и успокоиться, зажить тихо, умиротворённо... Любимое занятие благоразумного арестанта – чертить план будущего дома.

Петров. Будешь смеяться, но я в тюрьме целый год чертил – и так, и этак переиначивал, перестраивал – с мансардой, с балконом. Хочешь, покажу? Здесь спальня, здесь детская. И обязательно в саду...

Сидоров. Ничего смешного... Я сижу в своём саду, горит светильник... и вообще, если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря... Нет, моё место здесь, в России. Студенческий театр был у меня.. замечательный... «В ожидании Годо» ставили... событие театральной жизни... запретили, разогнали... Ничего, какие наши годы, мы ещё и «Под хладною мглой», Бог даст, сыграем.

Петров. Но не за театр же ты сидишь?

Сидоров. Да нет... Изготовил машинописный текст... изготовил два машинописных текста... изготовил три машинописных текста... Изучал со студентами толстовский перевод Евангелий и превратил в антисоветский семинар... на общей зоне не только не встал на путь исправления, а совсем, совсем наоборот, разлагал заключённых... ой, да скучно всё это...

Лязг запоров, открывается дверь. Входит Иванов, в руках несколько листков писчей бумаги, карандаш. Дверь закрывается, лязг запоров.

Сидоров. Да вот приговор как у Ивана, почти всё так же, слово в слово, мы все здесь одинаковые...

Иванов (*подходит к столу, оставляет бумагу и карандаш*). Э-э, нет. Ка-казалось бы.. но... Не одинаковые. У тебя в приговоре «изготовил машинописный текст», а у меня – «изготовил рукописный текст». Машинопись и рукопись... Прикинь, социальная разница: интеллигент, пролетарий?

Петров. Ну, что там?

Иванов. Смотря где...

Петров. Там, где ты был.

Иванов. Скоро обед. Там кореец уже мисками где-то недалеко гремит.

Петров. Что за бумага? Зачем?

Иванов. Эта бумага какая надо бумага. Ка-казалось бы... Пусть лежит.

Сидоров (*Петрову*). Тю-ю-ю... Ты его не знаешь. Теперь до-о-олго будет глумиться.

Иванов. У вас, я вижу, беседа... не хочу мешать.

Сидоров (*Петрову*). Он не антисемит. Он садист.

Петров. Иван...

Сидоров. Нет, нет, ты его больше не спрашивай... Его же самого изнутри распирает рассказать. Подождём. Только садись от него подальше: он лопнет у нас на глазах.

Иванов. Болтун – находка для шпиона... Так чем там тебя Мераб подогрел?

Сидоров. Вот тебе, а не Мераб. Ну же, Ваня, по твоей сияющей роже вижу... Пшёнка на молоке... Всё-таки *adagio lamentoso*, да? (*Напевает мелодию.*)

Иванов. Не обольщайтесь. Жив, здоров... Даже на человека стал похож: такой круглолицый... с лысиной и ба-альшая родинка вот здесь... обложка журнала «Огонёк» в дежурке на стене...

Сидоров. Знаем. Видели мы его. Это личина, Ваня. Это у них у всех так заведено: вначале надевают личину, слова говорят... обманывают, чтобы за

человека принимали. Приходит время, и личину отбрасывают... Большая политика, Ваня, это вообще всегда пляски с личинами.

Петров. Слушай, ну, давай уже напрямую, по делу...

Иванов. Ах, по делу хотите... вот, пожалуйста.
(Несколько жестов на языке глухонемых.)

Сидоров *(хохочет)*. Во раздухарился мужик.

Петров. Ну, полный дурдом.

Иванов. На языке американских глухонемых это означает: «Мама, я хочу домой».

Сидоров. Вот! Домой! С утра предчувствовал, только не знал, что и как будет.

Иванов. Не радуйся. Домой-то домой... оно, конечно, и можно бы... но никак нельзя.

Петров. Домой – когда?

Иванов. Это кому когда... Да и вообще, вы чего налетели? Это мои дела, вас не касается... Сейчас обед будет.

Сидоров. Хорошо, твои дела... Тебе – домой когда?

Иванов. Мне? Ну, мне... Мне-то, может, и вообще никогда.

Сидоров. А мне?

Иванов. Про тебя я вообще ничего не знаю... Но скорее всего тоже никогда.

Петров. Кто там? С кем ты разговаривал?

Сидоров. Да плевать. Какое нам дело. Ясно же: пургу гонит...

Иванов. Там... Ну, в общем, я был с женщиной...

Сидоров (*Петрову*). Ну, понял?

Иванов. Женщина... майор... Ксения Романовна... фамилию не ухватил... Так в порядке баба... лет сорок. Где-то я её видел раньше... Понимаешь? Из головы не идёт... Я её раньше видел, а где – не могу вспомнить...

Сидоров. О! Она же снилась тебе... В очках?..

Иванов. В очках. И серые глаза такие большие, внимательные, спокойные.

Сидоров. Ты ей сообщил, что ты её во сне трахал? Забыл? Суженые встретились. Она за тобой персонально приехала.

Петров (*взбешён, бьёт кулаком по столу*). Прекратите базар! Давай по делу.

По трансляции: «Приготовиться к приёму пищи».

Петров. Ну вот, пожалуйста.

Сидоров. Успокойся, профессор. Я сразу всё просёк, нас так уже выдёргивали: вот ручка, бумага, пиши, что признаёшь свою вину, что раскаиваешься, что просишь помиловать. Может, и отпустят... когда-нибудь.

Петров. И кого-то отпустили?

Сидоров. Да никто не писал.

Петров. Откуда ж ты всё знаешь?

Сидоров. О, я всё знаю... Не верь, не бойся, не проси – главная заповедь зэка. Ты – арестант, ты свободный человек, пока живёшь сегодняшним днём. Обед. Мне сегодня тридцать три года... Я дожил до тридцати трёх – это моя победа! Там у них свои игры, у нас здесь – обед.

Иванов (*убирает со стола бумагу, перекладывает к станку*). Он прав: обед – дело святое. Тем более, сегодня четверг, а по четвергам у нас на зоне гороховый суп – мой любимый. Всё! Успокоились.

Петров (*хватается за голову*). Дурдом. Тяжёлый сюр! Кафка. Сальвадор Дали... Жизнь в кошмарных сновидениях! Полная потеря чувства времени и пространства.

Сидоров. О! Понял наконец! И хорошо... Успокоились?..

Иванов. Тридцать три – возраст Христа?

Сидоров. Возраст восхождения на Голгофу... и воскресения, начала новой жизни.

Петров. Ну да, а мы – два разбойника по сторонам. Ладно, кротно несуд свой крест, подождём... Успокоились...

Сидоров. Ты говори, говори, это успокаивает.

Петров. От безысходности переходим в пространство библейской реальности. Тайная вечеря с гороховым супом. (*Моет руки под умывальником*). Что это, разве мыло? Руки помыть нечем.

Сидоров. Фарисей же удивился, увидев, что Он не умыл рук перед обедом. Но Господь сказал ему: ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства.

Петров. Знаю. Читал. От Марка.

Сидоров. Нет, от Луки.

Петров. От Марка.

Сидоров. От Луки. Глава 11, стих 38.

По внутренней трансляции: «Обед». Лязг отодвигаемых засовов, открывается «кормушка».

Сидоров (*предлагает Петрову пройти первым*).
Прошу, профессор.

Петров. Только после вас.

Сидоров. Нет, пожалуйста...

Петров. Нет, пожалуйста вам не позволять...

Иванов (*подходит к «кормушке», подаёт свою кружку; громко в черноту «кормушки»*). А интеллигенты не будут: как всегда, не договорились, кто первый, кто второй. (*Забирает алюминиевую миску с супом и кружку с чаем, садится за стол.*)

Сидоров (*подаёт кружку; громко в черноту «кормушки»*). Лей до краёв! Пень глухой! (*Обернувшись в камеру.*) Улыбается своим беззубым ртом и пальцем погрозил.

Иванов. Да может, он всё слышит.

Сидоров. Спасибо. (*Принимает кружку и миску, садится за стол.*)

Петров (*та же процедура с кружкой и миской; нагнувшись в кормушку*). Спасибо большое! (*Размещается за столом.*)

*Кормушка захлопывается, звук задвигающегося за-
сова.*

Сидоров (*достаёт из нагрудного кармана ложку; приюхивается к пище*). О-о-о! Это действительно праздник! (*Быстро, с жадностью ест.*)

Петров (*достаёт ложку, тоже принимается*).
О! И мой любимый тоже. (*Ест.*)

Иванов (*начал есть*). Гороховый суп – с копчёностями! Как у тёщи. Когда такое было? Нигде, никогда... Что там на зоне происходит? Что в стране происходит?

Сидоров. Думаю, что это из-за твоей подруги – пшёнка, копчёности.

Петров (*Сидорову*). А где сюрприз от Мераба?

Сидоров. Сюрприз на десерт.

Иванов. Что ни говори, а лучше всего еда в Москве, в Лефортовской тюрьме. Тюрьма КГБ. Воруется меньше, боятся.

Сидоров. Лефортово – это авторитетно! Там и библиотека отличная. Я там прочитал переписку Василия Андреевича Жуковского с Александром Ивановичем Тургеневым... Да и вообще, покажи мне человека, который отказался бы сидеть в Лефортово.

Петров. В Лефортовской тюрьме однажды такой потрясающе вкусный борщ давали... я пожадничал, добавки взял, с чёрным хлебом... а потом ночью так прихватило, думал всё...

Сидоров. Думалдубадумалдам.

Иванов откладывает ложку в сторону и пьёт суп через край миски.

Петров. Внимание, аттракцион. *(Поёт матчиши, какой обычно исполняют в цирке во время смертельно опасного номера.)*

Иванов *(оставив пустую миску).* Не голодавший – не поймёт... «Через борт» – вкуснее: можно большими глотками. Хорошо!

Сидоров. Мой праздник, вы мои гости, и я вам услужу. *(Собирает пустые миски и подходит с ними к открывающейся навстречу ему «кормушке»; с тремя полными мисками возвращается к столу; «кормушка» захлопывается.)* Угощайтесь, гости дорогие.

Петров. Что это?

Сидоров. О, это тоже в честь праздника – изысканный лабардан-с с картофельным пюре.

Петров *(принюхивается с неприязнью).* Треска, что ли?

Сидоров. Точно, лабардан-с.

Иванов. Из всех лагерей, где мне приходилось сидеть, самой либеральной была зона в Усмани, Белгородской области. С удовольствием вспоминаю. Хлеб лежал свободно, бери без ограничений... тоже и добавки можно было просить...

Петров. А из тюрем?

Иванов. Вильнюсская. Самая либеральная – вильнюсская тюрьма. Посылки-передачи – сколько хочешь, без ограничений. Местные от тюремной пайки отказывались. Мне, правда, пришлось довольствоваться только тюремной баландой. Но в избытке.

Сидоров. А мне больше нравится слово изобилие. Звучит: страна изобилия тюремной баланды...

Иванов. А вот оттуда меня отправили в Елецкую крытую тюрьму... Ох, братцы, там... С тех пор вот... ка-казалось бы... заикаюсь немного... Нет, за обедом лучше не вспоминать.

Петров. Итак, десерт... сюрприз от Мераба? Закрывать волчок?

Иванов. Не дёргайся, в обед, как правило, здесь не смотрят.

Сидоров. Нетерпеливый ты мой... *(Подходит к ящику, в котором прежде нашёл что-то.)* Спектакль есть спектакль. Ну, зрители, угадайте.

Иванов. Да чего темнить, это у блатных может быть что угодно, хоть коньяк французский... А здесь какой подарок? Пачка чая – и ничего другого.

Сидоров. Нет. Ну, ещё?

Петров. Не знаю.

Иванов. Не мучай.

Сидоров. Эх вы... Ладно, следите за движением руки... *(Поёт матчиш и, как фокусник достаёт из шляпы кролика за уши, выдёргивает из ящичка три небольшие морковки, держа их за ботву.)*

Петров. Вот это да! Морковки! Откуда здесь?

Иванов *(хохочет)*. Ой, не могу! Подарочек. Морковки.

Сидоров. Ботва зелёная, свежая – и от неё аромат свежести! Голова кружится...

Петров. Догадываюсь: это с ментовской фермы – там, отгорожена в углу зоны.

Сидоров. Не то, не то... Забудь... Это чудо библейское! Мы свидетели чуда живой жизни! А чудо разве может быть с ментовской фермы... *(Садится за стол, раздаёт каждому по морковке.)*

Петров. Ну что же, твоё здоровье.

Иванов. Как это ты сразу... Ты и с женщиной так же – сразу? Хотя бы чокнуться надо.

Сдвигают морковки над столом, тихо: «Ваше здоровье!»

Петров *(откусывает морковь)*. Сладкая!

Сидоров *(тоже откусывает)*. Не торопись, понемногу... по чуть-чуть, ощути аромат. Это как двадцатилетний Готье Фрер.

Иванов (*откусывает*). Вот грузин есть грузин: не вино, так закуску.

Петров. Очень полезный витаминный продукт.

Сидоров. Ой, что это?

Иванов. Ты что?

Петров. Что такое?

Сидоров. Не знаю, как вы, а я от первого же глотка захмелел... Правда, что это...

Иванов. А и правда... я тоже что-то чувствую.

Петров. А что, хорошая мысль, готов поддержать... Правда, что-то есть.

Сидоров. Может быть, что-то в воздухе сегодня – и мы плывём и летим?

Иванов. Когда человеку хорошо, он и без спиртного хмельной.

Петров. Бывает, люди в компании пьянеют по индукции.

Сидоров. Второй тост, как водится, за любимых женщин.

Петров. О! Мои где-то здесь недалеко. Я даже знакомый аромат почувствовал. Или вообразил.

Сидоров. У моей девочки сегодня тоже день рождения. Ей... где-то там, там, там... сегодня восемнадцать. Представляешь, мы родились в один день с разницей в пятнадцать лет... Только что-то она больше не пишет. Но всё равно... за неё.

Петров. А ты, Иван?

Иванов. Что я... мне и так хорошо... ка-казалось бы...

Сидоров. Всё же... она же тебе снилась...

Иванов (*резко*). Ладно, всё, оставили... Зэк всегда что-нибудь сочиняет: кто стихи, а кто женщину.

Сдвигают морковки над столом: «За здоровье».

Петров. Слушайте, а правда... и я захмелел.

Сидоров. Тайная вечеря и чудо в Кане Галилейской.

Иванов. Хорошо бы «Вечер на рейде» спеть...

Петров. Застучит.

Иванов. А мы тихо, шёпотом... (*запевает*) Прощай, любимый город...

Все тихо поют только припев: «Уходим завтра в море// И ранней порой мелькнёт за кормой// Знакомый платок голубой...»

Сидоров (словно цитирует). В тот момент все трое были счастливы.

Петров. Тут вот на столе много чего нацарапано. По-русски, по-грузински, по-украински, по-литовски, на иврите.

Иванов. Черенком ложки – запросто. Я уже где-то там расписался.

Сидоров. Хорошо бы когда-нибудь собрать вместе всех, кто оставил здесь автограф. Вот была бы компания, вот была бы вечеринка!

Петров. А что, выцарапаем: Ваня, Петя и... (Сидору.) Как тебя в детстве звали?

Сидоров. Сидор. Мама говорила: Сидик.

Петров. Ваня, Петя и Сидик были здесь... (Начинает царапать черенком.)

Сидоров. Подожди... Вот здесь вот моё любимое... кто-то выцарапал (Читает.) Мы знаем...

Петров. Да ничего-то мы не знаем...

Сидоров. Нет... мы знаем... Мы знаем, что ныне лежит на весах// И что совершается ныне.// Час мужества пробил на наших часах,// И мужество нас не покинет...

Долгая пауза. Молча доедают морковь.

Иванов. Слушай, профессор, а что ты такое напел Гарику в Чистополе, что он приехал сюда... и вскоре повесился.

Петров. Да нет... Армения... Гарик – дитя гор... страдал клаустрофобией... Всё ждал, когда в лагерь переведут, на зону: хотя бы небо над головой, не в бетонном гробу. Перевели. И тут же сюда закрыли. Ну и всё. Парень не выдержал.

Сидоров. Психологи...

Иванов. Я и говорю: его нельзя считать самоубийцей... Нас куда-то выдернули, он здесь один оставался... если только один... если вообще не помогли ему...

Сидоров. Ладно, праздник закончен... И поздравили, и помянули... Посуду в угол... *(Собирает со стола морковную ботву, пробует на вкус.)* Зелень горькая... оставлять нельзя, найдут, начнётся разбирательство...

Лязг открывающихся запоров, дверь распаивается в темноту. По трансляции: «Сидоров на выход без вещей».

Сидоров. Тебе, пролетарий, завещаю свою пайку. А тебе, профессор... переходи на защиту Нимцовича... И успокоились?

Петров. Успокоились.

Иванов. Успокоились.

Сидоров уходит, заложив руки за спину. Дверь с обычным лязгом запирается.

Петров *(собирает посуду, составляет на пол в углу).* Зелень, ботву, может быть, в парашу?

Иванов. Ну что ты! Чудо – и в парашу... Вон за окно: может, сидоровы птички склюют... или снегом занесёт. *(Выбрасывает ботву в форточку.)*

Петров *(садится за стол).* Я весь внимание.

Иванов *(возвращает на стол бумагу и ручку, садится напротив).* Ладно, коротко... Женщина, представилась майором... сидим вот так вот... бумага, ручка... «Пишите: прошу помиловать – и через три дня на свободе». По-ми-ло-вать... Я смеюсь: милуют признавших вину, раскаявшихся... «Хорошо, тогда просто напишите два слова: прошу освободить, дата, подпись. Всё. Прошу освободить – и до свидания». – «Скажите, спрашиваю, я по статусу – ООГЭПэ, особо опасный государственный преступник?» – «Да, конечно», – отвечает. И как же – всего два слова, и пожалуйста: особо опасный разгуливает на свободе? Смеётся: «Вы всё прекрасно понимаете». И смотрит, сука ментовская, на меня почти ласково.

Петров. А кто ещё был в дежурке?

Иванов. Да сидел там какой-то прапор в углу. И Шипр ходил где-то в коридоре. Небось у нас в камере шмон устроил... На выходе встретил: «Написал?» – «Нет». И вроде даже обрадовался, золото своё скалит: «Сидеть тебе до скончания века».

Петров. Ишь, как их припекло. В тупик залетели... Хотят, чтобы в мире за нормальных людей принимали... Да, да, да, да... что-то назревало всё последнее время... На них только извне можно воздействовать.

Иванов. Знаешь, как сказать на языке американских глухонемых: «Очень хочется морковки»? (*Соответствующие жесты.*) Это будет «очень хочется». А как сказать «морковка» – не знаю. По буквам надо.

Петров. Теперь, конечно, всех быстро освободят... Процесс пошёл... Но перед этим постараются унижить, опустить пониже... Освободить уже опущенных... Впрочем... не знаю... «прошу освободить» и подпись – формальность. Может, и теперь стоило принять.

Иванов (*подвигает бумагу*). А вот, пожалуйста... с собой дала: «Может, надумаете...»

Петров. Я-то что? Мне пока не предлагали.

Иванов. Предложат... О, забыл, нет мне оправдания... Сказала тебе передать: на машине отправила твоих на станцию – сердобольная! – с напутствием ждать тебя дома: мол, скоро будет.

Петров. Почему это? Вот не знаю, не уверен. Надо подумать. По газетам судить, всё меняется... Все эти прошения – косвенные признания вины... в дальнейшем всё может всплыть в публичную сферу. Тюрьма, лагерь – это, знаешь ли, при определённом раскладе может стать политическим капиталом... Надо найти какую-то золотую середину.

Иванов. Обычное дело... В прошлом году я сидел пятнадцать дней в карцере, вот здесь за стеной. Угловая камера, самая холодная и самая сырая. На пониженной норме питания: через день кормят, пытка голодом и холодом... И чтобы не свихнуться, стал упражняться в устном счёте – это не трудно, надо только вслух громко повторять числа. Мусора решат, что крыша поехала, но эти ничего, пусть... Стал подсчитывать, сколько же я всего просидел в нашем государстве всеобщего благоденствия, вообще всего – сколько? Получилось пять тысяч сто тридцать семь дней на тот момент. Пять тысяч сто тридцать семь дней – прикинь... В году... год целый!.. всего триста шестьдесят пять дней... А у меня получилось пять тысяч сто тридцать семь... С тех пор ещё дней двести прошло... А ведь ни в одной другой стране я ни дня в тюрьме не просидел бы, ни единого дня... У меня нет ни дома, ни семьи... Как-то вот люди живут, идут по своему коридору... Или на голове стоят... Нет, я не умею... не умею не задавать вопросы, потому что знаю ответы. Знаю наверняка, что зачем и кому выгодно... Знаю... А ты, профессор, ответы знаешь?

Петров. Да, знаю, книгу написал. И знаю, что делать. Поэтому я здесь.

Иванов. И что, теперь мы с тобой будем их просить о снисхождении? Пообещаем на золотой середине забыть всё, что знаем? Или забудем только часть? Какую часть?

Петров. Нет, Иван, так нельзя. Надо понимать... есть определённая тактика поведения..

Иванов. Тсс... Тихо...

Петров. Что случилось?

Иванов. Какой голосище! Ишь, как кричит на кого-то. С того конца коридора слышно.

Петров. Кто кричит? При чём тут...

Иванов. Думаю, майор Ксения Романовна. Не наш ли Сидор её расстроил чем-то...

Петров. В теории политический капитал состоит из...

Иванов (*перебивает*). Не знаю, капиталом не располагаю. Я не политик, я всего только политзэк, но уверен, что и сегодня, и ещё надолго в будущем это – самая достойная, самая почётная должность. У нас в стране политические заключённые – самые свободные люди.

Петров. Да пустое. Пока мы будем тут упираться, все что-нибудь напишут, кому охота сидеть лишнего... Унизят – да, опустят – да, миру предъявят униженных и опущенных... но освободят всех. Останешься ты здесь один, и тогда возьмут тебя за руки, за ноги, вынесут из зоны и положат вон перед воротами: вставай и топай на все четыре стороны со своим знанием... И весь остаток жизни будешь рассказывать... сколько там тысяч дней?... просидел несправедливо, да только слушать никто не захочет...

Лязг запоров. Дверь открывается, и в камеру извне вталкивают Сидорова – с такой силой, что он буквально вылетает на середину сцены, едва удерживаясь на ногах.

Петров. Не ушибся?

Сидоров (*держась за поясницу, садится к столу*). Вот тебе и Вялый... сволочь... в последний момент так по почкам саданул... Знает, как надо, большой профессионал...

Иванов. Что случилось-то?

Сидоров. Какой же омерзительный голосище у этой твоей ментовки... Не женись на ней, Ваня, не надо... Завопила, как ослица перед случкой. Тут же Шипр влетел, Вялый с Ленивым, схватили, поволокли...

Петров. Да что случилось-то?

Сидоров. Показывает она мне вот такую пачку писем: оказывается, девочка моя писала и пишет из своего Новосибирска постоянно... Но они всё конфискуют... по цензурным соображениям... «Будете освобождаться, говорит, все письма отдадим», – и бумагу передо мной кладёт: мол, пиши помиловку... Ну, тут я ей рассказал, как на подобные соблазны Иисус Христос ответил апостолу Петру... Ей не понравилось, начала голос повышать... И тогда, признаюсь, я не сдержался, хорошо высказался. Хорошо-шо...

Иванов. О, не сомневаюсь!

Сидоров. Она – совсем в крик... ну, вот.

Петров. Как ослица перед случкой – сильная метафора.

Иванов. Эх, маэстро, детская душа. Выпишут тебе завтра неделю карцера.

Сидоров. Да это уж к гадалке не ходи... *(Берёт в руки листок бумаги.)* Все заодно: напишу-ка я им всё, что о них думаю...

Иванов *(подходит к столу, забирает бумагу).* Недели холодного карцера твоим почкам и так хватит. А бумагу положим поближе к параше. Сгодится.

*Неожиданно включились станки. По трансляции:
«Продолжили работу!»*

Петров. Ну вот вам и Шестая симфония.

Иванов. Что ж, обычное дело... Монотонный труд...

Сидоров. Тонизирует кости скелета... какие ещё остались.

Иванов. Ка-казалось бы...

Петров. Не будем, не будем скандалить, можно и поработать на прощание. Успокоились.

Сидоров. Ну, раз так прописано в сценарии.

Приступают к работе.

Иванов. А знаешь, профессор... по газетам судить, вон как у них там всё быстро меняется... в будущем не увидим ли мы тебя в роли Лесного царя?

Петров. Нет, дорогой, окажись я в этой роли или хотя бы близко, это означало бы, что никакого Лесного царя уже нет.

Иванов. Ка-казалось бы... Но нет, не обольщайся: наша страна без Лесного царя не может. Обычное дело... Страна лесная, народ дремучий. Лесному царю самое раздолье – в головах и в душах... Вот увидишь, и эта камера долго пустовать не будет...

Сидоров. Кто мчится, кто скачет под холодной мглой... Под холодной мглой...

Петров. Вершина философии йогов – поза мертвеца. Небытие, пустота... пустота в пустоте... ни тела, ни мыслей, ни желаний... Очень успокаивает... Шавасана. Поза мертвеца. Мало кому удаётся.

Сидоров. Ну да... Отказываюсь быть... Отказываюсь жить в бедламе нелюдей...

Иванов. Сплошной брак идёт. Сплошной брак.

Сидоров. Кто мчится? Кто скачет? Думалдуба-думалдам...

Все трое молча продолжают работать. Ритмичное шипение срабатывающих прессов. На этом фоне тихо, но постепенно нарастая, звучит финал Шестой симфонии Чайковского. Полное затемнение. В темноте лязг запоров. На фоне музыки голос по трансляции: «Петров на выход с вещами». Петров в луче софита выходит на авансцену у правой кулисы. Голос: «Иванов на выход с вещами». Иванов в луче софита выходит на авансцену у левой кулисы. Голос: «Зэка Сидоров Сидор умер в тюремной больнице от острой почечной недостаточности за несколько дней до указа о помиловании. Похоронен на местном кладбище в безымянной могиле». Артист, исполняющий роль Сидорова, появляется в глубине сцены в луче софита. Затихающий финал симфонии Чайковского.

Свет в зале.

Занавес.

Январь – февраль 2017

РЕПЕТИЦИИ В МОНАСТЫРЕ

(Проклятие Елены Глинской)

В семи сценах

Действующие лица:

Он, Данила – 35 лет; режиссер и актёр, исполняющий роль митрополита Московского и Всея Руси Даниила.

Она, Елена – 29 лет; его бывшая жена, актриса, исполняющая роль великой княгини Елены Глинской.

СЦЕНА 1

Апартаменты в старинном здании, перестроенном под гостевой дом современного богатого женского монастыря. Входная дверь слева, справа – дверь в ванную. На переднем плане – гостиная-столовая, сзади и чуть сбоку – альков-спальня с просторной аккуратно заправленной кроватью.

Позднее утро. В окнах видны купола церквей, освещённые ярким летним солнцем. Внутренняя радиосеть транслирует церковную службу (женский хор). Входят Она и Он. Она везёт небольшой чемодан на колёсиках, какими пользуются люди, привыкшие к частым поездкам. У Него в руках небольшой бочонок с вином. Он ставит бочонок на хозяйственный стол, подходит к репродуктору, приглушает звук трансляции.

Она. Ого! Ничего себе... монастырь называется. Гостиница пять звёзд... Кожа, ковры... Кофеварка – ура! (*Заглядывает в ванную.*) Ванная – ты заглядывал? – ой!... Bravo! Замечательная идея – репетировать в монастыре.

Он. Здесь покои митрополита. Отдыхать приезжает.

Она. А что, губа не дура: тишина, лесные дали, река... И простор неохватный! (*С нафосом.*) Русь Великая!

Он. Сразу угадала! В советские времена здесь был дом отдыха станкостроительного завода – так и назывался «Русь».

Она. Ну, подойди наконец, я тебя поцелую. (*Целуются. Он пытается обнять её. Она решительно отстраняется.*) Ну, ну, прошу пана.

Он. Я что? Я ничего... ручонки – вот они.

Она (*пытается позвонить по телефону*). А ты сам-то – где? У тебя такая же роскошь?..

Он. Тут за стеной, скромная монашеская келья.

Она. Абонент разговаривает... Я потому и опоздала, что отвезла его в Шереметьево. Ну и за вином заехали на старую квартиру. Он говорит, вино в этой пьесе – важное действующее лицо. А ты, все это знают, притворяться не любишь, воду на сцене не пьёшь.

Он. На сцене всё должно быть правдиво: вино – значит, вино. Секс – значит, секс. Школа Станиславского.

Она (*смеётся*). О, как же, помню, в этой школе ты отличник... (*Снова пытается звонить.*) Абонент разговаривает... Видит ведь, что я дозваниваюсь... Ты сам-то где будешь жить?

Он. Уже спрашивала... Келья рядом, за стеной...

Она. А митрополит... пьесу он читал? Там тоже – митрополит...

Он. Ничего не знаю. Мне знать – не по чину. Твой Бубенцов договаривался: он автор пьесы. Он классик. Трубку курит. Голос зычный. Говорит медленно, вдумчиво. Крутой господин... Его слушают, у него связи. Все вопросы к нему... А я – так, исполнитель... Как в анекдоте: так, по нужде вышел.

Она. Надо же... Серьёзно, что ли? Мне казалось, ты за два года успокоился.

Он. Успокоился? Эта падла... увёл у меня любимую женщину. Всё жду случая, чтобы вызвать его на дуэль. Я убью его – и тогда успокоюсь...

Она. Перестань дурачиться, как я устала от этих твоих шуточек...

Он. Он деньги достал? Деньги, деньги от него нужны. Деньги...

Она. Не смей в таком тоне...

Он. Ладно, располагайся, – полчаса хватит? У нас рабочий день, сегодня ещё что-то успеем. Работать, понятно, будем здесь, у тебя. *(Собирается уйти.)*

Она. Погоди, посиди пять минут... Кофе не выпил – из творчества выпал...

Он. ...выпил кофе – и в мгновенье...

Она. ...возникает вдохновенье!

Обоюдный жест, каким... ну, например, теннисисты в парном теннисе выражают удовлетворение от выигранного гейма.

Он. А вот и монастырский хлеб. Вкусный невозможно! Всё, что с молитвой...

Она. ОК. Молись и вари кофе. Я – в душ.

Он. Погоди.

Она. Что? Жарко. Кондиционер в машине барахлит. Я вся...

Он. Ничего. Давно не видел.

Она. Неделю.

Он. Давно.

Она. На мне слой пыли... Вари кофе.

Он. Обедать принесут из трапезной. Игуменья приходила, привела послушницу, которая будет нас обслуживать. Молоденькая. Красотка невозможная, глазки вот такие. Из Бурятии. *(Закатывает глаза.)* М-м-м... Ну вот Мисс Улан-Удэ.

Она. Ах-ах.. Обедать рано, а кофе очень хочется. Я быстро.

Берёт сумку и уходит в ванную. Он начинает готовить кофе, но в какой-то момент решительно оставляет это занятие, подходит к двери в ванную, слушает. Идёт к входной двери, запирает на ключ. Возвращается к ванной, осторожно пробует открыть. Дверь заперта изнутри. Некоторое время стоит в нерешительности... Идёт к входной двери, поворачивает ключ, возвращается, наливает себе вина, разглядывает стакан на свет, пробует.

Он. Госкана, кьянти, санджовезе... Улан-Удэ... Тоже красиво. *(Усиливает громкость трансляции.)*

Она выходит из душа.

Она. Вот и я! *(Приглушает звук трансляции.)* Красиво поют. *(Пробует напеть.)* Смерть грешников люта, и ненавидящие праведнаго прегрешат... Кофе, конечно, не готов. Даня, Даня, о чём ты тут мечтал? *(Варит кофе.)*

Он. Ты из душа, как Афродита из морской пены – свежая, ароматная... Голова кружится... Пожалуй-ста, посмотри на меня... А помнишь, когда-то мы любили делать это, не выходя из ванной.

Она *(возмущена)*. Вот что, Данила Петрович... Смерть грешников люта. Мы зачем сюда приехали? Репетиции в монастыре. Атмосфера старины, XVI век...

Он. Всё, всё. Я пошутил.

Она. Ещё одна такая шутка, и я сажусь в машину и уезжаю. Заруби на носу: ты для меня – никто. Всё!... Ты же обещал... Ну что поделаешь, я люблю другого. Мы вроде жёстко договорились... А нельзя, чтобы эта Мисс Бурятия у меня тут ночевала – места много...

Он. Нет, пьесой не предусмотрено... Смотри, кофе готов.

Она. Вот я дура, поверила...

Он. Всё, Алёна... Прости... Это потому, что мы с тобой в кои-то веки вдвоём остались. Рефлексы всколыхнулись... Ты же знаешь, я неисправимый пошляк – так, болтаю... Всё! Приехали работать. Ты – великая княгиня Елена Глинская... Капучино по-монастырски – и... чего тянуть... начнём, пожалуй.

Она (*пытается позвонить по телефону*). Абонент недоступен... Ну и шут с тобой, абонент. Лети в свой Лондон...

Раздаётся колокольный звон.

Прекрасно! Вместо телефонных звонков у нас теперь будут колокольные звоны.

Он. Уж так прямо ты без него не можешь?

Она. А тебе-то что?

Он. Ещё раз... Алёна... Этот твой... Он – хозяин, автор, демиург. Я – постановщик, исполнитель. Он

написал – и всё, его нет. Дальше работаю я... Полное погружение в сюжет, в образ, в атмосферу, в колокольные звоны... Это моё условие, за этим приехали... В день по две репетиции – железно! В воскресенье меня ждут в Москве, а у тебя спектакль в Питере... Ты поняла?.. Нет, ты скажи, поняла?

Она. Господи, какой же ты вечный зануда.

Он. Ладно... О деле... Мы хорошо прочитали пьесу. Всё разобрали. Мизансцены развели... вчерне... так? Надеюсь, за неделю не забыла.

Она. Ох, Даня, боюсь, я тупая... XVI век – понятно. Митрополит московский Даниил – понятно. Юная Елена Глинская – понятно... Но как сыграть, что она...

Он (*перебивает*). Она – юная чувственная женщина. Ты вспомни себя в юности... Я помню: ни один мужик не мог смотреть на тебя спокойно... этот умопомрачительный аромат юной женственности...

Она. Может, хватит уже?

Он. Митрополит... Один немец, побывавший тогда в Москве, написал, что митрополит московский Даниил – здоровый румяный мужик, преданный больше удовольствиям, чем аскетическим подвигам... Ему же сорока нет. У него, небось, по утру член стоит, как долото...

Она. Это тоже немец написал? Что такое – долото? У тебя, как всегда, всё вокруг этого...

Он. Мы приехали, чтобы посмотреть на эти стены – им шестьсот лет... Вот это кресло – старинное, реликвия. Пятьсот лет. Говорят, из кремлёвских покоев... Я не люблю систему Станиславского. Мы не переселяемся в XVI век. Мы играем в XVI век. Играем. Искусство – не музей, не окно в прошлое... и даже не окно в настоящее. Искусство – игра, карнавал, прорыв, освобождение. Мы приглашаем желающих поиграть... Никакого костюмного правдоподобия. Стены, кресло, купола в окне – условно обозначили время, и достаточно. Сюжет игры – историки подсказали... А вот мысли, чувства, мотивы поступков, любовь, ненависть, отчаяние, смерть... всё, играючи, можно на себя примерить... Вспомни, Шекспир – тоже человек XVI века, почти современник нашего сюжета... Когда играют «Гамлет», никто не думает: вот окно в средние века... Эльсинор – место, где живёт современный Гамлет... Или тебе не интересно?

Она. Ты же видишь: я согласилась ехать, я здесь... Зануда! Очень интересно. Очень!.. Благослови, владыко...

Он. Убирай всё... И мне не терпится, работаем... В 1525 году Елене Глинской было 17 лет... И она мечтала...

Затемнение.

Тихо, но всё нарастая, звучит трансляция церковной службы. Теперь это мужской хор. На максимуме звука трансляция вдруг прерывается истошным женским визгом.

Свет.

СЦЕНА 2

Те же декорации... но теперь это – XVI век. Москва. Кремлёвские покои митрополита Московского и всея Руси. Владыка Даниил перед домашним аналоем, на котором раскрытая книга, – видимо, читал. В кресле, поджав ноги и закрыв лицо руками, юная Елена Глинская.

Даниил (*подходит к Елене*). Что случилось, княжна?.. Руки от лица убери... Что? Не слышу.

Елена. Крыса пробежала... вон там.

Даниил. О Господи... От визга уши заложило. Девушка нежная, а такая сила звука. (*Прикрывает окно*). Люди скажут, пытает митрополит девчонку...

Елена (*плачет*). Ненавижу этот ваш Кремль. Крысинный город.

Даниил (*поднимает с пола чётки*). Чётки потеряла, держи.

Елена. Не потеряла, бросила в крысу. Не попала.

Даниил. Янтарь?

Елена. У нас в Литве всё из янтаря. И крыс нету.

Даниил (*смеётся*). Где люди, там и крысы. В Литве – литовские крысы... (*В чарку наливает вино из*

бочонка.) Выпей вина – успокоишься... Читаем дальше.

Елена. Погоди. Ничего не соображаю. Руки дрожат.

Даниил. В монастыре, молодым монахом, я одну крысу приручил у себя в келье. В руки брал, гладил...

Елена. Сейчас! *(Встаёт, ищет что-то на полу, в углу. Возвращается.)*

Даниил. Что там?

Елена. Там дыра в полу. Она оттуда выскочила. Заделай.

Даниил. Сядь, княжна... Не княжеское дело дыры заделывать...

Елена *(садится на место)*. Крысу приручил...

Даниил. Да... зимой под рясой согревал.

Елена. Przeróżenie. *(польск. «ужас»)*

Даниил. Умная! Придёт и сидит, ждёт, когда в руки возьму... Как ребёнок малый.

Елена *(пьёт вино)*. Добрый, владыко... У тебя такие глаза хорошие. Как жалко, что тебе жениться нельзя. Взял бы меня в жёны. Ты бы мне каждый день книги читал, а потом пили бы вино и толковали прочитанное. *(Протягивает ему порожнюю чарку.)*

Даниил (*наполняет и подаёт чарку*). В хорошем вине, как в хорошей книге, глубокая мудрость: иная жизнь, иные миры. Один глоток хорошего итальянского вина – и вся история человечества тебе открывается. На вкус.

Елена. История... на вкус... Владыко... Мне всё время хочется у тебя благословения просить и губами к руке твоей прижаться... хоть ты и крысу в руках держал, это ничего... Слушать тебя люблю. Голос твой мягкий... И науки твои люблю – всё равно какие. И разговаривать... Читай, читай дальше. Пока три раза чётки не переберу, никуда не пойду, слушать буду. Матушка у Вознесения ждёт... подождёт... Читай...

Даниил. На чём остановились?..

Елена (*скороговоркой*). Ибо во изгнании zde, есмы вси человеци, якоже писано есть, яко пришелци есмы zde и преселници. Не сие бо есть отечество наше, но преселение и паче, истинно рещи изгнание...

Даниил. Не может быть. С одного раза запомнила? Ну-ка ещё раз, я проверю...

Елена. Не сие бо есть отечество наше, но преселение и паче, истинно рещи изгнание... Да я это и раньше читала.

Даниил. Тсс... Я тебе сколько говорил: девице самой читать зазорно... Адской бездне душу обрекаешь... Умная больно!

Елена. Умная, как крыса. Можешь спрятать меня под рясу.

Даниил. Прости, Господи, меня грешного: слушаю, терплю...

Елена. Мне читать не зазорно. Здесь в Москве мы, Глинские, чужие. У нас всё по-другому. Видишь, у меня на чётках Матка Боска Ченстоховска... Яко пришелци есмы зде и преселници – это про нас, про нашу семью.

Даниил. Нет, в мире, в миру то есть, все люди – вообще все люди – в изгнании. Как праотец наш Адам и жена его Ева были изгнаны из Рая, так мы, дети их, странствуем, неведомо где, мечтаем вернуться к Отцу нашему небесному.

Елена. А я мечтаю в Литву, в Польшу вернуться. Ваш Кремль крысиный ненавижу, Москву... полгода грязь, болото, телеги увязают, а полгода снег, люди по пояс увязают. Ненавижу Русь вашу немытую и пьяную...

Даниил. Уймись, раба!... Я добрый, добрый... Ишь, начиталась: Запад, Литва, янтарь у неё... Возомнила... Ты здесь, на Москве родилась, я сам и крестил тебя, и попку поцеловал на счастье – и ничего особо литовского или польского не увидел... здесь и выросла красавицей...

Елена. Тихо, не кричи так, владыко. Ты сам-то не чувствуешь? Тревога, страх... нет? Бежать отсюда хочется. Бежать... бежать, куда глаза глядят. Бежать.

Даниил (*крестит её серебряным наперсным крестом*). Молись. Слишком много чувствуешь.

Елена. А я не хочу меньше: что чувствую, то знаю. Чего не чувствую, того, может, и нет совсем.

Даниил. Как-то это заумно... На исповеди покайся...

Елена. Я, владыко, правда – грешница... Вот мне тут недавно грешный сон приснился, будто я на балу во дворце Сигизмунда. В Кракове. Король дворец перестроил, и в честь этого – бал. Матушка сказывала, как это бывает... Музыка, и я танцую... (*Поёт без слов.*) Кавалеры: прошу, пани... и снова: прошу, пани... И ты там тоже был, только не в рясе, а... стыдно вспомнить... А я кружусь, кружусь, голова кружится от счастья, как от вина... Утром проснулась – офеня под окнами, как ворон, кричит, не разобрать что, голос противный. Но всё равно, встала счастливая... голова всё кружится, кружится... хожу и пою. Матушка накричала, вышивать посадила... а в ушах музыка, глаза не видят. Иголкой тычу – укололась... кровь увидела, заревела – не от боли... так, себя жалко стало... Там танцуют, а я здесь с иголкой... Вечером ложусь, думаю, – Краков приснится... Нет... и всё, пропала музыка...

Даниил. Соблазн, бесовство. Постом и молитвой изгоняется род сей. И я за тебя помолюсь.

Елена. Наши бабы дворовые поют, как воют. Красиво, но сердце рвут... И я иногда выхожу к ним и тоже вою с ними вместе... ходим по двору – и воем

(поёт враспев, с долгими гласными, с повторами):
«Чёрный да ворон воду пил... Не допивши да полетел...» Называется хоровод... такая тоска... так мне их жалко!

Даниил. Каких еретиков, княжна, начиталась? Максима что ли Грека? Берсеня Беклемишева? Диссиденты трижды окаянные... Проглядел... Или это ещё раньше отложилось, до меня?

Елена. Страшно жить здесь, владыко. Я матери говорю: давай уедем, вернёмся в Литву. Она говорит, нельзя.

Даниил. Я тебя не слушаю.

Елена. Почему нельзя? Почему уехать называется «бежать»? И если про кого узнают, что хочет уехать, в железы заковывают или сразу убивают?

Даниил. Не слушаю, уши заткнул.

Елена. Мать моя, княгиня Анна, ездила как-то казнь смотреть и меня взяла, заставила. Ей нравится: как топор – тук! – кровь хлынула, она разрумьянилась, дышит часто – хорошо ей... А я... мухи чёрные над плахой прямо тучей... крысы стаями... меня выворачивает... Кого-то, говорят, сожгли на Москва-реке в срубах... Вот зрелище!.. И новые поставили – ждут, что ли, кого-то?

Даниил. За такие речи – знаешь... Здесь на Руси, княжна, мы среди врагов живём. На карту смотрела? *(Показывает по карте.)* На юге – Крым, татары, на

востоке – Казань, татары, на западе – твоя Литва, поляки, на севере – немцы, Ливония... Уехать равно к врагу перебежать.

Елена. А если со всеми в мире жить, в дружбе?

Даниил. С еретиками, с бессерменами какая дружба? Вот, например, в Литве твоей, в Польше они для причастия хлеб не заквашивают, опресноки берут... Вином не причащаются. И крестятся не справа налево, как положено, а бесовским крестом – слева направо... Прости, Господи... Какая дружба? Был Рим – в папскую ересь впал, в латинство. Второй Рим – Царьград, Константинополь... были они в вере нетверды и за то Бог наказал, неверными завоёваны... Москва – Третий Рим. Кроме как на Руси, истиной веры во всём мире не осталось. Нигде! Бежать из Руси – от Бога отречься.

Елена. Всё равно... Если бы могла, бежала бы. Бог повсюду един.

Даниил. Молчи! Не в оковах живёшь, а душа в плену... Дай-ка мне эти твои чётки.

Елена. Зачем тебе?

Даниил. В печь брошу. Тебя освобожу. Янтарь – латинство, грех.

Елена. Не отдам. Тогда и меня – в печь. В те вон срубы...

Даниил. Ишь, какая... а крысы боишься.

Елена. Мы, Глинские, князья литовские...

Даниил. Вы – Глинские. Помню, как твой отец и дядя сюда из Литвы бежали. Что-то они там натворили... Их приняли. Отец твой покойный государем обласкан был. Прижились. Мать твою... Да вон она, отсюда вижу, из церкви вышла, сияет от счастья... ещё бы не сиять, сам великий князь Василий Иванович всея Руси на дочь её глаз положил... А мамаша – великокняжеская тётка будет. Немало!

Елена (*приняла за шутку, смеётся*). Она – великокняжеская тётка... Ой, не могу! Хотела бы я на неё посмотреть... (*Осознала.*) Что?! Как так? Что говоришь?

Даниил. Ай, проговорился... Да ладно... Что ж я, зря что ли с тобой второй месяц тут... Мало кто знает... но теперь и тебе пора: на Рождество, чадо, великой княгиней тебя нарекут. А на Крещение и обвенчаем.

Елена. Что ты! Этого не может быть... Как?.. Я тебе не крыса прикормленная, чтобы так запросто в руки взять.

Даниил. Ну да, ты гордая полячка... Князю этим и приглянулась.

Елена. А я-то... Этого не может быть.

Даниил. Как не может быть, если мои приказные уже Грамоту приготовили. (*Берёт в руки грамоту, читает.*) Наказ по всем церквам, по всем епархиям, чтобы о здравии новонаречённой великой княгини

Елены Бога молить и поминать на ектениях вместе с именем великого князя...

Елена. Нет, нет, нет.

Даниил. Русь тебе плоха... Русь твоя теперь – мужеского рода. Муж твой будущий – вот вся твоя Русь Великая.

Елена. Нет, владыко... Это ты так хочешь, да? Я знаю, ты меня любишь... Не надо... Порви грамоту... Великий князь женатый, они венчаны. Двадцать лет с Соломонией прожил. Зачем я? При живой жене! Двоежёнец он, что ли? Он же старый: двух жён не потянет... Господи, помилуй...

Даниил. Двадцать лет женат, а наследника нет.

Елена. Ну и что? На всё воля Божья. Значит, так надо... И Господа благодарить.

Даниил. Пустое говоришь. Государь наш Василий Иванович всё уже решил.

Елена (*в отчаянии*). Государь... решил?

Даниил. Я что могу... ты от меня теперь отдалась, и мне – только издали любоваться. Твоя жизнь теперь – дело государственное...

Елена. Попала...

Даниил. Безвластие державе смерть. Наследника нет, державу кому оставить? Князь перед Богом в

ответе за нас за всех, за Русь Великую, за веру православную.

Елена. Нет, нет, завтра сама к Соломонии пойду, челом бить стану.

Даниил. Забудь! Нет больше великой княгини Соломонии.

Елена. Убили?!

Даниил. Зачем, постригли.

Елена. Potwór... Чудовище...

Даниил. Ибо сказано: неплодную смоковницу посекают и измещуть из винограда... Вчера постригли. Я благословил. В Суздаль, в монастырь...

Елена. Страшно, владыко...

Даниил. Всё чисто... И венчать сам буду. Обручается раб божий Василий рабе божьей Елене... Обручается раба божья Елена рабу божьему Василию... Великая княгиня Елена всея Руси... Страхи свои забудешь... И я, монах недостойный, глядя издали на тебя, тоже буду счастлив: красавица, умница... Что ж, каждому своё счастье. Я тебя крестил, я тебя обвенчаю, ещё и детей твоих, Всея Руси наследника крестить буду.

Елена (*вплотную подходит к нему*). Скажи, владыко, я правда красивая?

Даниил (*отшатывается, отходит подальше*). Да ты что. Какой бес в тебя вселился?

Елена. Месяц к тебе за наукой езжу. Ты, понятно, монах... О плотских грехах трактаты пишешь. Помню, ты мне читал... истинный христианин должен распинать свою плоть со страстями и похотьюми, умерщвлять свои... эти... уды... Но я вижу, как ты иногда на меня смотришь... Как вздрагиваешь, когда я губами к руке твоей прикладываюсь, и руку не сразу отнимаешь. Как носом водишь... Я вижу, ты мужик, живой... Неужели понять меня не можешь? Я – человек, не крыса, которую приручить можно... Какая из святых в монастырь из-под венца сбежала – в «Кормчей книге» написано?.. Может, договоримся? Скажи, блудницей оказалась, на исповеди, мол, призналась – и великого князя недостойна... Давай, давай, совершим эту сделку... В монастырь лучше.

Даниил (*берёт в руки икону, как бы защищается ею*). Изыди, сатана.

Елена. Нет, нет, нет!

Даниил (*возвращает икону на место*). Владимирской заступнице надо молиться, а твоя Ченстоховска – видишь, куда заводит...

Елена (*плачет*). Нет, нет, нет!

Даниил (*смеётся*). Вот ладно! Великий князь велел позаниматься с тобой, подготовить. Скажут: вот подготовил монах невесту. В тех срубах нас и сожгут вместе, бесом одержимых.

Елена. Да! Как хорошо – вместе!.. Господи, как же быть?

Даниил. Как быть – радоваться! Великий князь – мужик, победитель, татар прогнал, Смоленск у Литвы отвоевал. И тебя не так просто берёт – завоевать хочет... Утром видел его: он бороду сбрил! (*Смеется.*) Где такое видано? Мужик у под пятьдесят, а он без бороды. В средней юности суще... Тебе, чадо, понравиться хочет. Бережно возляжет с тобой, чтобы кожу твою нежную бородой не поцарапать...

Елена. Мне нельзя. (*Шёпотом.*) Я грешница, владыко.

Даниил. Как? В чём грешна?

Елена. Я не сказала тебе. Я давеча во сне не одна кружилась. Я с князем Иваном, обнявшись, кружилась. Тесно так обнялись, прижались крепко. Я его всеми чувствами чувствовала... как блудница... И вдруг мне так хорошо сделалось... никогда так не было... И проснулась счастливая.

Даниил. Что чувствовала? С каким ещё Иваном?

Елена. С Иваном Оболенским.

Даниил. С Овчиной? Его Овчиной прозывают.

Елена. С ним.

Даниил. Кружилась?

Елена. Ну да, кружилась.

Даниил. Как кружилась? Во сне или наяву?

Елена. Не знаю. Во сне... но как всё равно наяву.

Даниил. Как не знаешь... Тьфу. Тебя же вчера мать в бане осматривала: говорит, всё там у тебя на месте. Ещё и боярыни посмотрят... Напугала... Блудница!.. Да и Овчина этот женатый уж лет пять как... Ох, напугала... Ты это, смотри...

Елена. Не хочу. Думать противно... И страшно.

Данила. Смирись, чадо! Воля княжеская – Божья воля. Противиться – грех! Не князю в постель – Богу в руки попадаешь. Господь смотрит с небес и радуется. Русь наша чем сильна? Смирением. Послушанием.

Елена. Чувствую и знаю, что будет...

Даниил. Опять... Я тебя сейчас матери сдам с рук на руки. И велю до венчания запереть и одну не оставлять – ни днём, ни ночью. Уж она-то удачу не упустит... Молись своей Матке Боске Ченстоховской.

Елена. О беззаконии нельзя молиться.

Даниил. Ты о душе своей молись... И обо мне, монахе грешном... Ты же мне не чужая... Всё вижу, всё понимаю... Прости меня, Господи, что в огонь бросаю чадо сие... Имени твоего ради... Будь милостив к ней, сохрани её и помилуй... Молись со мной.

Затемнение.

*Негромко звучит музыка: что-то из А. Шнитке.
Слышны раскаты грома и шум дождя...*

Свет.

СЦЕНА 3

Середина дня. Он погружён в чтение на экране планшета. Она у двери: видимо, только что вошла; попала под дождь, слегка промокла и от этого радостно возбуждена.

Она (*проходит, раскрывает окно*). Какая молодая, мощная гроза: налетела, прогрохотала, ливанула, унеслась... На том берегу молния в дерево ударила – и оно вспыхнуло сразу всё, целиком... Страшно и прекрасно!.. Не смотри, я переоденусь... Хорошо, что мы приехали сюда: здесь легко представляешь себе вечность... XVI век, кажется, где-то за рекой, в глухих лесах... Надо обязательно сходить в лес... Я видела у тебя в машине в чехле ружьё, что ли? Охотиться собираешься? Даня!

Он. (*отрываясь от планшета*). Да? Да нет, вряд ли... Хотя ты права, дичи здесь ой сколько! Приходила послушница, обед предлагала, я отказался: жарко... Оставила салат, холодные закуски, бутерброды. Если хочешь, можно с кофе.

Она. А ты говори прямо: мол, Алёна, свари кофе, накрой на стол...

Он. Да, у тебя это лучше получается. (*Снова погружается в чтение.*)

Она (*во время последующего диалога разбирается с холодными закусками, накрывает на стол, собирается*

варить кофе). Сколько-то лет назад, когда мы только начали жить вместе, некий твой друг-иконописец... помнишь, где-то в рязанских лесах мы у него были... он сказал, что с нас икону писать можно: Пётр и Феврония, семейное счастье. Как фамилия того иконописца? Он какой-то известный... Даня!

Он (*не отвлекаясь от планшета*). Да? Что?

Она. Как фамилия того иконописца?

Он. Андрей Рублёв.

Она. Дурак.

Он. Кто? Почему дурак?

Она. Всё, проехали.

Он. Не понимаю, что скандалить-то? Попросила назвать фамилию известного иконописца. Я думал, ты кроссворд заполняешь...

Она. Это ты всю жизнь кроссворд заполняешь. Жизнь, любовь, холодные закуски, творчество, пьеса, бывшая жена, монастырь, XVI век... И чтобы всё называть и всё пересеклось...

Он. В этом суть искусства.

Она. Но в жизни ничего никогда не сходится.

Он. Погоди пока с обедом... Мне вот что в голову пришло... Давай-ка ещё раз этот монолог: «Месяц к тебе за наукой ежду...»

Она. Ну, может, после обеда? Как-то вдруг...

Он. Нет, нет, забуду, мысль уйдёт...

Она. Но я так не могу.

Он. Ты можешь. Ты всё можешь.

Она. Ну хорошо, подожди... Надо вернуться... (*После небольшой паузы.*) Скажи, владыко, я правда красивая?

Он. Да ты что. Какой бес в тебя вселился?

Она. Месяц к тебе за наукой ежду. Ты, понятно, монах... О плотских грехах трактаты пишешь. Помню, ты мне читал... истинный христианин должен распинать свою плоть со страстями и похотями, умерщвлять свои уды... Но я вижу, как ты иногда на меня смотришь... Как вздрагиваешь, когда я губами к руке твоей прикладываюсь, и руку не сразу отнимаешь. Как носом водишь... Я вижу, ты мужик, живой... Неужели понять меня не можешь?..

Он. Стоп!... Ну, что это такое?.. Слова, слова... Ты пойми, этот монолог – ключевой... Она ему отдаётся: это по сути своей – акт... её виртуальный акт с ним. Это она вздрагивает. Это она – всей своей нежностью принимает его в себя... и из этой нежности –

должна в чужую постель, к ненавистному пятидесятилетнему старику... Невозможно! Понимаешь, о чём я? Больше секса!

Она. Сомневаюсь... Это у вас, у мужиков развратного XXI века всегда все разговоры, все взаимоотношения упираются... постель, секс... долото... *(Снова занимается обедом.)*

Он. Не разговоры – жизнь в это упирается. Во все века.

Она. Даня, Даня, как женщина, спавшая с тобой в одной постели несколько лет... открою тебе страшную тайну: любовь и секс – не одно и то же. Особенно у женщин. А в прежние времена женщинам, может, и думать о таких вещах зазорно было. Помнишь: «И полно, Таня, в наши лета мы не слыхали про любовь...»

Он. Хорошо, слушай и воображай себе эту женщину *(читает с планшета)*: «Что за зло ты против меня имеешь, что ко мне не приходил? Если бы тебе было любо, ты бы вырвался и пришёл. Никогда тебя не оставлю. Отпиши же мне... Буде я тебя по своему неразумию задела, и ты почнёшь насмехаться – судя тебе Бог и моя худость...»

Она. Красиво как... А кого воображать надо? Это я... Судия тебе Бог и моя худость – так и я могла бы тебе написать.

Он. Ты, ты... это ты, но тысячу лет назад. Берестяная грамотка... Новгород, одиннадцатый век..

Она. Видишь, тонкие чувства – и ничего такого...

Он. А вот ещё... со страстной хрипотцой (*читает с планшета*): «Како ся разгоре сердце моё, и тело моё, и душа моя до тебе и до тела до твоего и до виду до твоего, тако ся разгори сердце твоё, и тело твоё, и душа твоя до мене, и до тела до моего, и до виду до моего». А?! Ты видишь её? Встревоженная мордочка любви... Семьсот лет назад...

Она. И как это они писать умели?

Он. Умели! Писать, чувствовать, выражать чувства... В мире, в истории всё движется любовью. Когда бы не Елена, что Троя вам, ахейские мужи...

Она. А Петра и Февронию теперь отлили в бронзе и ставят чуть ли не перед каждым ЗАГСом... Иди-ка сюда. (*Он подходит.*) Встань рядом. Опустит руки. Представляешь, мы с тобой вот так вот стоим перед каждым ЗАГСом... Кошмар!

Он берёт её за руку и делает движение обнять, но она решительно отстраняется, пытается отнять руку, он не отпускает, происходит некоторая борьба.

Он (*отпускает её*). Стерва!

Она. Сыграем драку? Цирковое антре: клоуны дерутся – публика хохочет.

Он. Не понимаю, ты что, дразнишь меня, что ли?..

Она. Ну что ты! Слабая попытка проверить свои силы.

Он (*отходит к книжной полке, последующие реплики с той или иной книгой в руках*). Кстати, а буряточка очень даже ничего. Строгое монашеское ей к лицу, и она это знает... Ты с ней спала в одной постели?

Она. Меня тошнит от твоих пошлостей.

Он. Да я ничего такого не подумал даже. Ложе широкое, и двое удобно уснут, что ж такого.

Она. Кресло раскладывается... Кушать подано, владыка... Слушай, а в прежние времена ты правда любил... меня? Всегда сомневалась.

Он. Так... поворот темы... Вопрос на бересте... Век двадцать первый... Что это ты вдруг?

Она. Да так... Ты ведь соврешь, что любил. А женщине всегда приятно слышать это снова и снова.

Он. А вот вопросом на вопрос: ты, когда соглашалась ехать сюда, как всё это видела? Твой Бубенцов, отпуская тебя сюда с мужиком, с которым ты до него семь лет охотно трахалась напрапалую и везде, где только можно, – он о чём думал?

Она. Его даже спросить нельзя. Данная услуга недоступна...

Он. О любви... Два года назад... Вернее, два года и три месяца... Я был на съёмках, но люди, соседи всё

знают, всё видели и мне рассказывали: пока ты дома собирала вещички, он ждал тебя внизу в своём «мерсе», даже мотор не глушил... То есть вы вдруг решили... вместе обедали или что вы там делали вместе – и вдруг решили. Быстро собрала вещички, выпорхнула, запрыгнула в машину – и привет! А я что... С порога смотрит человек, не узнавая дома. Её отъезд был как побег. Кругом следы разгрома... И, наколовшись об шитьё с невынутой иглой, внезапно видит всю её и плачет втихомолку... Насчёт шитья, в нашем случае, это, конечно, смелая метафора... Но слёзы были настоящие... Были, но все высохли.

Она. Собрала... запрыгнула... А теперь вот услуга недоступна. Хочет, наверное, на ходу выбросить меня из «мерса».

Он. Забыл сказать... Игуменья приходила... Что-то со здешним ретранслятором – нет ни телефона, ни Интернета, ни телевиденья. Полный XVI век.

Она. Ну вот. Теперь он решит, что это я не звоню... И что подумает?

Он (*с бутербродом в одной руке и книгой в другой*). Вот! Послушник, послушница...

Она. Сядь, как меня раздражает, что ты никогда не можешь поесть, спокойно сидя за столом.

Он. ...человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество, прислужник в монастыре. «Алёша вдруг объявил, что хочет поступить

в монастырь и что монахи готовы допустить его послушником». Достоевский.

Она. К чему это?

Он. Да так, слово послушница нравится... Послушница – значит, послушная, доступная... Никуда он от тебя не денется. Двадцать лет разницы... Он, поди, и мечтать не мог, что его полюбит такая женщина.

Она. Мог, не мог... Давай о чём-нибудь другом.

Он. А я доволен, что телефон выключен.

Она. Как я люблю это твоё: «а я доволен»... Вот смотри, ты отказался от обеда, а меня даже не спросил. Может, я была бы не прочь пообедать... Ладно, ладно... мелочь, действительно жарко... Но вся жизнь из мелочей... Считается, прожили семь лет: то ты на съёмках, то я на гастролях... сколько мы реально жили вместе? Три раза я уходила, и ты каждый раз за руку приводил меня обратно – и я покорно шла и оставалась... Послушница... Говорят, молодые актёр с актрисой – это не семья, а общая грим-уборная. И у нас была... но не общая, твоя грим-уборная, в которую ты затащил меня, нищую провинциальную девчонку... Ты был моим кумиром: твой Гамлет на сцене, твой Чехов в кино... Я, Даня, очень тебя любила и долго, долго не могла из-под тебя вылезти... Не в том смысле... хотя и в том тоже... Теперь всё! Я ушла, потому что выросла. Я – взрослая самостоятельная женщина. У меня есть имя, есть работа. Да, я стерва! И мне, по большому счёту, по барабану и ты, да и Бубенцов тоже. И что ты здесь думаешь, и

что он там подумает... Я с тобой в монастыре только потому, что мне интересна эта работа, эта несчастная литовская девочка. (*С расстановкой.*) Я... здесь... работаю.

Он. Нет ничего более вредного и бессмысленного, чем натужная и ненужная борьба человека с собственной природой... Вот, например, понятие греха... Возникают страшные неврозы. Это я о нашей пьесе, о спектакле. Невроз греховности – и у людей, и даже у целых народов. Представляешь: нация неврастеников? Юридические законы, мораль, религия – всё это создаётся сексуальными неврастениками. Вот точно! Не любовь движет историю, а то, что мешает людям любить – коллективный невроз греховности.

Она. Как-то я вдруг устала... Что-то у нас идёт не так. Бубенцов, невроз греховности... В нашей жизни, Даня, что-то идёт не так... Может, нам отдохнуть? Сходи завтра на охоту, убей кого-нибудь.

Он. Женщине достаточно чувствовать: что-то идёт не так. Ты вон почувствовала, ушла от меня – и с концами. А мужик – нет... Мужик должен сформулировать, что именно идёт не так... Я пока не могу, сам не очень понимаю.

Она. Формулятор ты наш. Разгадыватель жизненных кроссвордов... Хорошо. Завтра будет завтра. А сегодня – работать... Благослови, владыко.

Он. Надо прибрать здесь... а можно и так оставить. Ещё раз повторим этот твой монолог – и пойдём дальше, дальше...

Затемнение.

Музыка (например, Шнитке – Для сопрано и смешанного хора).

На фоне музыки звуки ночной кремлёвской жизни: тихое конское ржание, позвякивание сбруи, скрип тележных колёс; слышна также переключка дозорных на кремлёвских башнях: «Богородице Дево Марие, моли Бога о нас!», «Святителю отче Николае, моли Бога о нас!», «Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас!» и т. д. В этой приглушенной шумовой симфонии постепенно становится всё явственнее различим мужской голос, читающий молитву.

Свет.

СЦЕНА 4

Покои митрополита в Кремле. Даниил молится, стоя на коленях. У двери – Елена. Она только что вошла.

Даниил. Боже Отче, врачу душ и телес... исцели рабыню Твою Елену, Всея Руси Великую княгиню от обдержания ея телесныя немощи: и оживи ея благодатию Христа твоего... *(Замечает присутствие Елены, прерывает молитву, поднимается с колен.)* Господи, помилуй... Княгиня... в таком виде. Что случилось?

Елена. Благослови, владыко, рабу недостойную.

Даниил *(даёт благословение)*. Господь благословит... Одета как ключница или повариха.

Елена. А мы и утекли через поварню. Тайно.

Даниил. За дверью там кто?

Елена. Никого.

Даниил *(выглянул в окно и плотно закрыл)*. Одна не побоялась?

Елена. Одна не хожу. Аграфена внизу в сенях осталась с твоим келейником. А я... мол, исповедаться хочу владыке. Подол в руки – и вверх... посчитала, тридцать шесть ступеней, легко – молодая, не болезная.

Даниил. Келейника велю розгами высечь...

Елена. Нет уж, не смей. Я ему приказала – как бы он ослушался? Я здесь пока ещё великая княгиня.

Даниил. В обед подачу от твоего стола принесли. Осетра фаршированного – хорош осётр... Ну, думаю, вспомнила. Или к себе призовет, или сама навестит... Но чтобы вот так – одна, одета по-простому... *(Выглядывает за дверь, чтобы убедиться, что там никого нет.)*

Елена. Сколько здесь не была, а всё как прежде. Разве вот у Богородицы лик потемнел. Словно печалится, матушка, на нас глядя. *(Крестится на икону.)*

Даниил. Лампады коптят, образа темнеют...

Елена. Книги какие новые есть? А то ведь и читать разучусь: княгине читать-писать зазорно, дьяки за меня читают-пишут.

Даниил. Смотри сама, всё здесь... Нет, я всё никак не пойму... Ты бы сказала, княгиня, я и сам бы челом бил: мол, прими недостойного...

Елена. Принять – куда? В княгинины хоромы? В толпу лживых боярынь с раскрашенными рожами? К шутихам и карлицам? К слепым гуслирам и домрачням? А хочешь, в комнатный сад с канарейками в шёлковых клетках? Что будем делать? В карты? В шашки? Может, на качели? Где принять тебя – в этом моём кошмарном сне, из которого я четвёртый

год никак не проснусь. Я ведь и в баню одна не хожу – обязательно две боярыни со мной. Тьфу... Тюрьма... Я всё мечтаю: как где пожар неподалёку, – может, и до нас дойдёт и сгорят эти хоромы со всеми насельницами, со всеми крысами, тараканами...

Даниил. Дворец каменный, не загорится.

Елена. Нет, не загорится... но мечтать-то можно... Или самой изнутри поджечь?

Даниил. Не грехи.

Елена. Грех, конечно, соблазн, а руки чешутся! Вот Аграфену взяла и сбежала к тебе... через поварню выскочили. Не знаю, видел кто нас, не видел.

Даниил. Донесут. Государь великий князь Василий Иванович недоволен будет. Меня накажет.

Елена. Государь второй месяц по охотам. Если не война, то охота. Ты, поди, знаешь: был в Твери, теперь на Волок Ламский. Со всей свитой... Ненавижу охоту: выпивка, бабы...

Даниил. Про баб – это ты лишнее, конечно... А так заведено от века. Охота – царская забава.

Елена. Помяни мое слово, на охоте и помрёт от обжорства и пьянства.

Даниил. Прости, Господи... Какая ты чёрствая. Предсказываешь, как приговор читаешь.

Елена (*просматривает книгу*). Ты эти вот «Аристотелевы врата» пришли мне. Читала когда-то, нравились...

Даниил. Вина не повелишь ли? Помню, любила. Из Италии.

Елена. Погоди. Я, владыко, правда исповедаться пришла.

Даниил. Лукавишь, княгиня. Для исповеди у тебя свой духовник имеется, там, в хоромах, всегда под рукой... Тут что-то другое.

Елена. Того духовника мне не надо... Забери его совсем. Исповедь он всегда с одного и того же начинает: «Како, дочь, прежде доиде греха и како прежде растлися девство твоё, блудом ли или с законным мужем или скаредьем, еже есть всякий блуд через закон?»

Даниил. Таков чин исповеди.

Елена. Но не каждый же раз одно и то же... Како, дочь... и опять: како, дочь... да тако... како... А он и дальше почнёт расспрашивать, что и как я князя принимаю – и так ли? и эдак ли? И начинает перечислять блудные грехи... Я молчу, а он говорит, говорит, – и всё о разных блудных грехах, с удовольствием, поёт прямо. Кто кого исповедует?..

Даниил (*смеётся*). А ведь вроде монах, старец...

Елена. Монахи разные бывают... Одни за Волгой в скитах о нас молятся... А об иных наслышаны. Боярыни мои страсть как любят монастырские истории: рассядутся, рассказывают по очереди и ржут, как лошади.

Даниил. Ну что же, чадо... что ты там нагрешила... исповедь так исповедь... погоди, хоть епитрахиль надену... *(Надевает облачение, молится перед иконами.)* По самому краткому чину будем исповедаться... Повторяй за мной... Исповедую Богу и пречистой Его матери и всем святым и тебе, отче, все прегрешения моя и вся злая дела...

Елена. ...яже помыслех и яже глаголах и яже волею сотворих или неволею, яже помню и не помню... *(Решительно.)* Нет, ничего этого не надо. Не те слова... Давай, владыко, просто поговорим...

Даниил. Хоть псалмы почитаем... Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей и по множеству щедрот твоих...

Елена. Нет! Ничего не надо. Обряды веру не заменяют. Просто поговорим. Как прежде... Мне у тебя нравится. Память добрая.

Даниил. Воля твоя. Поговорим. *(Снимает епитрахиль.)* Ты говори, я слушать буду. *(Наливает вино в чарку, разбавляет водой.)* Так всё-таки, не повелишь ли вина?

Елена. Как ты говоришь: италийское? Мудрости исполнено...

Даниил. Теперь постоянно привозят. (*Наливает и Елене.*)

Елена. Да, я повелела... Мне водой не разбавляй... Христос сказал: «Пейте вино, сие есть кровь моя нового завета». Кровь водой не разбавляют.

Даниил. Это о другом.

Елена. Почему – о другом? Как обращаемся: «Царю небесный, утешителю...»? Господь и утешает нас – кого молитвой, кого мудрым словом, а нас с тобой – вином. Водка и брага разум убивают. Вино – жизнь даёт и утешает... Потому и сказано: «Пейте вино...». И, как ты говоришь, здесь вся история человечества...

Даниил. Богохульствуешь.

Елена. Когда я вошла, ты о моём исцелении молился... от какой это хвори?

Даниил. Сама знаешь...

Елена. Нет, не знаю.

Даниил. Три года с половиной, как венчаны... а ты всё праздная, детей нет. Наследника нет.

Елена. Наследника нет и не будет. Хворь не моя.

Даниил (*снова проверяет, не стоит ли кто за дверью, и остаётся стоять при входе*). Мужа своего, великого князя принимаешь?

Елена. Ну да, ты ещё спроси, как тот духовник: како... тако... Принимаю я твоего великого князя. И стараюсь, как могу – даже когда он не хочет. А хочет он всё реже и реже. Вон, на охоту от меня убегает... Иди от двери, не бойся. Аграфена моя никого сюда не пустит.

Даниил. Я сегодня молился за тебя. Молился и плакал. О чуде Господа просил. И Пресвятую Богородицу Приснодеву Марию... И к Владимирскому чудотворному образу обращался. И твою Матку Боску Ченстоховску вспомнил...

Елена. Перестань, владыко... Соломония двадцать лет молилась. И ты, небось, с ней когда-то молился... И ни-че-го... А теперь никаких двадцати лет у нас нет... Князю пятьдесят. Наследника нет. Даже племянников нет: Василий Иванович братьям запретил жениться, пока у самого наследник не родился... И теперь, не дай Бог, случись что с ним... Кто я? Бездетная вдова – хуже сироты. Падаль, хуже блудницы корчемной... Неплодную смоковницу измещут и бросают в огонь... Ладно, не обо мне речь. Ты о Руси подумай: тут ведь властью все недовольные, только боятся. А страха перед властью не будет – смута поднимается... И один брат, и второй. И Шуйские, Бельские, Горбатые. Каждая вотчина права предъявит... Вот и будет тебе Третий Рим, торжество православия... Как у нас в Литве говорят: со *zanadto to niezdrowo*... Мало не покажется...

Даниил. А ты по-прежнему – «у нас в Литве».

Елена. У нас в Литве... Мой янтарь всегда со мной, на груди ношу... Я – чужая: как была, так и осталась.

Даниил. На всё воля Божья... За что наказываешь, Господи?

Елена. Ты не у Господа, у меня спроси... За то, что Соломонию насильно постригли. За то, что меня насильно второй женой, блудницей бездетной сделали... За то, что он братьям своим – того же княжеского роду! – запретил наследника родить... За то, что на себя одного всю силу, всю власть стянул и ни с кем делиться не желает: кто слово супротив – в опалу или вообще на плаху. Но время-то подходит. С того света властвовать не будешь...

Даниил. Тише, тише: услышат – донесут.

Елена. И что будет?

Даниил. А то, что пойдёшь за Соломонией следом. Да не в Суздаль, а куда подалее. В Каргополь... Да и меня не помилуют.

Елена. А я и так пойду. Ещё год, от силы два... когда князь уж совсем ничего не сможет... И будет третья жена князю. Шуйские невесту найдут или Горбатые. И родит она наследника ровно через девять месяцев после свадьбы. От кого выблядок – никому не важно будет. Наследник! И государь наш Василий Иванович, хоть и всё знать будет, а своим признает и будет счастлив. Ещё бы, дело государственное!

Даниил *(падает на колени перед иконами, молится)*. Сохрани, спаси и помилуй, Господи.

Елена. Поднимись, владыко. Времени нет...

Даниил. Что делать?

Елена. Так ведь вот... только что сказала, что делать.

Даниил. Как? Нет! Да не будет во мне такого безумия. На какой грех толкаешь. Нет!

Елена. Это ты, владыко, меня во грех с головой окунул. Ведь это ты князю посоветовал меня взять? Монах... Сам не могу, так любоваться буду... Любуясь! Теперь как ни сделай, всё плохо...

Даниил. Да и стерегут тебя. Тут ведь к первому попавшему не подляжешь. Донесут... разнесут. Княгиня – блудница... в клочья порвут.

Елена. Донесут, разнесут... Хочешь? Прямо сейчас, здесь – и у меня хорошие дни, и князь как раз через неделю вернётся... От тебя, поди, святые родятся. И будет на Руси любовь и благоденствие на годы... а может, и на века.

Даниил. Бес в тебе. Кому предлагаешь...

Елена. Ты когда благословлял меня, и я губами к руке твоей припадала, а ты другой рукой по голове меня гладил... я знала, чувствовала: ты меня любишь... Мы же не ради любострастия – ради спасения, ради наследника.

Даниил. Грех смертный. Грехом не спасёшься.

Елена. А без наследника Русь потерять – грех не больший?

Даниил. А вот мать твоя... она, поговаривают, колдунья, ворожея. Она не поможет?

Елена. Суеверия пустые... Уже не помогла.

Даниил. Всё в руках Божьих... Пути не вижу... Боярыни вокруг, шутихи... А вот твоя боярыня комнатная, эта... здесь внизу, Аграфена Челяднина... её брат – Иван Овчина, князь Оболенский. А?

Елена. Говори, говори.

Даниил. Что говорить?

Елена. Дальше говори.

Даниил. Овчина – женатый, к великому князю близкий. Погоди-ка... *(берёт в руки документ.)* На вашей свадьбе было расписано *(читает)*: «Князю Ивану Оболенскому-Телепневу колпак держати у великого князя и спати у постели и в мыльне мыться с великим князем». А теперь его вот-вот в конюшие произведут... Свой человек. Аграфена, сестра его, баба умная, всё устроит и молчать будет...

Елена. Что умолк?

Даниил. Всё.

Елена. Хорошо говорил... Летописцы напишут: митрополит Даниил умнейший и образованнейший человек своего времени... Вот с этой исповедью я и пришла к тебе, владыко... Прости, Господи...

Даниил. Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя! Страшный грех беру на душу, но... дело государственное... Бог, чадо, прощает ты невидимо своею благодатью и аз грешный...

Елена. Часы на Спасских воротах бьют. Пора, а то хватятся... Второй раз сдаёшь ты меня, владыко.

Даниил. Ступай. Я молиться буду.

Елена. Пойду к шутихам и дуркам... А духовника от меня заberi. Я только тебе буду исповедаться... Благослови, владыко.

Даниил. Постой, а зачем приходила? Аграфена, Овчина – это и без меня могла придумать... Нет, нет... Я и под пыткой знать ничего не знаю...

Елена. А затем пришла... Ты вон от имени всей Руси говоришь... от имени Господа судишь... А я кто такая? Перед тобой, перед Русью, перед Господом Богом – одна я перед вами, девчонка литовская, как былинка на ветру... И сама за вас за всех решать должна. Нет уж... Если станут говорить: то, сё, княгиня, Овчина, – ты скажешь: ложь это и клевета. Я, мол, про княгиню всё знаю, она у меня исповедуется.

Даниил. Я и вправду ничего не знаю... Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа... Аминь! Погоди, келейника

позову, чтобы помог... ступени крутые... тридцать шесть, говоришь?.. вниз труднее.

Елена. Не надо, сама сбегу... *(Было направляется к двери, но возвращается.)* А ты говоришь: власть от Бога. На земле – всё от женщины... Молись за душу мою грешную... а я столько детей великому князю нарожаю... Счастлив будет... *(Направляется к двери.)*

Даниил. Спаси и помилуй, Господи!

Затемнение.

Звучит фрагмент из Первой симфонии Шнитке. Музыка стихает.

Свет.

СЦЕНА 5

Он ставит небольшой экран и собирается что-то проецировать на него из планшета. Она с листками пьесы в руках.

Она. Кино, что ли, будет?

Он. Сейчас увидим наших героев на экране.

Она. Зайчиков?

Он. Почему – зайчиков?

Она. Ну, как же! Я тебе когда-то рассказывала... Зайчик – моя первая роль в ТЮЗе... не то «Теремок», не то «Колобок», не помню. Я пошла в соседнюю школу и тамошнего биолога попросила показать научно-популярный фильм о зайцах. Как зайчик лапку держит, как шею вытягивает при опасности. Я, говорю, актриса. Зайчика в театре играю...

Он (*смеётся*). Да, да, рассказывала. Это на тебя очень похоже.

Она. Биолог, молодой парень, хохотал на всю школу, из коридора люди в класс заглядывали...

Он. Ну, да, помню... Можно сказать, из постели этого биолога я тебя потом и вытащил.

Она. Как это может быть: такой тонкий творческий человек – и такой грубый пошляк? В каком кроссворде это пересекается? Он... меня... вытащил. Какие вы, мужики, пошлые и самонадеянные... Если бы я не увидела твою «Чайку» в областной драме и с первого взгляда не влюбилась в тебя... да не в тебя, в твоего Треплева... Чистый, беззащитный, ранимый, как будто с него кожу содрали...

Он. Ладно, проехали, как ты любишь говорить... Делом займёмся. *(На экране боярин в одеждах XVI века.)* Боярин, XVI век.

Она. Господи, зачем это?

Он *(с каждой репликой меняет картинки).* Боярыня.

Она. Я и говорю, научно-популярный фильм о зайцах... Годится для спектакля «Теремок»... Кстати, а наша послушница юная, оказывается, тоже успела в актрисах побывать. Тоже зайчики, шмайчики... Студию окончила в Улан-Удэ. Но увы, несчастная любовь... разочарование... монастырь.

Он. А вот облачения духовенства с тех пор мало изменились.

Она. Что толку разглядывать одежды, если люди по сути своей не изменились совсем?

Он *(выключает планшет, изображение исчезает).* Нет, ну просто никак не возможно... Бубенцов заикался что-то насчёт костюмов... Но тогда это будет

опера. Не счастье алмазов в каменных пещерах... Кошмар!

Она. Слушай, всё хочу спросить, а почему он именно тебя взял на эту пьесу, на этот спектакль?

Он. Костюмы не только не нужны, они нам категорически противопоказаны.

Она. Так почему именно тебя?

Он. А ты хотела бы другого?

Она. Да нет, он спрашивал. Я сказала, мол, пожалуйста... могу и с ним работать.

Он. Ну, вот видишь.

Она. Почему ты не хочешь говорить о ваших взаимоотношениях? У вас какой-то сговор? Какая-то торговля у меня за спиной?

Он. Ты всегда была очень мнительная. Творческое воображение.

Она. Тогда отвечай прямо: почему... при всей нашей ситуации... он взял именно тебя?

Он. Нельзя всё время работать. Давай украдём вина в XVI веке и немного расслабимся. Садись.

Она. Слушай, я так спросила, из любопытства, а теперь вижу, что тут что-то ого-го! И ты явно темнишь.

Он (*наливает ей и себе*). Нет, не он меня пригласил – я его выбрал... Этот сюжет я ему подсказал. И писать уговорил.

Она. Та-а-ак... Подсказал, уговорил... я ничего этого не знаю.

Он. Ну, дурак я... сумасшедший... Морок на меня нашёл... не знаю... Я вдруг испугался... Просто кошмар какой-то преследовал: вот будет пьеса, а ты откажешься играть... Моё имя промелькнёт, то... сё... не знаю, почему... но вдруг откажешься... Больной в тяжёлом состоянии... Когда ты ушла от меня, я одно время просто свихнулся. Постоянно слышал твой голос. Если на кухне, мне казалось, что ты в комнате, если в комнате – ты на кухне. Во сне и наяву я видел тебя, твои глаза, твои губы, линии, изгибы твоего тела. Незнакомых женщин на улице за руки хватал: «Извините, обознался»...

Она (*с нежностью*). Даня, бедный!

Он. Нет, нет, всё это быстро прошло... Случайно я как-то увидел портрет Елены Глинской... тот, по останкам. И у меня чуть инфаркт не случился: это ты, Алёна! Понимаешь? Мистика... Она в тебя переселилась... или ты в неё... Она Елена – ты Елена... Всё, перестал о тебе думать, теперь только она... Это не пьеса, не спектакль – это акт воскресения... А вдруг бы ты отказалась... Бубенцов – не сразу согласился. Я ему все материалы предоставил... Уговаривал, ящик коньяку распили. Я просил не говорить, что я... Я в стороне...

Она. Даня, я совершенно на неё не похожа. Она рыжая была, а я русая...

Он. Говори что хочешь. Важно, что ты не отказалась, что у нас всё состоялось... Ну, или состоится. И если мы в эту игру сыграем, жизнь удалась!

Она (*смеётся*). Бубенцов говорил что-то про чудака, влюблённого в Елену Глинскую... но тебя не называл.

Он. Милая, спасибо, что приняла это спокойно, с юмором. Я ужасно боялся...

Она. Нет, нет. Я ещё не знаю, как я всё это приняла...

Он. Я псих, да?

Она. Мы, Даня, оба психи... У меня к тебе иногда совершенно материнские чувства... семь лет вместе... ты мой ребёнок... А иногда ты для меня как наркотик... и я теряю голову и начинаю понимать наркоманов.

Он (*наливает вино*). Этот бочонок... где он раздобыл такой? Старинный... Надо будет включить его в рекевизит... Какая прекрасная мысль, что в хорошем вине – история человечества на вкус! Только не человечества – история иудео-христианской цивилизации.

Она. Хорошо, что нет телефона, а то я могла бы наделать глупостей... например, сказать Бубенцову, что люблю тебя и хочу к тебе вернуться...

Колокольный звон.

Он. Уже вечерняя служба, а мы прохлаждаемся.

Она. Завидую монашкам: они всё поняли в жизни, и ничего этого им не надо... Как быть, Даня?

Он. Надо работать. Пока есть условия – работать. Остальное потом...

Она. Работать... Ну тогда расскажи что-нибудь о XVI веке... Ты уверен, что интрига хоть сколько-нибудь достоверна? Елена, Василий III, Даниил – они действительно были так несчастны...

Он. Счастливы, несчастны – женский взгляд на историю. Наука знает только факты... Вот слушай, из книги серьёзного историка (*читает с планшета*): «Первенец у Василия III родился 25 августа 1530 года. 25 лет, две женщины – всего одно зачатие. Возможно ли?! Уже у современников были подозрения... После смерти Василия III пришедшая к власти Елена сразу сделала своим сожителем, соправителем, фаворитом князя Ивана Федоровича Овчину Телепнева-Оболенского. Сразу! Был ли он её любовником при жизни мужа? Обратим внимание на одно важное обстоятельство: ни в роду Калитичей, к которому принадлежал Василий III, ни в роду Глинских не было наследственных психиатрических заболеваний. Между тем Ивану Грозному, сыну Елены, современные психиатры ставят диагноз «паранойя». Его брат Юрий – слабоумный (болезнь Дауна или что-то ещё – сегодня кто скажет). Сын Ивана Фёдор – слабоумный (имбецил или олигофрен), другой

сын Дмитрий – эпилептик. Про третьего сына, Ивана, убитого отцом в 1581 году, мы знаем, что он отличался маниакальной жестокостью. Ничего подобного за Калитичами раньше не водилось. Теперь Овчина... Карты болезней рода Овчины мы не имеем, но характерны прозвища некоторых представителей рода: Немой, Лопата, Глупый, Медведица, Телепень, Сухорукий. Не отсюда ли и пошла «порча»? И хотя супружеская измена решала государственные проблемы... но кто же мог предположить, что от Овчины родятся параноики и олигофрены...»

Она. Порча пошла... Или проклятие?

Он. На всё, чадо, воля Божья.

Она. Как ты думаешь... эта послушница... может, сегодня пусть она там где-то у себя ночует?.. Ну, что ты молчишь?

Он. Я не знаю.

Она. И я не знаю. Я ничего не знаю.

Он. Ещё не вечер. Потом подумаем. А теперь – работать... Давай-ка последнюю сцену...

Затемнение.

Музыка из Третьей симфонии Шнитке.

Свет.

СЦЕНА 6

XVI век. Покои Даниила. Ранние сумерки. По стенам и по потолку ходят отсветы далёких пожаров. Даниил у окна. Елена входит, озабоченная чем-то. Некоторое время остаётся у двери, словно опасаясь пройти дальше.

Даниил (*поворачивается, видит Елену*). Государыня ко мне. Вот подарок! А я гляжу: твои люди на двор зашли, толпа... Грешным делом, подумал, всё, конец: за мной пришли, моя очередь...

Елена. Отойди в сторону... чтобы мне окно видеть.

Даниил. Тебя-то, государыня, в снегу не увидел сослепу... А как тебя разглядел, отлегло: нет, значит, ещё не в этот раз. Отчего не пройдёшь, не сядешь?

Елена. Лицом её ко мне поверни.

Даниил. Кого, государыня?

Елена. Кто в кресле сидит.

Даниил. Да тут нет ничего. Гляди... (*Проводит рукой.*)

Елена (*только убедившись, что в кресле никого нет, проходит от двери, но неуверенно, с опаской, словно ждёт подвоха*). Грехи митрополита мучают, совесть?

Даниил. На Москве живём. Какие грехи? Митрополит, не митрополит – придут и схватят... Четыре года как князь великий Василий Иванович почил в Бозе, и с тех пор твоя воля у нас – закон. На кого укажешь, того и берут и уводят... А вдруг и я не угодил чем-нибудь...

Елена (*вдруг резко меняется, весело раскидывает руки, приплясывает*). Повторяй за мной. Подпевай. (*Поёт.*)

Селезень уточку догонял,
Молодой серу догонял,
Ходи утица домой,
Ходи, серая, домой.
У тя семеро детей,
Восьмой селезень,
А девятая сама,
Поцелуй разок меня. (*Умолкла.*)

Повторяй: поцелуй разок меня.

Даниил. Но государыня...

Елена (*решительно*). Повторяй!

Даниил. Поцелуй разок меня.

Елена. Нет, всю песню... Ну...

Даниил и Елена (*вместе поют всю песню*). Селезень уточку догонял... (*и т. д.*)

Елена. Это хоровод. Все поют. Уточка в центре круга, а селезень снаружи, и хоровод селезня к ней не пускает. Он и так, и сяк – и никак. Хоровод между ними... Год проходит, и два, и десять. Уж и селезень состарился, и уточке он не нужен... А хоровод всё кружит – и не пускает... Хоровод – страшная сила: государство, церковь, молва людская, страхи. Она бы, может, и сама выбежала из круга... да селезень больно уж вялый, – из породы домашних уток.

Даниил. Я, государыня, осмелился... намедни челобитную тебе подал. Прошу...

Елена (*перебивает*). Знаю, мне прочитали... Молчи! (*Снова встревожена и озабочена.*) Чувствую, чувствую, здесь она. В кресле сидела. Куда теперь спрятал, старый селезень?

Даниил. Что спрятал?

Елена. Ах, лукавый: что спрятал... не что, а кого.

Даниил. Что ты, государыня, кого тут спрятать можно?

Елена. В глаза мне посмотри.

Даниил. Видит Бог...

Елена. Бог видит... а ты в глаза смотри... Глаза твои люблю, владыко... до сих пор помню и люблю... Вчера на Москве-реке в проруби жёнку утопили. Я велела в срубе сжечь, но сруба готового не оказалось... Молодая, моя ровесница... или моложе...

Смазливая. Глаза, как у тебя, – синие-синие и смотрит так же – прямо в душу... Мешок на голову, на поясе завязали, – ну, заплачь... молчит. Понесли уж к проруби... ну закричи, милости попроси... молчит. Смирение, полное смирение... И в прорубь головой вниз... Й-и-их! И брызгов не было – только срамота меж голых ног мелькнула и мужики из челяди заржали... А сегодня с утра живая перед глазами. В лицо смотрит и хохочет. Видно, счастливая. А то вдруг запекает: «Селезень уточку догонял...» Живучий народ, да?

Даниил. Но здесь никого нет.

Елена. Ты не можешь знать. Она меняется, каждый день другая. Я привыкла. Она одна и та же, но то она боярыня, то крыса, то моя мать родная... вчера вот ведьма эта утопленная, жёнка молодая с Кисловки, ворожея... Я сначала её не разгадала. Она зелье сварила, коренья. Божились: поможет. Овчина... он у меня, знаешь, сеятель бешеный... Посевы охотно принимаю, но хорошо бы всходов не было... Обманула ведьма... не помогло зелье. И снова... как там у вас в исповедальном чине... «аще в утробе имеет, а родити не хочет»... Аще... Хватит... От Овчины второй чудной родился. А теперь и я сама под ним чудная сделалась...

Даниил. Господи, помилуй. Отравят тебя эти ведьмы до смерти.

Елена. Не видишь разве? Уже, владыко, уже... до смерти. Ведьмы, или боярыни мои – стольницы, кравчие, или мать родная – тоже ведьма. Не знаю,

кто... Время такое – посмотришь вокруг: что ни баба, то ведьма. Всех не сожжёшь, не перетопишь.

Даниил. Тут лекарь немецкий объявился.

Елена. И лекарь смотрел – бесполезно, тоже утопить можно... Мне от Фоминой недели всё хуже и хуже. Ночью не сплю, а днём если засыпаю, сразу храпеть начинаю, как пьяный конюх, – и тут же просыпаюсь. Есть-пить не могу, всё горечь. Вино пить перестала – вкус мочи во рту. Сюда к тебе еле заползла на четвереньках... Заговариваться стала: что говорю, сама не понимаю... *(Возбуждённо указывает на что-то в углу.)* Вон она, вон она... Открой окно, – может, её ветром вынесет. Она лёгкая.

Даниил *(открывает окно)*. Гарью тянет... Пожары по всей Москве, с разных сторон. Снег валит густой – и пожары. Болвановка вся полыхает. И недалеко на Кисловке пожар... И в Хамовниках...

Елена. Нет, пожары не помогут... Пусть стоит себе. Я спиной повернусь.... А ты иди сюда... Давно не видела тебя, владыко. Челобитную твою мне зачитали. Наверное, поэтому ноги к тебе и принесли... Дьяк Мишурин говорит, надо брать его. А я говорю, погоди, сама поднимусь, поговорю... Что, владыко, в Литву бежать собрался?

Даниил. Помилуй, государыня. На покой попросил отпустить. В мой прежний монастырь, на Волок Ламский. Устал. Церковь на мне: все храмы, все монастыри, белое духовенство, чёрное монашество, все святые, все грешники, вся паства необъятная, все

свары, все бесчинства, все казни... Твоя вот судьба... Русь Великая... Не могу больше... Простым монахом дни свои закончу. Молиться за вас буду.

Елена. Нет, люди думают, лукавит митрополит: Волок Ламский в сторону Смоленска. Смоленск – почти Литва... Ну, точно, в Литву бежать собрался... *(Резко оборачивается.)* Я же говорила, её в окно вынесет. Всё! Нету. Быстро закрывай. *(Подходит к столу с книгами, открывает одну из книг, находит нужную страницу.)*

Даниил *(закрывает окно).* Я же в своей челобитной объяснил...

Елена. Потом, потом... Иди сюда. Я сяду, а ты читать будешь. Вот я нашла. *(Садится в кресло.)*

Даниил *(переносит книгу на аналой).* На Западе книги уже на станке печатают, а у нас всё от руки пишется. Потому и книги большие, тяжёлые, поднять нельзя...

Елена. Читай. Я что-то устала. Может, подремать удастся.

Даниил *(читает).* Каплям подобно дождевным, злии и малии дние мои, летним обхождением оскудевающе, помалу исчезают уже... *(Прерывает чтение.)* Что это, государыня? Это над умирающим читают, на исход души... Прежде соборовать тебя надо. Все грехи твои воедино собрать – и какие знаешь, и неведомые. Предъявить Господу и прощения просить... Господь милостив.

Елена. В Англии в прошлом году королеву... на плаху... голову отрубили... Моя ровесница. Красавица, умница... Я прежде слышала про неё, завидовала: на шести языках читать-писать могла... и на плаху... Сказали, блудница... Королева Анна Болейн... на плаху... А я... здесь у нас оставь я в живых и на свободе великокняжеских братьев – Юрия Дмитровского, Андрея Старицкого – они бы и меня так же – на плаху... рано или поздно... Это ли мой грех? Скажи, владыко, это грех? А с наследником что бы они сделали? Грех?

Даниил. Кто я такой, чтобы судить тебя... Молись, государыня.

Елена. Нет, на плаху, под топор – я никогда, ни одного не послала. Этого не хотела. Крови на мне нету...

Даниил. Ну да, здесь в тюрьме – и один, и другой – «преставися страдальчески гладною нужею». В каменном мешке в тяжёлых кандалах, к стене прикованные, от голода и холода месяцами умирали – и умерли. Лучше бы на плаху.

Елена. Этого я ничего не знаю. Не видела. Это не мой грех.

Даниил. Перед Рождеством ещё казнили тридцать человек: повесили по дороге на Новгород... Я тебе челом бил, чтобы помиловать... Уж эти-то – повинились, твоей милости просили.

Елена. Овчина говорит, нельзя: в Литву бежать хотели – вместе с Андреем Старицким... Помилуешь – все в Литву побегут.

Даниил. Десять вёрст – виселица, ещё десять – ещё виселица...

Елена. Летом – никакого толку не было бы... так Овчина говорит: три-четыре дня, и что бы с ними стало? Птицы растащили бы... А зимой... зима морозная была... Теперь у нас март? Давеча боярин из Новгорода приехал, – говорит, считал по дороге: тридцать, все на месте, все как новенькие висят...

Даниил. Русь... Зима... Привычная картина...

Елена. Овчине нравится.

Даниил. Не могу... *(Падает на колени перед иконами.)* Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омой мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя...

Елена. Прекрати! Поднимись! Что-то ты к старости... чуть что – сразу на колени и в слёзы.

Даниил. Если я молиться не буду, кто о нас с тобой помолится? Ты – мой грех великий... Я, государыня, потому и в монастырь прошусь, что кровь и слёзы на душу принимать – сил не осталось.

Елена. А мои слёзы – спокойно принял?.. Вот ещё давно хотела спросить: крыса... о чём ты с ней разговаривал?

Даниил. Разговаривал? С кем? Когда?

Елена. Монахом был... С крысой о чём разговаривал?

Даниил. Помилуй, государыня, – столько лет... Не помню.

Елена. Вспоминай... Приручил, гладил, под рясой согревал... что говорил ей?

Даниил. Крыса... Говорил, что Господь всех нас видит, и все мы у Господа сосчитаны – и каждый человек, и каждая крыса. И каждому по делам воздастся. Каждому!

Елена. А она – что?

Даниил. Что?

Елена. Да – что?

Даниил. Что она?

Елена. Она – что?

Даниил. Она смотрела на меня чёрными бусинами... внимательно смотрела... соображала, понимала. Умная была.

Елена. Умная... Любила тебя... Тепло ей было под твоей рясой... её собаки загрызли.

Даниил. Вот этого не скажу, не знаю.

Елена. Я знаю: её собаки загрызли. Умная и доверчивая. Умных и доверчивых всегда кто-нибудь загрызть готов.

Даниил (*наливает вино*). Кажется, ты немного ожила... Может, всё же кьянти? Я теперь тоже не разбавляю.

Елена. Нет, пей без меня... Где-то читала, язычники самую красивую девушку приносят в жертву своим идолам. Её убивают, и она у них становится богиней, молятся на неё... Меня убили, чтобы сделать великой княгиней. Я давно мёртвая... Ты, Даниил, не в Бога веришь – в идолов. Ты, мой селезень, и меня убил, принёс в жертву своим идолам – Руси Великой, князю своему... И теперь я – твоя Русь. Нравится?.. А другой быть не могла. Загрызли бы, убили. И меня, и моего сына, великого князя Ивана Васильевича... Я тебе, Даниил, Русь твою сохранила. Как ты хотел. Такой навеки и останется. А я устала, очень устала... скорее бы уже... На-ко вот, возьми.

Даниил. Что это?

Елена. Чётки янтарные. Матка Боска Ченстоховска разлюбила меня. Повесь у себя в божнице... Знаешь, о той литовской девочке влюблённой я думаю как о своей несостоявшейся дочери. С нежностью...

Нам, бабам, всегда достаётся любить не тех, кого следует...

Даниил (*падает перед ней на колени, целует руки*).
Прости меня, государыня.

Елена. Челобитную твою я сожгла и Мишурину велела забыть. После моей смерти тебя и так сразу в монастырь отправят. Потерпи, недолго осталось... Ты читай, а я, может, подремлю немного... Здесь бы возле тебя и умереть хорошо. (*Сидит, закрыв глаза*.)

Даниил (*читает тихо*). Каплям подобно дождевым, злии и малии дние мои, летним обхождением оскудевающе, помалу исчезают уже, Владычице, спаси мя... (*плачет*.) Се время помощи, се время твоего заступления, Владычице, время, о нем же день и ночь припадах тепле и моляхся Тебе...

Затемнение.

Звуки церковной службы. В затемнении голос Даниила:

Государыня великая княгиня Елена всея Руси, мать царя Ивана Грозного, преставилась 3 апреля 1538 года в возрасте 29 лет. Современники полагали, что она была отравлена, – и многие историки принимали это предположение... Митрополит Московский Даниил вскоре после её смерти был отправлен на покой и окончил свои дни в Иосифово-Волоколамском монастыре.

Музыка постепенно меняется на современную – что-то ритмичное – например, Дэйв Брубек или что-то вроде.

Свет.

СЦЕНА 7

Утро. Он собирает реквизит. Она входит.

Она. Попрощалась с матушкой игуменьей. Какая светлая, добрая женщина! Говорит, приезжайте просто так, поживите, отдохните.

Он. Присядем на дорожку.

Она. У меня хорошие новости...

Он. Я заметил: когда где-нибудь разгружаешь машину, а потом всё надо грузить обратно, то вещей всегда оказывается больше, чем было – и что-нибудь не умещается. В окно видел, как ты мучаешься с пустым бочонком.

Она. Ну да, хотела даже тебе в машину бросить.

Он. Да, но...

Она. Всё... Я только что включила телефон, и сразу позвонил Бубенцов. Есть деньги на антрепризу! Десять спектаклей в Москве, потом гастроль. И если в Москве пройдем хорошо, на той же площадке можно будет ещё несколько спектаклей.

Он. Да, я знаю. Я с ним тоже разговаривал. Поздравил с удачей... И сказал, что выхожу из проекта.

Она. Как? Что это значит? Выходишь – куда?

Он. Так. Просто выхожу.

Она. Здрасьте, приехали. Спасибо. С тобой, любимый, не соскучишься...

Он. Стараюсь.

Она. Вчера... отправляю нашу послушницу в монастырь, оставляю на ночь дверь открытой... Мне показалось, ты так хотел... В результате полночи ворочаюсь одна, а когда встала и пошла к тебе, оказалось, что у тебя закрыто. И ясно, что наша будущая монашка обретается у тебя в постели.

Он. Опять преувеличиваешь и драматизируешь.

Она. Да уж... Я ради твоей постановки отказываюсь от ролей в театре, практически беру отпуск на год. Спектакль вызывает интерес, Бубенцов роет землю, достаёт деньги, открывается перспектива... но ты выходишь из проекта. Я правильно тебя поняла?

Он. Нет, правда... Смотри... Тут нужен актёр пофактуристее. Роли нет, ничего эмоционального, играть нечего. Не потому, что он плохо написан. У него и в истории не было роли. Он же только посредник.

Она. Как же я от тебя устала.

Он. Священники – они и есть посредники... И совершенно не важно, каков он как человек. Да он и не человек. Функция... Но тем более нужна фактура, пластика... как зайчик лапку держит, как шею вытягивает...

Она. Как же я устала... Почему я всё время должна заботиться о тебе, как о своём ребёнке? А ты, как ребёнок, всё время попадаешь в какие-то невозможные ситуации...

Он. Это твоя пьеса. Он найдёт тебе партнёра. Это будет твой бенефис. Твой великий успех. Вы покорите Москву, поедете по стране, по миру... Вы отлично справитесь. Он умный, добрый, толковый мужик... Все режиссёрские разработки у меня записаны, и я их ему уже отправил.

Она. Ты вещи собрал? Ничего не забыл? Ты – едешь?

Он. Я еду... лечу... в Улан-Удэ. Я утром звонил. Моё имя им что-то говорит, и они не прочь. Я поставлю там нашу пьесу... Кстати, я сегодня спал один. И дверь была открыта. Дверь открывается наружу, надо было на себя потянуть, а ты от себя толкала.

Она. Ну что это? Я ничего не понимаю. Господи, вразуми меня, неверующую атеистку.

Он. Сядь, я тебе объясню... Пьеса, которую мы сейчас здесь вот разыгрываем... вот сейчас... и вообще в последние годы... это пьеса о моей любви к тебе... Нет, не кроссворд, какая-то другая игра. Чтобы понять, надо мир разделить пополам. И провести жирную черту. В одной половине – ты и всё, что вокруг тебя, все твои интересы, вся твоя жизнь. Театр, карьера, замечательные друзья, общение, приёмы, презентации, успех, успех, успех... Праздник!.. В другой половине – я, как есть. Так вот... из той половины,

где ты, мне интересна только ты сама – и ничего больше. Ну, абсолютно ничего. А ты – очень интересна. Ты – моя единственная женщина. Я жить без тебя не могу... Но и перетащить тебя в свою половину не имею права. Хотя, может, и было бы возможно... Не знаю... Не хочу, потому что уверен: ты будешь несчастлива. Ты теперь известная актриса, на тебя спрос, всюду принимают, любят... Ты – Аркадина... Помнишь, как её Харькове принимали! До сих пор голова кружится... А я как был Треплев, так и остаюсь... Это моя жизнь.

Она. Нет уж, тогда Гамлет.

Он. А что Гамлет? Гамлет – тот же Треплев, только в Эльсиноре... Не в этом дело... а в том, что со мной ты будешь несчастлива. Но если ты будешь несчастлива, то и мне жить незачем... Как-то всё так вот... не стыкуется... А ты говоришь, кроссворд.

Она. Ладно. Молчу. Так уже бывало. Подождём. Время расставит все буквы в кроссворде. Как-то у нас всё слишком серьёзно. В нашей пьесе чего-то не хватает... милых глупостей, что ли.

Он. Правильно! Время расставит. Уже сейчас расставляет. А на прощание – милые глупости, маленький сюрприз... Уно моменто.

Он уходит в ванную. Через некоторое время раздаётся хлопок, похожий на выстрел.

Она (*еле слышно*). Даня! (*Бросается к ванной. Он выходит ей навстречу с бутылкой и бокалом шампанского в руках.*) Шут гороховый! (*Рыдает.*)

Он. Что ты? Холодильник отключён – я под струёй охлаждал... Ты за рулём – разве губы смочить, – а мне можно: я на денёк останусь, в лес схожу... и вообще отдохну. За твой успех.

Она. Подожди, я должна прийти в себя. Руки дрожат.

Он. За новое рождение Елены Глинской, великой актрисы московской и всей Руси! На Руси теперь – твоя воля закон. За тебя (*Пьёт.*)

Она. Знаешь, какое у меня чувство... Я сейчас уеду, ты уедешь... послушница, наверное, уедет за тобой... А здесь... здесь навсегда останется XVI век, и те двое будут жить в нём вечно и снова и снова проживать свою историю... А наша пьеса окончена. Всё! Дальше – затемнение!

Затемнение.

Начинается и становится всё громче трансляция церковной службы.

Занавес.

Январь – март 2016

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ В НАХОДКУ

*Пьеса неопределённого жанра
в девяти эпизодах с эпилогом*

Действующие лица:

Ной Дионисиди – 55 лет, владелец и капитан списанного судна, используемого как цирковое общежитие.

Василиса Юсуп-хан – 48 лет, жена олигарха, приезжая.

Лёлик Рыжий – её сын, 28 лет, цирковой клоун, добрый малый, но немного балбес.

Виктор Гюго-Промежный (по прозвищу Тренер) – 30 лет, цирковой клоун, тоже немного балбес, но себе на уме.

Вероника Ясная – 23 года, несчастливая девушка.

Нина Круглова – 23 года, счастливая девушка.

Скорик (по прозвищу Дед) – неопределённого возраста, старший механик, бывший мотогонщик по вертикальной стене.

Узбек – командированный за рыбой, случайное лицо, появляется неожиданно и ходит неслышно, почти крадучись.

Жорж – телохранитель, повар и т. д. Вроде бы глухонемой. Лицо чрезвычайно важное. Эта роль – для профессионального мима. Его появление и пребывание на сцене может быть совершенно произвольно, – кроме тех случаев, когда это обусловлено текстом.

Вахтенный матрос – иногда бьёт в судовой колокол... Впрочем, в колокол могут бить и другие действующие лица.

При определённом режиссёрском решении эти два последние «безгласные» персонажа могут оказаться стержневыми.

Автор вообще был бы рад режиссёру, который решится поставить все эти эпизоды в стилистике клоунады.

На сцене обозначены некоторые пространства и интерьеры большого современного океанского лайнера. Судно давно списано и в ожидании, когда разрежут на металлолом, долгое годы простояло беспризорным где-нибудь у дальнего причала, а поэтому свойственная пассажирским лайнерам роскошь здесь пребывает в состоянии весьма запущенном: переборки давно не крашены, не мыты и кое-где даже вообще проломаны, ступени трапа с одной палубы на другую местами просто отсутствуют, в каютах, насколько видно, беспорядочно навален какой-то мусор, в роскошной двустворчатой двери, ведущей в музыкальный салон, торчит разбитое стекло... В двух или трёх местах на верёвках сушатся выстиранные цирковые костюмы и что-то из реквизита... У правой кулисы отгороженный небольшой ширмой гримировочный столик с зеркалом, здесь же

рядом мотоцикл Скорика... У левой кулисы титан с кипятком, какие бывают в непритязательных российских общежитиях, небольшой шкафчик с посудой, рядом тоже непритязательные раскладные столики и стулья: такие обычно используются при выезде на пикник.

Между тем судно, по-видимому, ещё живо: иногда становится отчётливо слышен шум работающего судового двигателя. На видном месте сияет начищенный судовой колокол (рында). В некоторой глубине – роскошный белый рояль. Мало того, по ходу всего действия по внутрисудовой трансляции время от времени раздаются привлекающие внимание позывные и мелодичный юный женский голос объявляет. «Предполагаемое время прибытия нашего теплохода в порт Находка»... Объявление может звучать по-разному, даже с разными интонациями, но всегда одинаково прерывается какими-то хрипами, короткими стонами, бульканьем... Впервые оно звучит ещё до открытия занавеса – с этого начинается спектакль...

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ ВЕРОНИКА ЯСНАЯ

Двойной удар судового колокола.

Ясная в махровом халате поверх гимнастического трико. Из шкафчика достает кружку, какую-то снедь, садится завтракать. Из своей каюты выходит **Круглова**, – одета с утренней небрежностью, видимо, недавно проснулась.

Круглова. В этом общежитии выспаться невозможно. Кто-то в дверь ко мне стучал... не ты? (Собирается завтракать.) Кофе будешь?

Ясная. Кофе, кофе... а бухло?

Круглова. С утра-то – откуда?.. Полночи не спала: усну – проснусь, усну – проснусь... Чувствуешь, весь пароход трясёт мелкой дрожью? Мне даже приснилось: вышли в море. Из трюма, где ваши цирковые животные, вонища – всех святых выноси.

Ясная. Душенька... а если там хорошенько поискать?

Круглова. Иди ищи... вчера же все выпили... Под утро уснула, кто-то в дверь колошматит. Слышу, стучат, а проснуться не могу. И снится, что кто-то рвётся ко мне, а я не пускаю, дверь двумя руками держу... Будильник звонил, звонил... вскочила как угорелая – где? что?

Ясная. Нормально. Это слон к тебе рвался.

Круглова. Ничего себе новости... Какой ещё слон?

Ясная. Ты ж сама говорила, слон как-то снился... во-от с таким хоботом (неприличный жест).

Круглова. У тебя, подруга, одно на уме.

Ясная. У меня одно, а у тебя два: твой начальник из ментовки – раз, и Рыжий, наш клоун – два... Недотрога ты наша кофейная.

Круглова. Не хочу тебя слушать (*хочет уйти в каюту*).

Ясная (*преграждает путь, обнимает*). Ладно, душенька, не сердись... Я тебя люблю. Это я, я стучала: хотела к тебе под одеяло залезть, согреться...

Круглова. Ничего себе новости.

Ясная. Выпить... точно нечего?.. Трясусь вся, никак не согреюсь...

Круглова. Волосы мокрые... морем пахнут. Купалась, что ли, сумасшедшая?

Ясная. Ну да, утопиться хотела от такой жизни... От Тренера этого нашего... из его каюты под утро в иллюминатор выпрыгнула.

Круглова. Ничего себе новости! Жена, что ли, приехала?

Ясная. Не знаю... Тоже кто-то в дверь постучал.

Круглова. Погоди-ка, Рыжий вчера играл весь вечер и бухал за роялем. *(Идёт к роялю, поднимает крышку, достаёт бутылку.)* Музыка! Три звезды! Согреешься.

Ясная. Душенька, ты настоящий друг... Будешь?

Круглова. Нет, что ты, мне на работу... А ты в чай – очень согревает.

Ясная *(наливает коньяк в чай)*. Да... в дверь стучат. Он, бедный, спросонья так перепугался, стал зачем-то штаны натягивать, в штанину попасть не может, прыгает на одной ноге. Я ржу не могу... А он шипит: «Прячься в шкаф». Ну тут меня прямо захлестнуло. В шкаф! Ах ты, думаю, скот...

Круглова *(сочувственно)*. Шкафы-то узенькие-узенькие!

Ясная. Ага...Иллюминатор открыт, я на стол, ногами вперед – в иллюминатор. На руках повисла, – как на трапеции, – смотрю вниз. высоко, страшно, на волнах барашки... чайки кричат...зажмурилась – и полетела... Не знаю, смотрел он, не смотрел... Доплыла до берега, на камушек вылезла и сижу голая, реву от обиды, слёзы слизываю. Морская вода солёная, а слёзы ещё солонее...

Круглова *(сочувственно приобнимая, почти плачет)*. Подру-уга-а.

Ясная. Да... И тут пришла мне в голову научная мысль, что слёзы у меня хорошего качества, физиология в порядке, молодая, здоровая. Двадцать три. Сборная по акробатике. Цирк, арена... *(поёт выходной марш.)* На-а-армально! А пошли бы они все... Так голая и притопала в нашу каюту: хорошо, никого не встретила, рано, да и в каюте девки спали, никто не проснулся.

Круглова *(тоже поёт выходной марш.)* Да! Да! Как же я вам, циркачам, завидую... Какая-то особенная атмосфера... свободная, счастливая... Вот ты... статую лепить можно... Плюнь на него.

Ясная *(снова наливает из бутылки в чай.)* О! Коньяк с кипяточком – супер! Сразу жарко... Рожа красная?

Круглова. Ты пре-красная.

Ясная. Как – плюнь? Я у него в репризе. Душевный контакт, говорит, должен быть – и днём, и ночью, и на арене, и в постели... Да... А сам не помнит даже, с кем он: то Оленькой назовет, то Сашенькой. Пропищишь: я – Вероника... ему всё равно...

Круглова. Да, да! Ты Вероника Прекрасная. Весло тебе в руки...

Ясная. Здравсти... весло ещё какое-то...

У Кругловой мобильный телефон громко играет «Музыкальный момент» Шуберта.

Круглова (*посмотрев, чей вызов, не отвечает, убирает звук, убирает телефон.*) Не хочу, не хочу, сплю... Имею право. Всё! Детство вспомнила...

Ясная. Звук-то включи.

Круглова. Обойдётся... Там у нас дома (*поёт*) «степь да степь кругом» – никакой воды рядом. А в городском парке статуя – девушка с веслом... Мечта! Я даже весло в спорттоварах купила... (*смеётся*) да, в совхозе заработала и купила...

Ясная. Звук вруби: он ведь не успокоится, сейчас сам прибежит.

Круглова (*включает звук, телефон молчит*). Перед зеркалом с веслом стояла, как статуя, осанку тренировала.

Ясная. А ты и теперь такая же, к статуям примеряешься.

Телефон Кругловой вновь играет Шуберта.

Да ответь ты ему!

Круглова. Не хочу... ненавижу... я сплю! (*Отвечает в трубку.*) Да... Так точно, младший лейтенант Круглова слушает. Да... Так точно... В девять тридцать прибуду... Так точно, уже возбуждено... (*Разъединяет телефон и убирает в карман.*) Вот тебе и весло... надо идти одеваться.

Ясная. Или наоборот, раздеваться? С утра у него уже всё возбуждено...

Круглова. Повесили на меня этого Мудрика... Ну, ходил здесь такой: наглый и пьяный... старпом, что ли... Пропал куда-то. Слыхала? Две недели уже. Вещи в каюте, документы – всё на месте. Телефон – недоступен. По больницам, в морге, по пивным – нигде. Растворился в воздухе, ага, а я ищи... Всё, пошла облачаться. *(Уходит в каюту.)*

*Появляется **Узбек.***

Узбек *(подошёл неслышно).* Ассалому алейкум!

Ясная. Ой, напугал...

Узбек. Скажите, пожалуйста, где здесь рыба покупать можно?

Ясная *(внимательно оглядывает Узбека с ног до головы, хохочет).* Хорошо! Ей-богу, супер! Вполне. «Рыба покупать»... а дальше ?

Узбек. Морская рыба. Палтус, камбала, минтай можно. Но палтус лучше.

Ясная *(хохочет, заливается).* Ой, шут, я подумала, ты новый клоун. А что, похож... интересное решение... Надо нашим подсказать. Рыба, говоришь?

Узбек *(вкрадчиво).* Красная икра можно...

Ясная. Ну да, вот только рыбой ещё здесь не воняет. Для полного букета... Понаехали тут... Красная икра...

Узбек. Зачем сердишься? Рыба ищем, никого не обижаем. (*Уходит.*)

Ясная (*повторяет пластику Узбека, смеётся*). Скажите, пожалуйста, где здесь рыба покупать?.. Что-то в этом есть...

Из своей каюты выходит Круглова. Она в кителе с погонами.

Вот современная женщина! Супер!.. Ой, знаешь, он мне вчера говорит, у тебя грудь небольшая, ты – современная женщина. А что уж раньше-то у женщин было?.. А ты – ой! Ты вообще что-то подозрительно похорошела в последнее время. Или беременная, или влюбилась.

Круглова. Типун тебе на язык. Увидишь тут мою кошку, закрой в сушилке. Вот она да – что-то подозрительно кричать начинает.

Ясная. Трёхцветная кошка приносит счастье... Слушай, Нинок, давай жизнями поменяемся: ты в цирк, к своему Рыжему в его антре, ему нужна ассистентка... Атмосфера, осанка, всё такое... Говорят, вот-вот гастроли в Японии, да... А меня в полицию, на своё место, своему начальнику порекомендуешь. Я и кошку твою взять могу.

Круглова (*приобняла и поцеловала подругу*).
Счастливая! Поезжай на гастроли в Японию. (*Уходит, приветственно помахав рукой Скорику, который в этот момент вышел из своей каюты.*)

Ясная *допивает прямо из бутылки.*

Скорик (*занялся своим мотоциклом*). Ты, что ли, здесь вчера под гитару пела? (*Поёт*). У любви глаза зелёные... виноват – не виноват?

Ясная. Врёшь, врёшь (*поёт*): «У беды глаза зелёные, // Не простят, не пощадят. // С головой иду склонённую, // Виноватый прячу взгляд...»

Скорик (*с сожалением*). Нет, не то.

Ясная. Как это не то... не то? Ты свой пердячий транспорт когда уберёшь отсюда? Сколько говорить?

Скорик. Ты, малявка, с какого сучка сорвалась?.. Ничего тебе не скажи, мотоцикл не так... Всё утро только твой голос и слышно...

Ясная. Да пошёл ты, перестарок нелепый...

Скорик. Ну-ка посмотри сюда... в глаза мне смотри... Женщина с карими глазами вообще ни на что претендовать не может... Вообще в жизни – ни на что. Всё, хоп! Третий звонок, марш на репетицию... Мотоцикл ей помешал...

Ясная. Сволочь ты... и хам. И все мужики здесь хамы и сволочи... хамы и сволочи...

Скорик. Да-а-а? Ска-ажите... (*Занялся мотоциклом.*)

Ясная. Да, да, да, да, да! (*Бьёт кулаком по столу, села, уронила голову на руки, рыдает.*)

Входит Рыжий, одет в нелепый клоунский балахон.

Рыжий (*видит плачущую Ясную*). Плачет? (*Подходит ближе.*) Лю-юди-и! Львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси... все, все сюда: женщина плачет. Чем утешить?

Ясная (*поднимает голову, утирает слёзы, смеётся*). Лёлик... Спасибо Нинке, твоя музыка утешила.

Рыжий (*берёт в руки пустую бутылку*). Минуэт армянского разлива. А слёзы? Мотоциклист обидел?

Ясная. Ой, да я сама кого хочешь обидеть могу.

Входит Гюго-Промежный. Ясная тут же встаёт и хочет уйти, но Гюго-Промежный преграждает дорогу, берёт её за руку.

Гюго-Промежный (*обращается к Рыжему, словно продолжая начатый разговор*). Вот вчера-то говорили... Ассистентка тебе нужна.... Морская русалочка на камушке. Ганс Христиан Андерсен. Помнишь, в Копенгагене? (*Ясной.*) Спокойно, не дергайся.

Рыжий (*играет, поёт*). Нет, не поднять волшебного фрегата:// Вся комната в табачной синеве, //

И пред людьми русалка виновата –// Зеленоглазая
в морской траве.

Скорик (*обращается к мотоциклу*). Ну давай, род-
ненький, я тебя очень прошу. Ну, разочек. (*Пыта-
ется завести кик-стартером. Мотоцикл завёлся, по-
работал три секунды, наполнив всё вокруг грохотом
и вонючим дымом... и тут же заглох.*)

Гюго-Промежный. Вот шайтан... (*Рыжему.*)
Так берёшь или нет? От сердца отрываю, бери, зав-
тра передумаю!

Ясная (*резко отнимает руку*). В публичный дом
так продают... От сердца... Вот здесь у тебя сердце
(*неприличный жест*). Я тебе не вещь... И зовут меня
Вероника. Вероника Прекрасная – запомнил?

Гюго-Промежный (*строго*). Ясная-Прекрас-
ная, репетиция через десять минут.

Ясная. С Оленькой репетируй и с Сашенькой – у
меня отгул... за ночные-сверхурочные. (*Уходит.*)

ЭПИЗОД ВТОРОЙ СКОРИК

Двойной удар судового колокола.

Гюго-Промежный отвечает на телефонный звонок, разговаривает. **Рыжий** завтракает. **Скорик** перестал заниматься мотоциклом, собирает инструмент, запчасти.

Скорик (*Рыжему, указывая на мотоцикл*). Болеет мой бедный Чарлик, мой американец.

Гюго-Промежный (*перестав разговаривать по телефону*). Не мучайся, Дед, утопи его в море и купи новый...

Скорик. Друга можешь утопить?

Гюго-Промежный. Если женщина – запросто! (*Рыжему*). Всё, Лёлик, визы готовы. Двадцать семь человек. Здравствуй, Япония! Начало твоей мировой славы... ну, и мы при тебе уж как-нибудь... Пойду обрадую всю нашу толпу. (*Скорику*.) Ты прав, Дед, лучшее, что есть в жизни – это женщины и мотоциклы. Но женщина может быть любой... а мотоцикл – только японский. Только японский! Запомни, это я тебе говорю, Виктор Гюго... Айда в Японию! (*Уходит*.)

Звучит объявление: «Уважаемые господа! Предполагаемое время прибытия нашего теплохода в порт Находка...»

Скорик. Что такое – эта Находка? Что там находка? Вот этот твой друг говорит, там в порту проститутки – каждая, прям, находка. В чём находка? Дешевле что ли, чем всюду?

Рыжий. Что, Дед, женский вопрос поднимается?

Скорик. Да нет, экономикой интересуюсь. Что, где, почём?

Рыжий. Здесь на Востоке, Дед, рыба дешёвая. Здесь её больше, за ней специально едут. А женщины – нет, женщины на западе... Дифференциальная рента...

Скорик. Ну что ты гонишь...

Рыжий. Дороже, дешевле... Я тебе скромно, но убедительно скажу... скромно, но убедительно: дело не в цене. Дело в умении, в искусстве, и главное – в наличии воображения. Женщина без воображения – всё равно что рояль без струн, – можно, конечно, использовать – как стол, как комод. Но музыки не будет... А музыку, дорогой мой, на деньги не меряют. Вот так, примерно...

Скорик. Ты серьёзно?

Рыжий. Что серьёзно? Где серьёзно? Ах, это... Да нет, конечно, несерьёзно. Мы, Дед, клоуны. Серьёзно всё только в Библии. Ты читал Библию? Читай, читай Библию... А в жизни ничего серьёзного. Ни-че-го... Торжество клоунады. Цивилизация клоунов: добрых, злых, равнодушных. Выбирай любую маску – и вперёд!.. Вот только проститутки – да, эти

без маски, всерьёз. Библия и проститутки. А всё остальное если и начинают всерьёз – выходит пошло и скучно. Повеситься можно.

Скорик. Ну да, как вы вчера тут пели хором: свобода, бля, свобода, бля, свобода!

Рыжий. Во-во-во! Жизнь – это цирк, цирк – это ирония, а ирония – это свобода. Проявляйте, люди, иронию и жалость.

Скорик. Сейчас, погоди. *(Обращается к мотоциклу.)* Ну, давай, Чарлик, ещё разочек – и всё. Вдруг заведёшься. *(Ещё одна отчаянная – м.б., даже перекрестившись, – но, увы, безуспешная попытка завести мотоцикл.)* Ну что же, всему своё время... Всё, отдыхай. *(Заботливо укрывает мотоцикл специальной попонкой. Садится за стол к Рыжему.)* А я, честно признаться, ни разу в жизни... как бы это сказать... не пользовался услугами проститутки...

Рыжий. Понятно, все деньги на Чарлика уходят.

Скорик. Нет... Ты, клоун, про музыку верно сказал: чужая женщина – она всегда и остаётся чужая. Без музыки. А без этого нет, нельзя. Вот была у меня своя – своя! – вот это была музыка! И хоп! – ушла. Сбежала. Остались мы с мотоциклом вдвоём...

Рыжий. Ты всё-таки свою машину убери. Сейчас сюда кэп придёт. Он уже вчера вот на этом месте сидел и хай поднимал – как будто впервые увидел: «Почему мотоцикл? Кто вахтенный?»

Скорик *(не обращает внимания на слова Рыжего)*. Задел ты мне душу, клоун... Вот и она тоже говорила: мало, говорит, музыки. А я – кем был? Мотогонки по вертикальной стене... Семь лет, как муха, по стене ползал. Может, слышал: «Артём Скорик. Мировой рекорд скорости по вертикали»? Это я. Был... Мы в Саратове сошлись. Она в цирке, а тут в скверике нашу бочку поставили. Комнату рядом снимал, через дорогу. Тоже найти не просто: я ведь с мотоциклом – не каждый пустит... Она каждый вечер приходила. «Скорик, давай любить друг друга». Смотрит прямо в глаза и тёплой ладошкой по щеке... А глаза у неё зелёные. Понимаешь? Глаза зелёные, в самую душу проникают, до дна... Вот ты пел: «Зеленоглазая, в морской траве» – это про неё... Эсмеральда. Можно Элька, можно Мира, на любое имя откликалась. Ты много женщин видел с зелёными глазами? «Скорик, давай любить друг друга». Что ж, давай. А потом и вообще осталась...

Рыжий. А Чарлика под кровать прятали?

Скорик. Нет, мотоцикл я на работе стал оставлять... Слушай, клоун, ты с Самсоном работал где-нибудь? Известный номер был: «Икарыйские игры Самсона». Акробаты... Вот она у него трудилась. Самсон её ногами подкидывал. Высоко подкидывал, лёгонькая была... И вот однажды жду, а её нет. И на другой день снова не пришла... А я без неё спать уже не могу... Я в цирк, а там Самсон на репетиции какого-то парнишку ногами подкидывает. «А где Эсмеральда?» Хоп! Она два дня назад во Владивосток умотала с иллюзионистом – он её, говорят, в ящике пилой распиливал... Такая вот музыка... А потом,

слышал, к дрессировщику ушла, слона танцевать заставляла... танцевал слон... А потом всё, след потерялся... Полный облом... Ну, в общем, пить начал. Трезвый – не сплю. Но и пить нельзя – Чарлик не разрешает. Однажды со стены сорвался. Понимаешь, с пяти метров вниз, а мотоцикл на тебя ещё сверху. Хоп! Всё, уверенность потерял. Женщина уверенность в жизни даёт. А без уверенности нигде нельзя, убьёшься... Пришлось к основной профессии вернуться: я ведь по судовым машинам оканчивал... Да-а...и вот теперь где какой цирк – всегда спрашиваю... Эсмеральда, глаза зелёные. Музыка любит.

Рыжий. Что ж, поспрашивай вокруг...

Скорик. Да я тут уж всех поспрашивал. Никто ничего.

Рыжий. Самсон, говоришь? Ногами подкидывал? Нет, не слыхал... Вон слышишь голос: кэп на подходе, ты у него спроси, у него память идеальная.

Скорик. Нет, я лучше вниз, в машину: моя вахта. У меня там мотористы сальники меняют... Нет, правда, боюсь этого вашего кэпа. «Когда в море, Дед, когда в море?!» В какое море на этом корыте? Тепло и свет даём в общежитие – и спасибо... *(Собирается уйти, но от двери возвращается.)* А если кто-нибудь когда-нибудь будет здесь Чарлика обижать, я с этого судна уйду, – так ему и скажи. Пусть сальники сам меняет, сам в море выходит. *(Уходит.)*

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ НОЙ ДИОНИСИДИ

Двойной удар судового колокола.

Рыжий занят настройкой рояля. За сценой голос **Ноя**: «Я же сказал вам: нет, нет и нет! Я сейчас занят. Всё!..» **Ной** быстро входит в музыкальный салон, плотно закрывает за собой дверь, запирает на ключ, прислушивается к звукам за дверью – словно кто-то гонится за ним, – и только после этого проходит дальше. Посреди помещения ставит два стула – один против другого, садится.

Ной. Иди сюда.

Рыжий. Слышишь... «ля» в третьей октаве – того? Инструмент старый, а здесь становится так сыро.

Ной. Ничего, скоро всё изменится. Иди сюда.

Рыжий. Где же твоя флейта? У нас Вивальди.

Ной. Нет, сегодня начнём с Пятой, как прежде – помнишь?..

Рыжий. Я всегда пожалуйста. (*Садится напротив.*) Пятая – Бетховен или Чайковский?

Ной. Бетховен. Сегодня нужна героическая бодрость.

***Рыжий** начинает, **Ной** подхватывает: на два голоса долго, чуть ли не полминуты поют первые такты Пятой симфонии Бетховена... Пение прерывает громкий, грубый, настойчивый стук в дверь.*

Рыжий. Звучат барабаны судьбы.

Ной. Не обращай внимания, продолжай, нас здесь нет.

Снова настойчивый стук в дверь.

Рыжий. Да перестань, бесполезно... От судьбы не убежишь... Я видел их ещё вчера, когда они только подъехали. Мельком, издалека... но потом ночь не спал... Иди открывай. (*Пересаживается за рояль, пробует ноту «ля».*)

***Ной** отмыкает дверь, но там никого нет.*

Ной. Никого.

Рыжий. Они не сразу входят... Сейчас воплотится... Пожалуйста.

*В дверях возникает телохранитель **Жорж**. Решительно, по-хозяйски подходит к **Ною**, характерным движением профессионала поднимает ему руки и «охлопывает», чтобы убедиться в отсутствии оружия; делает знак **Рыжему** подняться и тоже «охлопывает». **Ной** и **Рыжий** некоторое время остаются стоять с поднятыми руками, пока **Жорж** быстро проходит по всему помещению, всё осматривает, всюду заглядывает. В конце концов, видимо, убедившись,*

что здесь безопасно, возвращается к двери... Тут же быстро входит **Василиса**. Телохранитель остаётся стоять у входа, расставив ноги, сложив руки на груди. **Василиса** – как бы за этим и пришла – прямо направляется к **Рыжему**. Но на её пути становится **Ной**.

Ной. Стоп, мадам! Стоп, вы не дома!

Василиса (её внимание целиком и полностью направлено на **Рыжего**). Сейчас, сейчас...

Ной. К чему спектакль? Кому пыль в глаза? Здесь, на пароходе, зачем телохранители? Кто вам угрожает? Ау, вы меня слышите? Мадам! (Щёлкает пальцами у неё перед глазами.)

Василиса (её внимание всё ещё направлено на **Рыжего**). Слышу, слышу. (Видимо, не без труда отводит взгляд, делает знак **Жоржу**, и тот исчезает за дверью.) (Ноя.) Вы, **Ной Христофорович**, пожалуйста, не нервничайте. Глупость, я сама понимаю. Извините нас... Но таков порядок. Положение обязывает.

Ной (свирепеет). Чьё положение? Вы зачем меня преследуете?

Василиса. **Ной Христофорович**...

Ной. Не перебивать!.. Что вам от меня ещё нужно? Вы просили поселить вас на корабле – я поселил. Каюта судовладельца – лучше у нас нету. Сопровождающего поселил рядом... Говорили, что любите

клоунов и ради них приехали – правильно я вас понял?.. Прекрасно! Вот клоун... Клоун, покажи даме что-нибудь... и до свидания.

Рыжий. Нет, я вижу, тут какое-то насилие. Лучше я тихонечко пойду отсюда, а уж вы между собой... *(Направляется к выходу, но дорогу ему преграждает тут же возникший Жорж.)* Позвольте пройти.

Василиса. Он глухонемой.

Рыжий. Понятно: всех впускать, никого не выпускать.

Ной. Всё, мадам, до свидания. Пойдите вечером в цирк: спектакль «Торжество клоунады». А у нас репетиция... Вивальди, Концерт для флейты пикколо «ля минор». *(Из кармана достаёт флейту.)* Прошу, маэстро...

Рыжий за роялем, играет несколько тактов.

Василиса *(спокойно садится)*. Ничего, я не помешаю.

Ной *(кричит в бешенстве)*. Я вам русским языком сказал: пароход не продаётся. Не про-да-ёт-ся. Что не понятно? Посмотрите вокруг: это что – металлолом? На этом корабле мы ещё в кругосветку сходим.

Василиса. Ной Христофорович...

Ной. Не перебивайте меня! Слышите, машина работает?.. Сердце корабля – машинное отделение,

капитанская рубка – голова, мозг. А душа корабля – вот она, судовой колокол (*бьёт в колокол*). Колокол отливают ещё до того, как судно построено: имя корабля впервые появляется здесь... Это неправильно говорят, мол, в начале было слово. Бог начал с того, что колокол отлил, и то самое Слово было на нём отлито, и Господь ударил в колокол и всё зазвучало, запело, наполнилось музыкой – и звучит до сих пор... А здесь у нас музыкальный салон. Рояль – настоящий Бехштейн. (*Делает знак Рыжему, тот начинает играть.*) Слышите, какое звучание! (*Подхватывает тему на флейте, вместе играют несколько тактов.*) А какая акустика! Как в Кёльнском соборе. Покричите: му-зы-ка! Вы бывали в Кёльнском соборе?

Василиса. Дорогой Ной Христофорович, ну хватит... давайте всё-таки говорить серьёзно... Нет, теперь вы меня не перебивайте... (*С расстановкой.*) Это... давно... уже... не корабль: ещё чуть постоит, постоит, тихо наполнится водой и сядет на дно: я заглянула, в трюмах уже полно воды... На дно – и клоуны, и рояль, и колокол... Мы даём хорошие деньги, больше никто не даст. Мало? Поторгуйтесь, прибавим. Миленький, ну ещё раз, давайте говорить по делу... Тонущий корабль поменяйте на деньги: деньги не тонут.

Ной. Миленький... Я вас знать не знаю.

Василиса. Мы не гордые, можно ещё раз: фамилия Юсуп-хан... По телевизору, всюду звучит... Юсуп-хан Рудольф Абрамович – это мой муж...

Ной. Телевизор не смотрим.

Василиса. Послушайте...

Ной. Нет, это вы послушайте... Играй, Лёлик, играй... Правда, вот «ля» в третьей октаве... но это мы поправим. Нет, теперь таких инструментов не делают.

Василиса (*что-то записывает в блокнот*). Хорошо! Рояль покупаем отдельно. Колокол покупаем отдельно.

Ной (*изумлён*). А душу мою?

Василиса (*не услышала последнюю реплику, пишет что-то в блокноте и показывает Ную*). Да, вот посмотрите, хватит?

Ной (*ласково, как к неразумному ребёнку*). Мадам, садитесь... устраивайтесь поудобнее и успокойтесь... Вижу, вижу, вы – женщина волевая, целеустремлённая... (*Бьёт в колокол.*) Угадайте, по ком звонит этот колокол? Нет, послушайте. (*Снова бьёт в колокол.*) Лёлик, играй пианиссимо... Да... А это, мадам, – это звучит Карл Бехштейн Пианофортефабрик АГ Берлин. Карл Бехштейн – историческое лицо. Симпатизировал нацистам и привёл их к власти в Германии. Смотрите, здесь под крышкой: Triumph Das Willens... Триумф воли... Они были волевые, напористые, но не поняли, мадам, что триумф воли – это всегда триумф смерти...

Василиса. О господи! Куда... к чему это?

Ной. Не перебивать! Теперь понимаете, по ком звонит колокол? Кстати, в вашей каюте застрелился

адмирал фон Фридебург. Он был из тех, кто должен был подписывать капитуляцию Германии, но предпочёл застрелиться... Триумф воли – триумф смерти.

Василиса. Хорошо, хорошо... Это ничего, что в моей каюте: я в эту мистику не верю.

Ной. Память и музыка сделаны из одного вещества. Память звучит. Здесь всё звучит... Скажите людям, которые вас послали... Кто, вы сказали, какой хан?

Василиса. Фамилия Юсуп-хан – сталелитейная промышленность, цветная металлургия. Номер семнадцатый в русском списке Форбс. Между прочим, очень древний род, известен ещё со времен Касимовского царства. Русские дворяне, помещики... Был даже граф Юсуп-хан.

Ной. Это ничего, мы тоже древний род... из греков... у-у-у туда вглубь... к олимпийским богам...

Василиса (*перебивает*). Хорошо, триумф воли, понимаю... Помню и люблю два эти слова: «триумф воли»... Сейчас в России очень актуально – многие....

Ной. Мадам...

Рыжий. Ной, перестань, она ничего не поняла и не поймёт.

Ной (*резко меняя интонацию*). А внизу, в машине вы ещё не были?... Чух-чух-чух... Мощная музыка техногенного мира... Старший механик по фамилии

Скорик... Как его зовут?.. Вот его мотоцикл... Не помню, как зовут... А ещё у нас был старпом по фамилии Мудрик... но он куда-то пропал. Вообще, честно признаться, кадровые вопросы – прерогатива моей дочери. Дочь... сама нанимает, сама увольняет. Судно вообще-то ей принадлежит.

Василиса. Ах, у вас есть дочь... Интересно. О дочери можно подробнее?

Звучит объявление: «Уважаемые господа! Предполагаемое время прибытия нашего теплохода в порт Находка...»

Ной (*радостно*). Да вот же она... Голос! А как она поёт «Аве Мария» Шуберта! Как поёт! Люди слушают и плачут... Шуберт умер совсем молодым от сифилиса... Что ещё я хотел сказать? Шуберт... Дочь... Нить потерял... (*Рыжему.*) Ты готов репетировать? А я уже нет. Устал. Мне нельзя много говорить... Деньги, деньги не тонут... Триумф воли... (*Василисе.*) Пойдёмте, мадам, я сам покажу вам машинное отделение. (*Подает руку Василисе.*) Музыка!

Рыжий играет «Большой блестящий полонез» Шопена. **Ной** под музыку уводит **Василису**. **Жорж** уходит следом.

ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ

НИНА КРУГЛОВА

Двойной удар судового колокола.

Круглова *давно, ещё в середине предыдущего эпизода появилась где-то в верхней части сценических конструкций и молча наблюдала происходящее.*

Круглова *(аплодирует).* Bravo, bravo! Было очень смешно.

Рыжий. Иди сюда.

Круглова. Зачем?

Рыжий. Тут один человек сохнет по тебе.

Круглова. Нет, нет, не верю я этому человеку... А что такое хеппенинг? Вот это всё – это был хеппенинг?

Рыжий *(декламирует).* Зовите это как хотите... но всё кругом одевший лес бежал, как повести развитие, и создавал свой интерес... Повести развитие... Зовите это как хотите... Что это? Откуда? Голова набита стихами, а что, чьё и откуда... Ты лучше спускайся сюда. *(Эту и следующие реплики Рыжий произносит, уже сидя за гримировочным столиком и примеряя различные варианты клоунского «лица» и облика: носы, маски, парики, шляпы, трости и т. д. При каждой новой примерке он встаёт и делает*

короткий пластический этюд, два-три соответствующих движения. Чем-то это напоминает «Маски» Марселя Марсо.)

Круглова. Женщина подумает, что вы оба сильно того.

Рыжий. Во-первых, она давно так думает, поэтому и приехала... А во-вторых, она права: ох, сильно, очень сильно того...

Круглова (*аплодирует очередному пластическому этюду*). Вот это вот, со шляпой, просто отпад! Какой же ты талантливый!

Рыжий. Да иди же сюда.

Круглова. Нет, нет, я буду отсюда смотреть. Вблизи я просто сливаюсь с тобой, перестаю себя ощущать. Лучше на расстоянии... Ты работай, работай.

Рыжий. Да плохо всё это. Всё это было, было, было. Тысячи раз. Десять тысяч мимов по всей земле делают то же, что и я. Нет своего лица... Вот кто это?

Круглова. Чарли Чаплин. Ну, прямо тютелька в тютельку.

Рыжий. Вот! Сразу узнала... А это? (*Изображает Марселя Марсо.*)

Круглова. Это ты!

Рыжий. Да нет же, это Марсель Марсо... А вот это Леонид Энгибаров... А это – Слава Полунин... У каждого своё лицо, своя музыка, пластика. Есть что сказать людям: у каждого – своё... Три божественных чуда даны человеку: слово, музыка, пластика жеста... Талант – это умение правильно распорядиться этим даром. А я – что? Я набит чужими стихами, чужой музыкой. Умею копировать...

Круглова (*быстро спускается вниз, может быть, оставив где-то по дороге свой форменный китель*). Неправда, неправда, неправда! Ты особенный, ни на кого не похож! Вот бы мне так, хоть немного (*Пытается повторить что-то из движений пантомимы*). Научи меня, возьми в своё антре, допусти в этот свой танец. С детства мечтаю!

Рыжий. Это не отсюда, не от головы идёт. Клоуном надо родиться... А понимать, что к чему, начинаешь, когда поздно что-то менять: или состоялось... или увы.

Круглова. Когда ты так говоришь, я совершенно теряюсь. Всё вокруг уплывает, и я оказываюсь где-то совсем в другом мире. А в каком – не понимаю...но хочу слушать и слушать... Пойдём к тебе в каюту, и я сварю тебе кофе, а заодно помою пол, постираю твоё бельё... Ты меня к себе возьми навсегда: если ты упадёшь с трапеции, я буду ухаживать за тобой. Будешь лежать где-нибудь в уголке недвижимый, беспомощный, а я буду ухаживать за тобой. И так до самой старости.

Рыжий. Думаешь, старость уже близко?

Круглова. Близко, близко. Старость всегда близко, только о ней не думают. А я никогда не состарюсь. Я всегда буду молодой и всегда буду ухаживать за тобой.

Рыжий. Почему я не встретил тебя лет на семь раньше, когда начинал! Может, жизнь иначе сложилась бы. С тобой я чувствую себя таким уверенным, сильным. И мне даже кажется, что я – да! – на правильном пути... Может быть, мы с тобой ещё что-то успеем?

Круглова. Лет на семь раньше мне было шестнадцать лет, я училась в десятом классе и жила в степном городе... чахлый городской сад, танцы три раза в неделю... ну, и девушка с веслом.

Рыжий. Какая девушка?

Круглова. Ай, да всё равно. Мы – провинциальные степняки. Я после школы поэтому и сбежала сюда, к морю... А весло, увы, там оставила.

Рыжий. Как дела на работе?

Круглова. Плохо. Все мужики в отделе посходили с ума – все влюблены в меня, все знают, что у меня кто-то есть, все ревнуют и от этого хамят. Начальник требует, чтобы я сообщила ему, где ты живёшь и место работы. Он хочет поговорить с тобой как мужчина с женщиной.

Рыжий. Это тот начальник, с которым у тебя роман?

Круглова. Роман у меня с тобой. Это тот начальник, которого я люблю. Вернее, которого любила в прошлом году, а теперь ненавижу. Он регулярно зазывает меня к себе в кабинет, клянётся, что любит меня, и при этом смотрит глазами, полными слёз. А сам сошёлся с другой женщиной. У неё ребёнок, у него ребёнок. Он говорит, что перед ней у него моральные обязательства. Все вы, мужчины, одинаковые... Потрахатья всегда пожалуйста. А нужно, чтобы хоть один из двоих любил. Так, для приличия.

Рыжий. А я тебя не люблю?

Круглова. Нет. Это не любовь. *(Прислушивается.)* Слышишь, слышишь? Кричит. Это моя кошка. Вероника её в сушилке закрыла...

Рыжий. Завидую тебе. Всё знаешь, всё назвать можешь. Что есть любовь? Ответ: любовью является нижеследующее... а... бэ... цэ... и далее по уставу. Всё, что в данную рубрику не входит, любовью считать не надлежит... Ты очень похорошела за последние пару месяцев.

Круглова. Ну да... Это, может быть, потому что я-то тебя люблю. Может быть, люблю... Так как насчёт кофе у тебя в каюте?

Рыжий. У меня нельзя. Гости ко мне приехали и могут заявиться в любую минуту.

Круглова. Ничего себе новости... Жена?

Рыжий. Хуже... Это ведь здесь мамаша моя была. Каким-то образом нашла меня... По всему глобусу искала, выследила, приехала... и теперь хочет купить мою жизнь вместе с этим пароходом.

Круглова. Никогда не знаю, когда ты шутишь, когда говоришь всерьёз.

Рыжий. Я сам не знаю, что здесь всерьёз... Я – дичь. Загнанная дичь. *(Вскидывает воображаемое ружьё.)* Пиф-паф... Смешная пантомима «Пристрелить клоуна», обхохочешься... А твоя подруга Вероника Ясная где?

Круглова. Думаю, на репетиции...

Рыжий. Это хорошо, безопасно, никто в дверь не постучит.

Круглова. На что намекаешь?

Рыжий. А чего намекать... Ты же современная женщина... Пошли к тебе, закроюсь. Надо расслабиться. Мы тихонечко.

Круглова. Тихонечко у нас с тобой что-то не получается.

Рыжий. Ну, тогда уж как получится.

Круглова. Средь бела дня? А кто будет пропавшего старпома искать?

Рыжий. Сам найдётся... Начни с того, что телефон выключи.

Круглова. Я тебе никогда и ни в чём не хочу и не буду отказывать, никогда и ни в чём!

*Уходят в каюту, но **Рыжий** не успевает закрыть дверь: его окликает появившийся **Узбек**.*

Узбек. Минуточка! Товарищ, господин! Ассалому алейкум! Скажи, пожалуйста, где здесь рыба покупать можно?

Рыжий. Ну-ка, ну-ка, ну-ка...

Узбек. Из Андижан приехали, рыба покупать будем.

Рыжий. Ха! Антре «В цирк за рыбой» – в этом что-то есть. Образ есть, только гэги нужны, текст нужен смешной.... Дерзай, дружище, позже покажешь. *(Уходит.)*

Узбек. Антре... гэги... Рыба ищем, никого не обижаем. *(Прислушивается.)* Кошка где-то кричит.

Затемнение.

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ ВИКТОР ГЮГО - ПРОМЕЖНЫЙ

Двойной удар судового колокола.

Через несколько дней. Скорик, сидя на стуле перед дверью своей каюты, занят ремонтом какого-то механизма, детали которого разложены перед ним на другом стуле, – возможно, это карбюратор мотоцикла; перевернутый вверх колёсами мотоцикл тут же рядом. Василиса завтракает за большим столом в кают-компании и читает местную газету; телохранитель Жорж ей прислуживает.

Скорик. Тут на площади возле цирка Библию купил с картинками, детскую. Хорошая. Коротко, ясно – всё как было на самом деле: Моисей – вот он, пожалуйста, Моисей, Давид – вот он Давид... А вот я заложил вчера... (*Берёт в руки книгу, читает.*) Быт. 6:13 с толкованием: Сделай, говорит, себе ковчег из дерева гофер... гофер – это вроде сосны... Ладно... (*читает*) И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина пятьдесят локтей, а высота тридцать. Посмотрел в интернете: локоть – 48 сантиметров. Умножаем. Получаем: длина 144 метра, ширина 24 метра, высота – 14 метров. Хоп! Так это же вот, наш пароход! Немцы что, по Библии что ли строили?

Василиса (*отрываясь от газет, Скорику*). Посмотрите, какая красавица: «Мисс Полиция». Вчера у них конкурс был... Простите, голубчик, вы мне что-то говорили, а я мимо пропустила...

Скорик. Да не суть важно... А эту мисс я хорошо знаю. Тут живёт. Хорошая... Мимо проходит, иногда даже по имени назовёт, погладит.

Василиса. Кого? Вас?

Скорик. Зачем меня... Чарлика.

Василиса. А в каюте Чарлик не помещается, да?.. Всё-таки маленькие здесь каюты...

Скорик. Ему здесь лучше, свободнее: с любой стороны подойти, перевернуть... А каюты – ничего, нормальные.

Василиса. Но тараканы! Лет тридцать не видела живого таракана – и вот пожалуйста, бр-р-р...

Скорик. На судне тараканов не выведешь. Это, небось, ещё те, родные, по-немецки понимают... Под вами внизу там камбуз.

Василиса. Кстати, сюда на работу вас кто оформлял? Капитан говорил, дочь нанимала...

Скорик. Да сам капитан и оформлял... Какая дочь? Я никакой дочери тут не видел... Придуривается, на него находит.

Василиса. Хорошо хоть вы человек здравомыслящий... От старшего механика многое зависит.

Входит Гюго-Промежный, он в халате, под которым трико – видимо, с репетиции или на репетицию,

на голове у него берет с большим помпоном – деталь костюма какой-то клоунады.

(Складывая газету.) А вот и – великий Виктор Гюго. Присаживайтесь, дорогой мой. Что-нибудь съедите?

Гюго-Промежный. Простите, что в таком виде... Сказали: иди срочно.

Василиса. Всё хорошо... Яичницу с помидорами будете? Помидоры японские – очень хороши. Не стесняйтесь. Жорж у нас мастер.

Гюго-Промежный жестом отказывается.

Да вы присаживайтесь, присаживайтесь... Вы – Тренер, так вас все зовут?

Гюго-Промежный *(садится у дальнего конца стола).* Тренер...в некотором смысле... А мы знакомы? Ваше лицо мне очень...

Василиса. Нет, нет, ошибаетесь... Вы и артист, и антрепренёр этой цирковой труппы – так?

Гюго-Промежный. Всё в одном флаконе.

Василиса. Виктор Гюго... француз?

Гюго-Промежный. Весь вечер на арене Виктор Гюго – это ещё в цирковом училище придумали. По жизни я Промежный Виктор Петрович. Можно просто Витя... Нет, всё-таки где-то я вас...

Василиса. Неловко получается: я трескаю за обе щеки, а вы так сидите...

Гюго-Промежный. Спасибо, никогда не завтракаю. Дисциплина. Да и возраст предпенсионный... Вот разве глоток кофе... *(Василиса делает знак, и Жорж подаёт чашку кофе; ставит кофе ближе к Василисе.)*

Василиса. Не стесняйтесь, садитесь поближе.

Гюго-Промежный *(перемещается на стул поближе).* Спасибо. *(Вглядывается, вроде вспомнил; тихо.)* Коста-Рика, на пляже?

Василиса. В молодости я, помню, завидовала соседке по коммунальной квартире: артистка кордебалета, в свои тридцать пять – девчонка совсем, кошечки носила – и уже двадцать лет стажа, пенсию оформляла.

Гюго-Промежный. О, нет, мы на пенсию не собираемся – это я так сказал... Пенсия – это страшно... Вот они, бедные, по всем рекам страны сидят с удочкой и ждут, что раньше – рыбка червячка клонет, либо его самого, как червяка: сверху, раз – и нету – клонул Господь.

Василиса *(смеётся).* Bravo! Ну просто готовая сценка: речка, удочка, червячок... раз – и нету... Назовите «Се ля ви»! Я вчера второй раз была у вас на «Торжестве клоунады»... и опять огромное удовольствие! Смеялась, как ребёнок. И поняла: жизнь – бесконечное цирковое представление. Например,

бизнес – одни клоуны, только бездарные: все движения нелепые и смешные... Да чего уж там – даже смерть: речка, удочка, червячок... раз – и нету! Мы участники потешного спектакля в постановке Господа Бога.

Гюго-Промежный (*снова как будто бы вспомнил*). Тамбов! Гостиница...

Василиса. Слышала, вы собрались в Японию.

Гюго-Промежный (*свистит, неприличный жест*). Фьють... Япония накрылась медным тазом. Полный шандец...

Василиса. Витя, дорогой, ну-ка на десять градусов ниже...

Гюго-Промежный (*не понял*). Увы, антреприза в Японии сорвалась – Киото, Йокогама, Токио. Только что сорвалась. Вдруг всё лопнуло. Три дня назад телеграмма: из-за последствий цунами... Какие последствия – цунами было два года назад! Не знаю... И здесь всё заканчивается. Куда потом – не знаем... В общем, садимся на мели.

Скорик. Хоп! Сука.

Гюго-Промежный. Что такое?

Скорик. В городе всегда покупаю подарок для Чарлика. Вчера купил карбюратор б/у. Японец божился: родной, оригинал... а игла оказалась сломана. Тьфу, слепой мудака. Верить никому нельзя!..

Гюго-Промежный. Поищи в интернете, Дед. Теперь всё надо искать в интернете.

Скорик. Правильно! Пойду посмотрю. *(Уходит в каюту.)*

Василиса *(Гюго-Промежному)*. Знаем, знаем о ваших проблемах. Даже в японских новостях промелькнуло... Вот я и пригласила вас, дорогой Виктор Гюго... кое-что надо срочно решить... тут проглядывает возможность помочь вам...

Гюго-Промежный. Как это мучительно... Ваше лицо... я совершенно уверен, а не могу вспомнить...

Василиса. О, я очень обычная. Таких полно. Меня часто с кем-нибудь путают... Так вот вчера вечером, сразу после представления я связалась со своим токийским агентом. А он уже сегодня утром переговорил с Киото Сёкус Энтертейнмент, которая ведёт ваши дела... Всё очень просто: там нужны деньги, некий фонд ответственности или страховой фонд... Вы меня слушаете?

Гюго-Промежный *(пересел на дальний стул)*. Сейчас сообразу... Да, страховой фонд...

Василиса. Так вот... На определённых условиях я могу взять ответственность на себя и решить ваши проблемы. *(Жорж на маленьком подносе подаёт стакан воды и, видимо, таблетку. Василиса принимает лекарство, запивает)*. Merci, George.

Гюго-Промежный. Вы можете решить... У вас есть деньги?

Василиса. У меня много денег, но мы не об этом.

Гюго-Промежный. А какие-нибудь подробности?

Василиса. Без подробностей. Поедете – и всё. Подробности беру на себя... Ну, конечно, это не благотворительность, я надеюсь даже немного заработать. В некотором смысле я покупаю ваши гастроли.

Гюго-Промежный. Онемел. Нет слов... Не знаю, как благодарить... *(неуверенно)* до-дорогая... А то знаете, дрессировщик Заплечный поймал меня сейчас в коридоре и говорит: королевских питонов кормить нечем, не на что крыс купить... Вы не сказали, мне-то к вам как обращаться?

Василиса. Зовите меня Василиса Савельевна. Или, ладно уж... просто Вася. Ко мне так часто обращаются.

Гюго-Промежный. Нет, как-то...

Василиса. Ничего. Даже мой сын в детстве мамой не звал – всегда Вася.

Гюго-Промежный. Не Вася – Васса. Васса Железнова. Современная бизнес-Василиса... Уважаю и припадаю... Слушайте, завтрак, яичница... а может, сегодня поужинаем вместе где-нибудь в городе? Отметим... то-сё... *(Хочет встать со своего места.)*

Василиса. Сидите, сидите там...

Гюго-Промежный. Как?

Василиса. Я же сказала, при определённых условиях...

Гюго-Промежный. Вася, дорогая, какой разговор! Всё, что в наших силах.

Василиса. Поедете в Японию. Но только без клоуна Рыжего.

Гюго-Промежный (*обескураженно*). Не понял... Он-то почему отказывается?

Василиса. Он не отказывается. Это вы разрываете контракт с клоуном Рыжим.

Скорик появляется из каюты.

Скорик (*радостно*). Есть карбюратор! Родной... не здесь, но недалеко – в Находке... Я не мешаю? (*Занимается с мотоциклом.*)

Василиса. Нет, мы почти закончили.

Гюго-Промежный. Что случилось, Вася? Тут какое-то недоразумение. Рыжий – наш лучший актёр. Он же один из создателей спектакля. Душа труппы... (*Встал, чтобы уйти.*) Нет, Вася, это невозможно. Извините.

Василиса. Так... Сядьте... У нашего Тренера, оказывается, есть принципы...

Гюго-Промежный. Японцы приезжали смотреть спектакль, от Рыжего в восторге. Без него не примут, не согласятся.

Василиса. Согласятся. Уже согласились. Вы им тоже нравитесь. Бизнес есть бизнес... Найдёте замену... У вас там всех вместе сколько, – человек двадцать пять в труппе? Или больше? Говорите, королевские питоны голодные? Вот пойдите – о бедных змеях подумайте. И о себе. Два часа вам на раздумья... Merci, Georges, я сыта.

*Уходит в свою каюту, **Жорж** убирает посуду.*

Гюго-Промежный (*вдогонку*). Да пусть все змеи сохнут... Нет, нет и нет. (*Жоржу.*) Скажи ей, что мы друзей не предаём.

Жорж *жестами показывает, что не понимает: он глухонемой. Собирает посуду, уходит с подносом.*

Скорик (*переворачивает мотоцикл на колёса, вытирает руки ветошью*). Современная бабёнка, крутая...

Гюго-Промежный. Василиса, Василиса... Где я её?..

Скорик. Сядь, охолони немного... Тебе сейчас хорошо бы закурить, но капитан не разрешает, говорит, дымом дышать вредно. А от зверинца разит – не вредно? Аммиаком травиться не вредно?

Гюго-Промежный. *(Подходит к двери каюты Василисы, хочет стучать... но в последний момент раздумал.)* У неё здесь что-то личное... Точно, личное... Думай, Витя, думай...

Скорик. У каждой женщины есть своя, особенная сила над мужиком. У каждой. Я давно наблюдаю: если женщина умная, она сильнее любого мужика. Мужик поругался с бабой, – хоп! – ему уже кажется, жизнь кончилась. А вот ты лучше сядь, милый, и подумай, может, всё только начинается... Да сядь же, дело у меня к тебе...

Гюго-Промежный. Да, надо с Рыжим поговорить. Может, он что-то знает...

Скорик. Поговоришь ещё... сядь.

Гюго-Промежный. Слушай, Дед, пошёл ты на... ну не до тебя... Не встречал я твою Эсмеральду. Нет. Нигде. Не встречал. Всё.

Скорик *(показывает какой-то документ).* Вот это видел?

Гюго-Промежный. Что ещё?

Скорик. Удостоверение. Я, как и ты, – тоже тренер...

Гюго-Промежный *(заинтересовался, берёт в руки удостоверение, быстро читает и тут же возвращает).* Тренер по мотогонкам на льду. *(Смеётся.)* Нет, Дед, я по другим гонкам... Я тренер по сексу.

Скорик. Ну да, слышал, кликуха такая.

Гюго-Промежный. Да нет. Я, Дед, – высокий профессионал... В Англии мы работали – есть там такая профессия: тренер по сексу, и у них свой профсоюз. Я вступил для смеху... А ты – мотогонки!

Скорик. Хоп! Правильно, профессионал... мимо красивой бабы не пройдёшь, сразу тренировать... Ты вон и с этой сейчас, я слышал: поужинаем вместе, то-сё...

Гюго-Промежный. Где-то я её видел раньше... может, даже... Всех вас запомнить возможно?

Скорик. Я поэтому и спрашиваю: пожалуйста, подумай, вспомни... Ты вон и в Англии, и ещё где... Может её уже и не Эсмеральда звали... Имена всякие бывают... А вот глаза зелёные...

Гюго-Промежный. Всё, достал... Я уже год как женат, понял? У меня жена беременная красавица, вот-вот родит...Ревнивая, как тигрица... Я с этим делом завязал... ну, почти завязал... Тут у нас Япония горит, а ты со своими глупостями. *(Уже почти ушёл, но вдруг вернулся.)* Погоди... зелёные, говоришь?.. В прошлом году я на переговоры в Японию ездил – пароходом, через Находку. И там в порту снял одну. В интернете нашёл. Вот такая девчонка, – ну прямо кудесница! А почему запомнил: день был яркий, солнечный, в гостиничном номере стены нежно-нежно-оранжевые. И она так... после всего уже... сидит на постели, волосы рыжие – свои, не крашенные, – одно колено обняла, смотрит на меня, а глаза огромные

и зелёные-зелёные. Балдею... Вот это, думаю, хепшенинг! Событие! Жизнь, Дед, была бы пустой и серой, если бы не такие подарки.

Скорик. Какие подарки? Проститутка, что ли? Блядь?

Гюго-Промежный. Ну зачем эти грубости...

Скорик. Нет, ты скажи... проститутка?

Гюго-Промежный. Ну...

Скорик (*бросается на собеседника*). Скотина!

Гюго-Промежный (*отшвыривая Скорика*). У тебя, Дед, крыша совсем что ли поехала? (*Уходит.*)

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ НОЙ ДИОНИСИДИ

Двойной удар колокола.

Скорик заботливо вытирает и укрывает мотоцикл. Входят Ной и с ним Круглова.

Ной. И какую же рыбу искал этот узбек? «Рыба ищем, никого не обижаем». Ишь ты...

Круглова. Любую рыбу, но только браконьерскую, дешёвую. У него уже два холодильника были заказаны до Андижана: ждут на товарной станции... Его и арестовали на браконьерском траулере... Теперь его вещи надо забрать.

Ной. Мне кажется, каюта у него была где-то на нижней палубе, между дрессировщиком и мотористами – их и понятыми возьмите. Чёрт те что! Не судно – криминальная ночлежка. В рейс надо уходить – и как можно скорее... Механик, докладывай.

Скорик. Машина готова, воду из трюма откачали. Телеграф: цзынь, цзынь – хоп! – полный вперёд!

Круглова (Ноя). Но это не всё. У меня и к вам лично важное дело. Я дважды вызывала вас повесткой. По делу об исчезновении гражданина Мудрика. По повестке вы не являетесь. По какой причине?

Ной. Некогда, душечка, некогда. Да и что там расследовать. Сгинул – и шут с ним.

Круглова. Нет, не шут. *(Достаёт бумагу и читает.)* Вот... При досмотре вещей пропавшего Мудрика был найден паспорт на имя Ланг-Дионисиди Марины Ноевны, 1975 года рождения.... Это ваша дочь?

Ной *(Скорику.)* А что-то ты давеча говорил, опять сальники текут?

Скорик. Так мотористы всю неделю возились. Осталось только винты прокрутить, попробовать.

Круглова. Я хотела бы встретиться с вашей дочерью.

Ной. Винты прокрутить обязательно... *(Кругловой.)* Зачем? Позвольте спросить, зачем вам встретиться с моей дочерью? Чем-то ты, миленькая, похожа на неё... Очень похожа... Что-то сердце вдруг защемило... Тебя как зовут?

Круглова. Вот сядем рядом, вы и сравните, кто на кого похож.

Ной. А лет тебе сколько?

Круглова. Двадцать три.

Ной. Ровесницы.

Круглова. Как же ровесницы, если она?..

Ной. Не спорь. Ровесницы. Родилась здоровой? Врождённый вывих... нет?

Круглова. При чём тут? Вроде здоровой...

Ной. А у моей девочки был врождённый вывих правого бедра. Не сразу обнаружили. Не помню, два или три месяца было. Если бы не схватились вовремя, – жуть! – выросла бы хромоножкой.

Круглова. Гражданин Дионисиди...

Ной. Нет, мы бы, конечно, всё равно тебя любили... Но на характере же сказывается... Слава Богу, заметили, на лодыжки распорочку тебе поставили, ножки зафиксировали, чтобы костно-хрящевая ткань правильно нарастала.

Круглова. Гражданин Дионисиди...

Ной. Выросла – пряменькая, стройненькая... В маму... Мама рано нас оставила. Умерла. Замечательная пианистка была мама. Валерия Ланг... Ты любишь музыку?

Круглова. Гражданин...

Скорик одёргивает её, делает знак, чтобы помолчала.

Ной. Вот подожди... *(Достаёт из кармана и разворачивает листок бумаги.)* Читай.

Круглова. Зачем ещё?

Ной. Ты читай, читай...

Круглова (*читает*). «Когда слушаю, как Рихтер играет Третью сонату Бетховена, я исчезаю. Меня нет, и никого нет: есть только Бог един. У Рихтера Третья Бетховена – самый верный образ и самое неопровержимое доказательство существования Бога Всевышнего... Тебе, папа, когда-то нравилась Девятая симфония...»

Ной. Правда твоя, когда-то нравилась. Я сам в молодости на саксе – не хуже профессионала... Читай, читай

Круглова. «Тебе, папа, когда-то нравилась Девятая симфония... Но Девятая – претенциозный напор искушённого разума, пропагандистское лукавство глухого гения...»

Ной (*с трудом подавляет подступившие рыдания*). Простите..

Круглова (*возвращает листок*). А когда это написано?

Ной. Когда? Вчера...

Круглова. Ох, не похоже... но предположим... А как паспорт Марины Ноевны оказался среди бумаг Мудрика?

Ной. У него надо спросить.

Круглова. Или у неё. Я могу её увидеть?

Ной. Увидеть... что же... Нет, увы... она ждёт нас в Находке.

Круглова. Хорошо. Гражданин Дионисиди Ной Христофорович, вот ещё одна повестка, вручаю лично. Пожалуйста, распишитесь вот здесь. Если не явитесь завтра к десяти часам в отдел полиции, мы должны будем прибегнуть к принудительному приводу. *(Скоричу.)* Вы свидетель, что повестка вручена сегодня в 10:45 утра. *(Уходит.)*

Скорик. Восхищаюсь такими. Упорная. Баба – всегда умнее мужика. Далеко поднимется по карьерной лестнице.

Ной. Так, Дед... Не болтай лишнего, иди, готовь машину. Людей готовь. Винты прокрути обязательно. Ночью снимаемся и уходим в Находку.

Входит Рыжий, видит газету, брошенную на столе, разворачивает, разглядывает опубликованную на полтосы фотографию.

Скорик. Вот-вот, в Находку! Будет ему хеппинг!

Ной. Что ещё такое?

Скорик. Я говорю, там на месте разберёмся, какой такой подарок был. Хоп! *(Уходит.)*

Рыжий. Пора, капитан, сколько не играли... Херр Бюхнер заждался... Где твоя флейта?

Ной. Нет, смотри, что она мне пишет. Когда я слушаю, как Рихтер играет Третью сонату Бетховена, я исчезаю...

Рыжий. Меня нет, и никого нет... А Девятая симфония – претенциозный напор искушённого разума, пропагандистское лукавство глухого гения... Правильно?

Ной. Всё так, помнишь... Мы с ней на этом пароходе туристические круизы возили в Петропавловск, на Курилы... На этом рояле она сама играла... Деньги были, бизнес был...

Рыжий. Я всё знаю, Ной.

Ной. Всюду вдвоём, всюду вместе... *(Кладёт руку себе на грудь.)* Здесь сейчас девочка была – точная копия... Врождённый вывих правого бедра... Больно, Лёлик, здесь очень больно... Что-то я разнервничался, поиграй сам... *(Хочет уйти, но возвращается.)* Ночью снимаемся и уходим в Находку. Пора! *(Уходит.)*

Рыжий. Bravo, капитан! Вот решение, достойное библейского тёзки. Тот всё это спасал, спасал неизвестно зачем – теперь пора утопить. Музыка! *(Играет Балладу № 1 Шопена.)*

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

ВАСИЛИСА ЮСУП-ХАН

Двойной удар колокола.

*На последних словах входит **Василиса**, садится и долго, молча, не отрываясь, смотрит на **Рыжего**.*

Рыжий (за роялем). Всё, Вася, всё закончилось. Смотри – не смотри, я тебя больше не боюсь. Я... тебя... не боюсь. Всё прошло. Выздоровел окончательно.

Василиса. Ты играй, играй, я буду любоваться. Я здесь всё время издали люблю тебя: взрослый, красивый, умный.

Рыжий. Ну да... Я, было, только мельком увидел, кто это к нам пожаловал – и всё: всю ночь потом снились два санитары в психушке... Просыпался, засыпал – они тут как тут: меня, здорового двадцатилетнего мужика, с двух сторон берут под мышки и волокут на уколы... Игла вот такая. (Показывает палец.) Задница была уже синяя и твёрдая, уколы ставить некуда было...

Василиса. А помнишь, в детстве ты очень любил мои картофельные деруны – намазать маслом, мёдом.

Рыжий. Незабываемые впечатления... санитары.

Василиса. И холодное молоко из погреба. Тебе было лет десять. На даче в Ломтикове.

Рыжий. Деруны, молоко... Ломтиково... *(Его осенило.)* А-а-а! Как я сразу не догадался! Жанровая сценка: старушка-мать приехала навестить непутёвого сына... А узелок с пирожками? Где же узелок, пирожки с капустой? И ты забыла перекрестить меня при встрече.

Василиса. Будут, будут пирожки. Всеми своё время.

Рыжий. Сентиментальное свидание... Что здесь уместно? Ну, например, вот это... *(Играет баркаролу из «Времен года» Чайковского, нараспев декламирует.)* Жаркое лето... не помню уж, какого года. Мальчику пять или семь... Живём на даче в Ломтикове. Ещё жив отец. Пьёт по-чёрному, беспробудно... Напившись, грозит сжечь дом. Но добрый, безвольный... уже даже и по фамилии – Рыжий. Мы от рождения – Рыжие... Лучший настройщик в мире. *(Неожиданно с искренней интонацией.)* Надо же, вдруг вспомнил: летом на даче от тебя пахло малиновым вареньем. Теперь... нет, это чужое... Впрочем, что-то – ой! Женщина в коконе головкружительного аромата... Форбс... Юсуп-хан... А помнишь, там же в Ломтикове...

В это время Жорж приносит подносик с лекарством.

(Перестает играть.) Нет, этот похож на санитаря из психушки.

Василиса (*принимает лекарство*). Жорж – мой добрый гений.

Рыжий. Ага, добрый... из пистолета по чайкам шмаляет... влёт... выстрел – чайка, выстрел – чайка... Всё, сентиментальное свидание окончено. (*Переходит к своему гримировочному столику, начинает гримироваться.*) Ну что, купила паролод?

Василиса. Здравствуй, Лёлик...

Рыжий. Я видел, денёк помелькала, потом исчезла куда-то.

Василиса. Здравствуй, Лёлик... Здравствуй, Лёлик... Здравствуй, Лёлик... Здравствуй, Лёлик!..

Рыжий. Да перестань. Во-первых, я тебя не боюсь, а во-вторых, я тебе не верю – вот ни на столечко...

Василиса. Нет, я не исчезала: так, в Японию слетала на недельку – здесь близко. Дела.

Рыжий. Ну вот видишь, как теперь запросто: в Японию – туда, обратно... Ну что же, мама Вася, здравствуй, конечно, если не шутишь... А мы тоже собрались было в Японию, но увы... Впрочем, сейчас и не время. Весной – да... Минула весенняя ночь. Белый рассвет явился морем вишен в цвету... Басё. Великий японский поэт.

Василиса. Да! Студенткой, тебя носила... Басё по-японски читала наизусть: (*с японским произношением*) «Варау кадр нива фуку китару»... Ничего, конечно, не помню.

Рыжий. Каждому своя Япония. Деньги не тонут. Но только учти: купишь пароход – всё, убьёшь несчастного Ноя.

Василиса. Он твой друг?

Рыжий. Как сказать...

Василиса. Прямо, как есть.

Рыжий. Друг – понятие неопределённое. Вон теперь в Интернете один другому анекдот послал – и сразу друзья... Мы с Ноем лет... сколько уж?.. назад в психушке познакомились... Пели друг другу... После уколов, после процедур находили закуток, сидели друг против друга – и тихо пели по очереди или вместе. (*Напевает тему из Пятой симфонии Бетховена*). Чтобы действительно не сойти с ума... А недавно вот случайно опять встретились, уже здесь.

Василиса. Старик Вагнер из музучилища говорил: за пятьдесят лет ты был самым одарённым студентом. Но иметь дар – этого мало, надо его с умом потратить...

Рыжий. Пошлая, базарная лексика: иметь... потратить... Как же, Вася, тебе втюхать... Рыбой не торгуем... Не базар, не рынок... Планета другая. Другое течение времени. Все измерения – и так, и этак, и так – всё другое...

Василиса. Ох, ох, ох! Как же все эти пустые слова тяжело слушать.

Рыжий. Ты не поняла: капитан Ной Дионисиди... Дочь у него погибла в Находке... невероятно одарённая девочка... просто невероятно одарённая... Какие-то случайные подонки поймали на улице, изнасиловали, сутки издевались, изуродовали, убили, кажется, даже сожгли. Не знаю, сколько тому назад, всё стороной узнал, самого никогда не расспрашивал. Его пожалели, сказали: купалась – утонула, искали – не нашли. Всё! Но, он, видимо, почувствовал: что-то не так. И сказал: нет, не всё!.. Она жива и ждёт его в Находке... С тех пор он уж много раз там бывал: в лица молодых женщин всматривается, иногда кажется – вот она! Его ловят, иногда госпитализируют... Или она даже где-то здесь рядом, и он по ночам ходит, стучит в каюты, надеется: вдруг за дверью её голос... И в конце концов память о дочери стала музыкой, которую он слышит постоянно везде и всюду, днём и ночью, во сне и наяву. Ты слышала, как вдохновенна его речь? Это вдохновение творца... Его любовь сильнее смерти. Он ударил в колокол – и всё пересоздал заново, по-своему... Не трогай его, Вася. Пожалуйста, пожалуйста... Сделай хоть одно доброе дело: дай своему Рудику телеграмму: мол, утонул пароход – всё, буль-буль, пошёл ко дну. Возвращайся домой, не обеднеете...

Василиса. Здравствуй, Лёлик... Здравствуй, Лёлик... Добрый, чуткий, впечатлительный... В детстве ты всех бездомных щенков тащил в дом...

Рыжий. О боже! Ну помолчи же, что ты несёшь!

Василиса. Да... что-то я растерялась... Любовь... Я не за этим железом приехала. Я к тебе приехала, за

тобой приехала. Я больше не дам тебе быть клоуном бродячего цирка, заберу тебя к себе. И буду держать возле сердца – не отпущу. Не отпущу! Вот и вся любовь.

Рыжий. О как! Так прямо... Ничего себе новости, как говорит одна моя хорошая знакомая... Отлично! Начинаем жизнь с чистого листа: ничего не было – ни-че-го! Ни психушки, ни твоего брюхатого олигарха, ни семи лет счастливой артистической жизни... И санитаров не было – ни во сне, ни наяву... Айда в Ломтиково есть деруны с мёдом.

Василиса. Можно и в Ломтиково.

Рыжий. Не отпустит она... Не пойму, Вася – выходишь на тропу войны? Мне пора собирать манатки и снова драпать от тебя – в Италию, в Аргентину... куда-нибудь подальше – чтобы в этот раз не нашла?

Василиса. Мальчик мой, ну какая война! Скажи, я сильно постарела?

Рыжий. Да нет. Косметолог, макияж... Ты ещё вполне...

Василиса. Посмотри сюда: вот это (*берёт себя за волосы*) парик – хороший французский парик. Я лысая, Лёлик. Пью сильные лекарства и сделалась совершенно лысая. Онкология...

Рыжий. Ничего себе новости...

Василиса. Нет, не в этом дело. Не хочу и не буду просить у тебя снисхождения, прощения... Просто посмотри отсюда туда. Вообрази, как было: Москва, пышная презентация новой картинной галереи...

Рыжий. Прекрати, прекрати, помню я всё прекрасно – до мелочей!

Василиса. Нет, ты помнишь то, что ты помнишь, а я тебе скажу, что я помню... Картинная галерея – любимый проект Рудика и мой тоже. Коллекция картин, какой больше нет в мире и какую он собирал всю свою жизнь – мальчишкой начал, нищим студентом. Лучший советский авангард. Теперь галерея – событие всей жизни, праздник. Двести человек приглашённых, цвет интеллигенции...

Рыжий. Ну, это извините... цвет... это как посмотреть.

Василиса. Цвет интеллигенции!.. Гости из-за рубежа, дипкорпус... И являешься ты с приятелями и с вашими девицами... боже!.. голые, размалёванные... все гениталии подчёркнуто предъявлены... кто-то даже стал совокупляться публично – причём девка была сильно беременна...

Рыжий. Ну, это знаешь... это я не видел...

Василиса. Я видела... Кошмар! Вы явились всех оскорбить... Не надо качать головой: так и было!.. А всё потому, что вы, передовая молодёжь, против застывшего искусства, вы за искусство живое: да здравствует хепшенинг!

Рыжий (*смеётся*). Так я и теперь так думаю...

Василиса. Миленький, ну что же тут смешного?.. Я, кстати, была против психушки... договорилась, через некоторое время приехала домой забрать тебя, но сказали: утром сбежал.

Рыжий. О, домой, к Рудику – это было бы пострашнее психушки. Хорошо, что вовремя сбежал!

Василиса. Понимаю прекрасно, все эти безобразия – из неприязни к отчиму... Да перестань ты хоть на минуту себя размалёвывать. Сядь вот напротив, просто поговорим... А ты помнишь, когда ты был подростком и Рудику звонили на домашний номер, ты брал трубку и говорил: «Здесь такой не живёт»... Да сядь же здесь: серьёзный разговор, судьбу решаем.

Рыжий. Чью судьбу, Вася? Твою? А что-то ещё не решено?

Василиса. Ну не будь жестоким.

Рыжий. В школе я страшно гордился перед пацанами: мать не простая учительница – говорит на пяти языках и даже по-японски читает эти закорючки, диссертацию пишет... Зря гордился. Как я понимаю, за твои языки Рудик и подобрал тебя, да?

Василиса. Лёлик, ну пожалуйста! Ведь ты же теперь взрослый мужик!

Рыжий. Оценил способности – сначала в секретарши, в помощницы... ещё ведь отец был жив...

потом... ладно... а потом ты показала, что ни там, ни там – не будем уточнять – нигде незаменима. О, женщины это умеют... И олигарх взял тебя в жёны (*напевает марш Мендельсона*)...

Раздаётся долгий низкий пароходный гудок, нарастающий шум.

Василиса. Что это? Что за шум? Почему всё задрожало? Мы что, поплыли что ли?

Рыжий. Видимо, мотористы решили, наконец, винты опробовать...

Василиса. Как страшно... Всё это дрожит и вот-вот развалится... Будь умницей, поговори с этим Ноем. Пойми, этому симпатичному человеку надо лечиться, он ещё может быть нормальным членом общества... Вылечится – будет где-нибудь в джазе на саксофоне играть, женится... ещё и дети будут.

Рыжий. Слушай... а давно это у тебя? Ну, это... твоя онкология.

Василиса. Два года. После того, как Рудик ушёл.

Рыжий. Рудик от тебя ушёл?

Василиса. Рудик от нас ушёл... Ты телевизор не смотришь, в соцсетях не участвуешь... Два года назад машину Рудика взорвали... в Барвихе, возле дачи. Шофёра по кускам собирали, Рудика на соседний участок через забор забросило... Ай, не хочу подробности... Нет больше Рудика. В глубокой коме. Без

надежды. Великий Рудольф Юсуп-хан превратился в нечто неодушевлённое, зыбкий студень...

Рыжий. Ничего себе новости.

Василиса. Мне всегда казалось, что наши с ним деловые отношения никак не описываются словом «любовь». А теперь мне все говорят: отключите эти трубки, эти насосы. Фактически его уже нет... Все мы, Лёлик, одинаковые. Твой капитан прав: есть что-то сильнее смерти. Казалось бы, всё!.. нет человека, а я всё тяну, не могу расстаться...

Рыжий. Ничего себе новости.

Василиса. Он мне до сих пор снится живой, весёлый, мудрый. Нет, рука не поднимается... Боюсь, отключу – сниться перестанет.

Рыжий. О! Отлично! Ужели слово найдено... Я-то тебе зачем?

Василиса. А сама я себе – зачем? Я – твоя мать. Ты моя плоть. Нас нельзя разделить.

Рыжий. И отлично, мать! Давай... но на расстоянии.

Василиса. Нет, не то... Как объяснить, чтобы ты понял... Рудик...

Рыжий. Да не надо ничего объяснять.

Василиса. Хорошо, последнее – и всё. Вникни: ты теперь – единственный наследник огромного

бизнеса. Ни от тебя, ни от меня уже ничего не зависит... Тебе некуда деться... даже если меня не будет... Настанет момент, и тебя всё равно найдут – в Италии, в Аргентине, где угодно... и что как будет, не берусь предсказывать. А я хочу, чтобы ты был при мне, со мной. Хозяином положения, а не жертвой.

*Входит **Круглова** – всё в той же форме офицера полиции.*

Круглова. Я, кажется, не вовремя, простите... *(Хочет уйти.)*

Рыжий. Стоп, подруга. Очень даже вовремя... Познакомься, Вася, это моя Нина... Моя Нина.

Василиса. Погодите-ка... Ну конечно, только недавно за завтраком в местной газете видела ваш портрет – огромный, на полполосы. Победительница областного конкурса Мисс Полиция. Я ещё подумала, какая красавица. А в жизни даже ещё лучше... Но почему полиция?

Круглова. Всё! Сегодня был последний день... Только что уволилась. Теперь я артистка цирка. *(Рыжему.)* У нас будет репетиция?

Рыжий. Почему? В нашей жизни ничего не меняется: работаем. Иди, переодевайся...

***Круглова** уходит. **Рыжий** вполне готов: грим, костюм. Акробатическая разминка клоуна.*

Василиса. Возьми её с собой, хороша очень...

Рыжий полностью поглощён разминкой.

Ладно, ладно, ухожу... Только ты не заблуждайся... особенная территория, другая планета. Россия есть Россия... Ковчег-то у твоего друга... того... украли. Элементарно. Некто Мудрик, доверенное лицо... Оформил судовладение на паспорт умершей дочери – как будто она жива, – и на себя. Видимо, Ной так захотел... Потом представил справку о смерти девушки и переоформил всё на себя одного. Кинул своего доверителя, развёл как последнего лоха, уделал технически... И тут же продал... Мои люди посчитали сделку выгодной... Я, Лёлик, в мелочи не встречаю: мне доложили, когда всё уже состоялась... Тогда и узнала, что здесь цирк, – а потом оказалось, что ты в этом цирке... Нет, мне это железо не нужно, я его сразу перепродала японцам. И с выгодой... Но, пожалуйста, ради тебя я готова делать вид, что Ной тут главный. Я и Бюхнера, этот его «Триумф смерти», готова купить за три цены и ему же подарить. И лечение его готова оплатить... Я всё могу.

Рыжий. А дочь воскресить можешь?..

Василиса. Всё, разговаривать с тобой у меня больше нету сил... Ушла... Могу предложить новую репризу, бесплатно: клоун выходит на арену и громко объявляет: «Только что я убил свою мать!» Зрители покатываются со смеху. Бешеный успех на всех аренах мира. (*Уходит.*)

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ ЛЁЛИК РЫЖИЙ

Двойной удар колокола.

Рыжий продолжает разминку. Появляется Ясная.

Ясная (*вся светится счастьем*). Лёлик, поздравь! Меня берут работать в полицию. Ура! Только что прошла собеседование с начальником: усатый красавец... Спасибо твоей Нинке, написала рекомендацию. Может, и не взяли бы, но мы же с ней меняемся. Она – в цирк, к тебе в номер, а я на её место в полицию. (*По мере произнесения монолога Ясная начинает двигаться в том же ритме, что и Рыжий, и в конце концов вполне органично входит партнёром в его пластическую импровизацию.*) Прощай, долбаный Тренер. Я теперь современная женщина. Форма, погоны, власть... Я уж и китель Нинкин примерила.

Рыжий. Жаль, что уходишь, морская русалочка. Смотри, как двигаешься. С Нинкой могли бы сделать замечательный номер. Вот у Полунина в «Лицедеях» женщины как работают – ах, как работают!...

Ясная. Нет, до Нинки твоей мне далеко. Она оказалась офигенно талантлива. Супер! Будет великая актриса, ещё тебя переплюнет... А я – всё. Мне этого вот так хватит... Власть, Лёлик, власть – вот главное! Мечтаю дорваться. О, я им всем покажу. Всем мужикам. И отчиму, который пьяный изнасиловал меня, когда мне 15 даже не исполнилось – и потом от

него ещё аборт в десятом классе, – и тем отморозкам из общежития колледжа, которые первокурсницу за-тащили к себе в комнату и провели «посвящение в студентки». Вчетвером... и так, и этак переворачивали.... И тому дядечке-пенсионеру, который здесь в городе сдал угол – и в первую же ночь залез ко мне в постель... мол, только раз в неделю, по пятницам... Ну и, конечно, вашему мерзкому Тренеру... Всем. Держитесь, подонки. Всех найду. Со всеми рассчитаюсь. Ребята в полиции помогут. Пойду девкам своим в каюте похвастаюсь, пусть завидуют. (*Уходит.*)

Звуки морского порта, шум прибоя, крики чаек, низкий пароходный гудок. Звучит мелодия песни «Как провозжают пароходы...» Рыжий исполняет известный приём «чужая рука», при котором пальто и шляпа на вешалке «превращаются» в некую женскую фигуру, обнимающую, ласкающую клоуна.

В какой-то момент исполнения этого номера появляется Круглова, садится за гримировочный столик, начинает гримироваться.

Круглова. Когда это вижу, всегда ревную к ней: рука такая нежная.

Рыжий (*прервав свой номер, произносит с японским произношением*). Варау кадр нива фуку китару...

Круглова. Что это?

Рыжий. Басё по-японски. Варау кадр нива фуку китару... В дом, где смеются, приходит счастье...

Круглова. Красиво!

Рыжий. Какое же счастье, что ты у меня есть.

Круглова. Тоже Басё?

На гримировочном столике звонит телефон (например, начальная фраза Сороковой симфонии Моцарта).

Твой телефон.

Рыжий. Ответь, пожалуйста.

Круглова. Это же тебя.

Рыжий. Всё равно, ответь. Мы с тобой теперь единое целое.

Круглова *(в трубку).* Слушаю! Да...да... Ой, сейчас передам трубку Лёлику... *(Рыжем.)* Возьми скорее!

Рыжий *(берёт телефон).* Аллё... Всё, разъединили... Абонент недоступен... Что там?

Круглова. Это Ной... Санитары схватили его на причале и отвезли в психушку, куда-то за город.

Рыжий. Абонент недоступен.

Молодой женский голос по внутрисудовой трансляции: «Уважаемые господа, предполагаемое время прибытия нашего теплохода в порт Находка...» Невнятные шумы, голоса, нарастающий шум морского прибоя.

Затемнение.

ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ ДНЕВНАЯ ВЕЧЕРИНКА

Двойной удар колокола.

*Через несколько дней. В тех же интерьерах, что и прежде, теперь, однако, полный беспорядок. В уют-компании нет уже ни роскошного буфета, ни стульев, ни самого стола. Понятно, что и мотоцикла нет. И в музыкальном салоне пусто: ни кресел, ни кадок с пальмами... потолок разобран, и в зияющем прогале на крюке порталного крана висит белый рояль. Посреди сцены несколько ящиков, чемоданы. **Рыжий**, приткнувшись на каких-то ящиках, работает с компьютером-планшетом. Входит **Василиса**.*

Василиса. Колокол я велела хорошо упаковать – и в Москву по железной дороге. А пусть: приспособим на даче в Барвихе... Сейчас двенадцать двадцать... Мы должны освободить помещение к семнадцати. К полуночи японцы собираются и вовсе отчалить... Смотри, а рояль как завис со вчерашнего дня, так и висит – Triumph Das Willens по-российски: кран не могут починить... Там на причале «Газель» из музучилища: вчера весь день и сегодня опять... В этом городе... нет, не в городе – во всей этой стране... никому ни до чего нет дела: какие-то все вялые, инертные – плавают в пространстве, как утопленники! Страна утопленников... Как всё это меня бесит, бесит, бесит!

Рыжий (*погружённо занят работой с планшетом, повторяет машинально*). Бесит, бесит, бесит, бес... В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам...

Василиса. Кажется, шторм начинается. Как японцы его погонят?.. Впрочем, это уже не наше дело. Наш самолёт в половине седьмого.

Рыжий. В Париже ещё три года назад один старый эмигрант предложил мне сыграть пантомиму – беса... как бы из пушкинских «Бесов»... Ну, вот тот, что нас в поле водит, видно... Я попробовал – нет, не смог... Фактура не та.

Входит Жорж с лекарствами и стаканом воды на подносе. Василиса принимает лекарства.

Василиса. Merci, Georges.

Рыжий (*указывает на Жоржа*). Вот он такой должен быть.

Василиса. Кто?

Рыжий. Бес.

Василиса (*Жоржу*). Il faut organiser une fête – la nouvelle vie, les nouveaux horizons.

Жорж радостно кивает головой, даже беззвучно аплодирует, кланяется, уходит.

Рыжий. Никак не могу привыкнуть, что он и по-французски читает по губам...

Василиса. При чём здесь бесы?

Рыжий. Не знаю. Вспомнилось... Не сыграл.

Василиса. И что? Нет... ну вот и что?

Рыжий. Ой, да теперь уже ничего. Много не сыграл, и теперь уж не сыграю.

Василиса. И что? И что? И что?

Рыжий. Всё. Успокоилась... Иди-ка лучше сюда, посмотри, как я сыграл на бирже.

Василиса (*подходит; смотрит в планшет*). Ой, ой, ой! С первого захода намыл, намыл... Талантливый человек во всём талантлив... Но всё это, Лёлик, пустяки, мелочишка на досуге... Не балуйся ты этим, не трать время. Для биржевого планктона ты теперь недостижимый «мистер Бигбэбл». Одно только присутствие твоё в нашем бизнесе поднимает его цену на сотни миллионов. Стабильность... Новые горизонты, новые возможности, новая жизнь.

Входит Гюго-Промежный.

Гюго-Промежный. Дорогие мои, что же вы меня не разбудили. Сам еле проснулся... Я сейчас впервые в жизни летал во сне. Оказывается, это легко. (*Далее монолог сопровождается соответствующей пластикой движений.*) Даже от земли не надо отталкиваться. И не надо понимать, почему летишь. Важно, что ты умеешь летать – и летишь. Этот полёт – не как у птиц. Это как у людей. Просто меняешь

положение тела в воздухе. Иногда останавливаешься и спокойно смотришь вниз. Наверное, так дельфин в воде передвигается. Толчками. И останавливается... У тебя, Лёлик, рыбки в аквариуме были когда-нибудь? У меня в детстве были – золотые рыбки...

Василиса. Проводил? Уехали?

Гюго-Промежный. Всё, Вася, всё! Ночь в порту: труппа, реквизит – всё! Пароход «Кейсуке-Мару». Уплыли! «Как провожают пароходы... Совсем не так, как поезда» – вспомнил, Лёлик, твою пантомиму...Завтра уже будут на месте, тут близко... А мой самолёт в 19:40. Проводил здесь, встречу там...

Василиса. Если, конечно, всем нам погода не помешает. Какой-то ледяной ветер задул. Похоже, шторм начинается... Во всех случаях надо собираться и мотать отсюда. Японцы уже хозяйничают внизу, в машине. Ждут своего капитана.

Жорж выносит на большом подносе какие-то бутылки, посуду.

Василиса (Жоржу). Merci, George. Peut-tu faire un café et un sandwich pour Victor. Il meurt de faim.

Жорж согласно кивает головой, кланяется, уходит.

Я сказала, чтобы он срочно сделал вам кофе и бутерброды – а то вы уже летаете от голода.

Рыжий (в пространство). Господи боже мой! И опять ничего, ничего не поняла.

Гюго-Промежный (*Рыжему*). Кейфуешь в бизнесе? Завидую. И воображаю твои чувства. А сам – воображаешь, что тебя ждёт? Полёт в будущее.

Рыжий. Дурак ты, Промежный. И начинен пошлостями... Полёт... ага... лечу – и вот-вот шмякнусь...

Раздаются знакомые позывные и всё тот же женский голос: «Уважаемые господа! Предпо... предпо... предпо... предпо... предпо...» – постепенно затихая, смолкает.

Василиса. Как же она надоела.

Гюго-Промежный (*Рыжему*). Сердишься? А как я мог ещё поступить? Если бы ты сказал «нет», я бы никогда...

Рыжий. Господи, да заткнись же! При чём здесь ты? Вообще, при чём здесь ты? Гюго-Промежный, тебя здесь нету! Думай лучше о женщинах... или о мотоциклах.

Василиса (*Рыжему*). В последние дни ты ни с кем не можешь нормально разговаривать.

Рыжий. Я болею, Вася. Здесь болит. (*Показывает на грудь.*)

Василиса. Это от перемены погоды.

Гюго-Промежный. Да, кстати... Этот Скорик там на причале всё-таки завёл свой драндулет и собирается ехать в Находку...

Из своей каюты выходит Круглова.

Круглова (*протягивает Рыжему телефон*). Не оставляй свой телефон: опять Ной звонил из психушки. И снова быстро разъединили.

Рыжий. И что он сказал?

Круглова. Он не говорил, он пел.

Рыжий. Хотел, чтобы мы вместе спели... а я – увы!

Круглова. Кыс-кыс-кыс... Кошку не видели? Кошка где-то потерялась... (*Некоторое время все ищут кошку, но её нет.*) Я без кошки никуда не поеду. Ни-ку-да... Вот здесь сяду и буду ждать, когда появится. (*Садится в сторонке.*)

Василиса. Твоему Ною надо лечиться. Он ещё может быть нормальным членом общества.

Рыжий. Нормальным? Оглянись вокруг: кто здесь нормальный? Гюго, что ли? Свихнувшийся нимфоман... Уже семья, ребёнок – а всё равно... Разве что укол ему в задницу всадить, чтобы угомонился? Может, ты, Вася, нормальная? Ты же маньяк, одержима навязчивой идеей... Не деньги тебе нужны... сколько-то денег, это нормально... Тебе же власть нужна! Первый миллион... сотый... и дальше, дальше, дальше: власть, власть!.. Упущенная выгода – упущенная власть... Бес тебя в поле водит, видно... И что вам бедняга Ной?.. Святой мученик: одни мерзавцы убили дочь, другие – ограбили, третьи упекли в психушку... четвёртый даже к телефону не подходит,

чтобы спеть с ним... Но он не озлобился. Он просто ушёл, сбежал от нас и живёт в своём мире с любовью и надеждой.

Василиса. О нет. Не надейся. Всё, всё! Ни в какие полемики я с тобой больше не вступаю... Хочешь, валокордину накапаю?

Рыжий. И опять мимо.

Жорж входит с подносом, на котором очередная порция посуды, бутерброды и ещё какая-то снедь. Расставив всё это, уходит.

Василиса. Дети мои, цирк уехал, мы уезжаем... кошка найдётся, – я предлагаю устроить небольшую отвальную...

Гюго-Промежный. Мерси. Выпить очень кстати. Правда, холодно стало. Хорошо, что зверюшек я ещё два дня назад в Москву отправил спецвагоном, а то замёрзли бы. Зверюшки, увы, – невыездные: у японцев разные ветеринарные барьеры, карантинны. Дрессировщик Заплечный уверяет, что когда он общил королевским питонам, что они не едут, у них сделались такие обиженные лица...

Входит Скорик. Он в облачении мотоциклиста: шлем, куртка, сапоги, краги, на груди очки наготове.

Василиса (Скорику). Очень кстати. Просим, просим. Разоблачайтесь – и к столу.

Скорик (*жестом отказывается; Гюго-Промежному*). Можно тебя на минутку?

Гюго-Промежный (*подходит*). Что ещё?

Скорик. Ты говорил, в интернете её нашёл. Я поискал – ничего... Включи смартфон, найди.

Гюго-Промежный. С ума, что ли, спятил? Видишь, здесь небольшой сабантуй.

Скорик. Я тебе сейчас такой сабантуй устрою, мало не покажется. Включай!

Гюго-Промежный. Хорошо, хорошо... Отойдём немного... Так... Как же это называлось?.. Ага... Так... Но она уже могла уйти с рынка – девичий век недолог.

Скорик. Ищи, говорят!

Гюго-Промежный. Если это она, что будешь делать?

Скорик. Ищи молча.

Василиса. Лёлик, разливай пока. Нина, придвигайтесь поближе.

Гюго-Промежный. О! Есть! Хороша...ну до чего хороша! Я бы и теперь не прочь... (*Показывает Скорику.*)

Скорик (*отворачивается*). Глаза зелёные?

Гюго-Промежный. Боишься, что ли, посмотреть?

Скорик. Покажи. Нет, не она.

Гюго-Промежный. Ну извини.

Скорик. Ничего... Всё равно поеду. Мало ли что бывает. Это место почему-то называется Находка?.. Карбюратор куплю для Чарлика. *(Уходит.)*

Василиса. Прошу к столу... *(Указывая в сторону, куда ушёл Скорик).* Ну вот находит он её, – и сколько же ей лет теперь?

Гюго-Промежный. Нет, Вася, женщины, которых мы любили, не стареют. Они навсегда остаются в том возрасте, в каком мы их оставили. Или они оставили нас.

Входит Ясная в кителе с погонами младшего лейтенанта полиции.

Вот, пожалуйста, Вероника Ясная, собою Прекрасная, очень кстати... *(Идёт ей навстречу, раскинув руки для объятий.)*

Ясная *(устраняясь от объятий).* Надо же, помнишь, как меня зовут... *(Громко.)* Вот, попрощаться зашла.

Рыжий *(Ясной).* Ну что, упекла несчастного узбека?

Ясная. Он хорошо заплатил начальству, и его отпустили.

Василиса. Великий Салтыков-Щедрин говорил. «У нас в России только взятка уничтожает преграды и делает сердце чиновника доступным для обывательских невзгод».

Гюго-Промежный. А вы даёте взятки?

Василиса. Миллионные. Без этого в России бизнес не делается.

У Рыжего звонит телефон, он отвечает: «Слушаю»... и вдруг раздражается громким безудержным хохотом. Хохоchet долго – так, что слова вымолвить не может.

Василиса (встревоженно). Лёлик... Лёлик... выпей чего-нибудь.

Рыжий (сквозь безудержный смех). Ной Дионисиди... сбежал... из больницы... оставил записку... извините, друзья, тороплюсь... на пароход в Находку... Извините, друзья... тороплюсь на пароход... (Отсмеявшись, он остаётся сидеть за столом, положив голову на руки. И непонятно, продолжает ли он тихо смеяться... или плачет.)

Василиса. Чего смешного? Надеюсь, он явится сюда, когда нас уже не будет.. Пусть, пусть порадует японцев.

Гюго-Промежный. А он знает, что все деньги за пароход вы благородно положили на его имя?

Василиса. Ему скажут... давайте-ка разливайте. Виски «Сантори». Япония.

Ясная. Простите, мы сейчас. *(Под руку отводит Круглову в сторону.)*

Василиса. Нет, ну что такое: то один, то другая... Всё, никого не ждём. Виктор, ваши бутерброды... Ваше здоровье!

Круглова. Ну, что, подруга, как ты там? Как там наш красавец-начальник?

Ясная. Да как всегда. Мразь и есть мразь.

Круглова. Да? А как всегда?

Ясная. А то не знаешь... Вызывает к себе в кабинет, закрывает дверь на ключ и расстёгивает ширинку...

Круглова *(смущена)*. Да нет, у нас были какие-то другие отношения.

Ясная. Ой, да что ты мне гонишь: всё то же самое. Только тебе мужики ещё какие-то слова про любовь впаривают. А мне – почему-то все так, напрямую... Вот ты мне скажи, почему так: вроде у нас с тобой всё одинаковое, а всё по-разному получается... Мы с тобой сколько лет знакомы, учились вместе... Ты студенткой и хиповала, и панковала, тебя и выгоняли отовсюду, а обратно принимали только за

акробатику, потому, что мы в сборную входили... Но вот мы отучились, и тебя папик-начальник прямо на руках вносит в отдел полиции, через год звание даёт... А я – иди, куда хочешь... хорошо, Гюго-Промежный к нам в команду пришёл, партнёршу искал...

Круглова. Может, тебе пока не повезло – не полюбила? Какие наши годы, ещё полюбишь...

Ясная. Да врёте вы всё... Любовь... морковь... нету ничего этого... спроси вон у секс-Тренера, он профессионал, знает, что к чему... Всё, заявление подала, увольняюсь. Поеду домой, в деревню... Отчим сдох... Какая-никакая земля в деревне... Выйду замуж за какого-нибудь водилу, какой пьёт поменьше, построим дом, заведём детей, разведём скотину. Не хочу быть современной женщиной... Может, грудь побольше вырастет... Твой китель – куда потом прислать?

Василиса. Что вы там секретничаете? Что там у вас на плечах... милый младший лейтенант?

Ясная. Авансом разрешили носить. Звание полагается только через год безупречной службы.

Василиса. Ну а Мудрика-то этого нашли, наконец?

Гюго-Промежный. Весь город знает, а вы – нет. Неделю назад нашли убитым в публичном доме – есть тут такой для избранных – на острове Узкий. Он там долго оттягивался, пачку денег пропивал...

Василиса. Ну, давайте, давайте как-то в кучку собираться... Лёлик, проснись.

Гюго-Промежный. Итак, у всех налито?.. Мы, друзья, сегодня сходим с этого парохода, расстаёмся. Но каждый из нас всё равно в пути. И у каждого свой пункт назначения... и своё предполагаемое время прибытия. Так выпьем, чтобы каждый прибыл в свою точку как раз тогда, когда его там хотят видеть и ждут.

Василиса. Bravo! Вы, дорогой Виктор, не только замечательный артист, вы ещё и поэт.

Круглова (*подходит к Гюго-Промежному, по щекам текут слёзы: она на что-то решилась.*) Витя, возьми меня в свою репризу.

Гюго-Промежный. Да ладно... Всерьёз, что ли? Ты же с ними едешь... Поссорились?

Круглова. Возьми. У меня и виза японская заблаговременно оформлена.

Гюго-Промежный. (*Рыжему.*) Что это она? Ты-то что молчишь?..

Рыжий. Самому интересно. Слушаю...

Круглова. Да вот вчера ещё... кошка куда-то... нет... я вдруг поняла. Всё кончено. Сегодня мы с тобой расстанемся – и всё... Господи, при чём тут кошка какая-то...

Рыжий. Может, ты хочешь что-то мне одному?

Круглова. Почему одному? Боюсь, одному не смогу... Да все всё знают... Вот я побыла немного

счастливой... Молчи, пожалуйста, молчи, а то я не смогу... Ты меня любишь... мы едем вместе. Ты только поэтому и согласился, что я тоже еду с вами... Ах, ах, в семью миллионеров, прости, миллиардеров, ну какая девчонка откажется! Да я уж, милый, и готова была, жалкое барахлишко своё собирать начала... Маме в степной наш город позвонила: в Москву переезжаю. Про Лондон не сказала, а то от страха подумает, что я... незнамо что подумает... Спрашивает, это тебе как Мисс Полиции? Ну да, говорю... Говорю, говорю с ней, а сама реву и реву. Она спрашивает, ревьешь-то чего? Я говорю, у меня насморк... Вот и теперь... Возвращение блудного сына...

Гюго-Промежный. *(Наливает виски в стакан, протягивает Кругловой.)* Остановись. Выпей.

Круглова. *(Отводит руку со стаканом.)* Не надо... Блудный сын сказал, что вернется, если разрешат взять любимую игрушку... А я? Кем я там буду? Девушка с веслом в саду барвихинской дачи?.. Или в палисаднике лондонского дома? Палисадник-то есть там? Но я, Лёлик, не хочу быть игрушкой, даже любимой. Знаешь, если бы месяца три назад, я в такой ситуации, может, ни о чём не стала бы задумываться. Но эти три месяца с тобой... *(Гюго-Промежному, который всё пытается протянуть ей стакан.)* Я не хочу... Хочу быть совсем трезвой. *(Рыжему.)* Ты, любимый мой, развратил меня... Да нет, я не секс имею в виду. Ты развратил меня своим искусством. Я стала другой. Слово, музыка, пластика жеста – вот три божественных чуда, – я правильно запомнила? Теперь это моя религия... Ты развратил меня ни с чем не сравнимым восторгом, который ты

сам называешь: «упоение пластикой своего тела». Всё!.. Ты что-то такое вдохнул в моё тело, и теперь оно – сильнее меня, оно знает больше меня, оно хочет больше меня. Понимаешь? Больше моего разума... *(пауза)* Ладно... Предположим, я от всего этого откажусь... Ради любви и не от такого отказываются... А я тебя, похоже, действительно люблю... Кажется, что люблю... Но ты-то сам от себя способен отказаться?.. Сильно, сильно сомневаюсь... Ты не Марсель Марсо – ты клоун Лёлик Рыжий. И ты это знаешь... Вот и получится семейка, не дай Бог: глубоко несчастная, от себя отказавшаяся жена глубоко несчастного, от себя отказавшегося мужа... И начнутся разборки. В дом, где смеются, приходит счастье.... Нет, мы смеяться не будем. Мы будем всё срывать друг на друге... проклянёшь любые миллионы... Не знаю, я не могу...

Довольно долго все молчат.

Василиса *(спокойно и даже с видимым удовлетворением)*. Очень, очень жалко... Всё правильно сказала... какая умница... но тем более жалко.

Гюго-Промежный *(Рыжему)*. Ну что ты молчишь?

Рыжий. Спасибо, подруга. Все последние дни я это чувствовал... я сам... я ждал чего-то такого... Спасибо: ныне отпускаеши.

Круглова. Знаешь, если ты когда-нибудь снова сбежишь, может, мы и будем вместе. Но не теперь.

Гюго - Промежный (*Василисе*) Да я что, только скажите... Я видел, как они вдвоём работают. Скажу честно, мне до этого далеко. Я – ремесленник, я знаю своё ремесло, за это мне деньги платят – и всё... (*Рыжему.*) Я, Лёлик, если бы не Япония, никогда бы от тебя не отказался. Ты с юности мой лучший друг, а мы друзей не предаём... Что-то не то говорю...

Рыжий (*смеётся*). Прошу извинить, друзья: опаздываю... пароход в Находку... В цирке такое правило: никогда не садись спиной к манежу... Вот сел спиной – и всё, уже не клоун... (*Нине.*) Я тебя люблю... Как ты сказала: если сбегу... отличная мысль... и я, кажется, знаю, когда и куда бежать. (*Пьёт из стакана.*) Хороший виски... хорошие виски... виски – какого рода?

Круглова. (*По очереди к каждому.*) Что-то я не так сказала... да? Что-то не так... да? Без кошки я всё равно не поехала бы. Извините. (*Уходит к себе в каюту.*)

Рыжий. Отличная мысль, пойдём, Жорж, оторвёмся на чайках... пух-пух... Чайки стонут перед бурей, стонут, мечутся над морем... Я буду метаться по табору улицы тёмной... Поздно, поздненько метаться... Выстрел – чайка, выстрел – чайка... Жорж – чемпион Франции... Марсель Марсо – великий мим... А я – мистер Бигбэбл... Сел спиной к манежу – всё в жизни видишь иначе. Не лучше, не хуже – иначе... спиной.

Рыжий и Жорж уходят.

Ясная (*вдруг бросается к Василисе*). Послушайте, я даже не знаю, как вас зовут...

Василиса. Меня зовут Василиса Савельевна.

Ясная. Василиса Савельевна, ради Бога, возьмите меня к себе. Пожалуйста... Я буду верой и правдой служить. Кем угодно, где угодно... Возьмите, не пожалееете...

Василиса. Хорошенькая. Что, милая, настрада-лась? Да, мне про тебя рассказывали... морская русалочка...Куда же я тебя возьму-то? А что, это мысль... иди собирайся, поедешь с нами.

Ясная. Сейчас прямо?

Василиса. Сейчас прямо.

Ясная *(близко к слезам, хочет упасть на колени).*
Василиса Савельевна...

Василиса. Иди, иди, а то передумаю.

Ясная уходит.

Гюго-Промежный. Потрясён.

Василиса. Чем же?

Гюго-Промежный. Щедростью. Широтой души.

Василиса. Не преувеличивайте. Ничего кроме трезвого расчёта. Думаю, она мне пригодится... Всё. Пошла собираться.

ЭПИЛОГ

ТОРЖЕСТВО КЛОУНАДЫ

Четыре двойных удара колокола.

Гюго-Промежный. Минутку... По последней – и расстаёмся...

Василиса. Что-нибудь важное?

Гюго-Промежный. Очень важное... А тогда, на открытии вашей галереи, я тоже был с Лёликом.

Василиса. Ну и что? Я вас здесь с первого взгляда узнала...

Гюго-Промежный. А я вот нет, не узнал.

Василиса. И вашу беременную партнёршу помню. Родила благополучно?

*В течение всего последующего монолога **Гюго-Промежного** слышны крики чаек и выстрелы, и только в конце монолога наступает тишина.*

Гюго-Промежный. Нет, я не об этом... Совсем другое... Может, для вас это будет важно... В детстве я, как первый раз побывал в цирке, так сразу заявил, что буду клоуном. Играл в клоуна, лицо мазал белыми, представления давал – и во дворе, и в школе... А вы покажите мне такого родителя, который хотел бы, чтобы его ребёнок стал клоуном. Нет

такого... деньги, прочное положение... что угодно, только не клоун... И вот однажды, лет десять мне было, цирк что ли к нам приехал... Отец не разрешил, а я всё равно удрал... Олег Попов, солнечный клоун – восторг!.. Отец, как обычно пьяный, за ужином... он был начальник... такой, районного масштаба... вот он подозвал меня, поставил перед собой... вот так, больно зажал меж коленями и медленно, с расстановкой, дыша водкой в лицо, сказал: «Запомни, кретин: цирк не производит ни материальных, ни духовных ценностей. В средние века скоморохов казнили. И правильно. Одобрю... А тебя я накажу». И он взял мой аквариум с рыбками – и выплеснул в выгребную яму. И я смотрел, как мои золотые рыбки бьются в говне... Я тогда даже не заплакал, хотя близко подступило... Нет, не заплакал, но подумал, что уж теперь-то точно буду клоуном.

Василиса. Очень трогательно. А теперь что бы вы отцу ответили?

Гюго-Промежный. Да он допился и помер ещё до того, как я школу окончил.

Василиса. И всё-таки что бы вы сказали?

Гюго-Промежный. Теперь я бы сказал... Я сказал бы, что скоморохов казнили за то же, за что и Христа распяли: все слабости, все грехи рода человеческого мы берём на себя. И заставляем смеяться над слабостью, но и жалеть слабого, плакать над его судьбой. Плакать и любить. Любить и плакать. Лёлик говорит: цирк – самая верная эстетическая модель человечества. И такие артисты, как он, Лёлик

Рыжий, ближе других... *(Не может найти слово.)* К чему? К чему ближе?.. Не силён я в слове... Ладно, пойду с другом попрощаюсь. *(Уходит туда, откуда слышны были выстрелы и крики чаек.)*

Василиса *(по телефону)*. Алло... Мы прилетаем поздно... Да, четверо... Нет, нет... *(Смеётся.)* Увы, нет – отказалась... Впрочем, кажется, тут же замена нашлась. Время покажет... Да... да... да... Поздравления принимаю: да, согласна, триумф воли... Нет, в Москву не заедем, сразу дальше. *(С напором.)* Мимо утопленников – дальше, дальше, дальше... Прости, мне пора собираться. *(Уходит в свою каюту.)*

Быстро входит Гюго-Промежный. Он растерян. Бросается к каюте Василисы, но перед самой дверью останавливается. Медленно подходит к каюте Кругловой. Стучит в дверь.

Гюго-Промежный. Лёлик Рыжий... там на палубе только что застрелился.

Входит Жорж. Убирает оружие в кобуру. Он спокоен. Уходит в каюту Василисы.

Дверь каюты Кругловой открывается.

Круглова *(выходит из каюты.)* Ксс, ксс, ксс... Кошку не видели? Кошка потерялась... Я без кошки никуда не поеду.

Затемнение.

Но прежде, чем зажгут свет в зале, знакомые позывные и объявление... но не женский голос, а мужской, тёплый, может быть, слегка дрожащий от волнения голос Ноя Дионисиди: «Дорогие друзья, предполагаемое время прибытия нашего теплохода в порт Находка»... (постепенно нарастающая, но в конце оглушительная цирковая музыка, крики клоунов, звуки циркового представления, смех публики в цирке).

Занавес.

2007 – 2018

В ОЖИДАНИИ ЗВОНКА

В двух действиях

Памяти Натальи Экслер

Действующие лица:

Она

Он

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная комната в большой московской квартире. Видна также часть коридора с дверями в кухню и ванную... Из кухни раздаётся щебет попугая, – впрочем, иногда он переходит на человеческую речь и довольно внятно произносит слова... Широкое окно в комнате плотно занавешено тяжёлыми шторами. Возле одной из стен – огромный старинный буфет, наполовину накрытый белой простыней. На другой стене – «шведская стенка», под ней на полу небольшая тяжелоатлетическая штанга (по ходу пьесы **Он** обращается и к одному, и к другому снаряду – это никак не обозначено в тексте, но целиком зависит от режиссёрского решения). В комнате изрядный беспорядок, какой бывает во время ремонта. Под потолком горит лампочка без абажура. Снятый абажур лежит на столе. На тахте под шубой, укрывшись с головой, спит **Она**. Входит **Он** – с небольшим рюкзаком за спиной. Подходит к окну и, чуть отодвинув штору, словно не желая, чтобы его увидели снаружи, некоторое время что-то разглядывает внизу на улице. Отойдя от окна, снимает рюкзак, опускает на стул. Чуть помедлив в раздумье, снова быстро подходит к окну и быстрым, широким движением раздвигает шторы. Комнату заливают закатное солнце.

Он (*подходит к тахте, поёт*). Спят усталые игрушки, книжки спят... Ау! Просыпайся, подруга. За окном уже вечер, закат. Солнце густое, тени глубокие... Откуда это? Солнце густое, тени глубокие... Бродский?.. Та-та-та-та-та Та-та-та-та-тата... Нет, не помню... Ну, просыпайся... Всё, всё, вставай. Ночью опять бродить будешь? Просыпайся, просыпайся, просыпайся... Солнце густое, тени глубокие...

Она (*садится на тахте, подносит палец к губам*). Тсс!

Он. Так, здрасьте-приехали. Ну что ты смотришь?.. Встать пора. Светло, а ты свет всюду включила – и спишь... (*Выключает лампочку.*) С утра, что ли, не вставала?.. Молчишь... Ну, молчи, молчи. Ну что, что, что – что ты уставилась? На всё наплевать, да? Свет всюду горит – и спит. В коридоре горит, на кухне плита включена... в ванной горит... Ну что, что?

Она. Тсс... Тишина была... хорошо... потом шаги по лестнице – топ, топ... дверь грохнула, одна, вторая... рюкзак – хрясь! – с размаху... в буфете вон стёкла задребезжали... И заговорил, заговорил, заговорил...

Он. Ну вот я выключил – темнее стало? Ну что ты сидишь?

Она. Жду, когда будет тихо... Ужинать будешь?

Он. В чём я не прав? Скажи, в чём я не прав? Жаркий, душный день – у тебя всё закрыто, законопачено... Дышать нечем.

*Направляется к окну, но **Она** быстро и решительно встаёт на пути.*

Она. Не смей открывать окно.

Он *(после короткой паузы)*. Хорошо, хорошо... *(Уже не так уверенно.)* Но ты посчитай, сколько лампочек горело и плита на кухне.

Она. На лампочках не сэкономишь. Не нужно было второго ребёнка рожать, я говорила. Но ты добренький – на словах, конечно... Пусть будут дети, много детей, праздник, музыка, смех ... Счастливая семья... Нарисовал, готово.... У тебя курить нечего?

Он. Неделя, как не курю, бросил... Ничего не замечаешь... С тобой что-то происходит в последние дни, да?.. На щеке... что это? Плакала, что ли? Что-нибудь случилось?

Она. Да нет же, всё как обычно. Ты пришёл, начал скандалить.

Он. Ну, не знаю... Мы по уши в долгах... а ты – за день сколько нажгла?

Она. Посчитай... включи всюду – и посчитай... Ответь, наконец, ужинать будешь или где-то поел? В рюкзаке книги, что ли?

Он. Нет, подожди... Давай, в конце концов, расставим точки над *i*.

Она. О господи. Начинается. Села, расставляй.

Он. Смотри... Иду домой в прекрасном настроении, так? Сердце радуется... Солнце густое, тени глубокие... Перехожу через площадь, подхожу к нашему дому, поднимаю глаза: по всем этажам – окна распахнуты, лето, солнце, жара. У соседа сверху музыка гремит... и только второй этаж, четыре наши окна – всё закрыто, занавешено, зашторено... окна пыльные, давно не мытые... Глухо! Как будто никто не живёт. Прихожу домой – ты спишь, портьеры задёрнуты, свет горит... Это хорошо? Скажи, в чём я не прав?

Она. Всё? Кончил? Выплеснул? Можно встать и отряхнуться?

Он. Всё вроде.

Она. Слышишь? Попугай на кухне повторяет: «В чём не прав... В чём не прав...» Пойди, объясни ему, в чём он не прав. А заодно помой посуду: горячую воду так и не дали... я что-то мёрзну... *(Дотрагивается до его руки.)* Видишь, руки ледяные...

Он *(ловит её руку, целует).* О, я знаю, как согреться... Внимание, сюрприз. Закрой глаза. *(Поёт матчиш, из бокового кармана достаёт бутылку)* Двинн.. двинн... двинн – призывный звон колокола. Коньяк «Двин» – твой любимый... Сгусток солнца в бутылке... Помнишь, Двин – столица древней Армении... Пожалуйста, улыбнись.

Она. О господи... Пойду согрею воды и хоть чашки помою.

Он (*преграждает дорогу*). Ну? Армянский посёлок Двин... в соседнем дворе босые девушки ногами давят виноград. Каждый день давят и давят. Подолы подоткнули... Смотреть на это, ой, заводно... А у нас медовый месяц, из постели не вылезали, днём еле ноги таскали...

Она. И каждый год в этот день я слышу одно и то же. Каждый год, каждый год. И что дальше?

Он (*откуда-то достаёт и протягивает ей одну красную розу*). А то, что сегодня ровно десять лет, как мы вместе...

Она. Надо же!

Он. Десять лет – это, конечно, ещё не золотая свадьба, не серебряная... какая?

Она. Деревянная. Ты же деревянный чурбан бесчувственный.

Он. Пусть. Давай двинем хорошенько... и окончательно помиримся.

Она. А кто ссорился? Это ты пришёл и начал скандалить...

Он. Всё, всё, всё... А потрогать тебя можно?

Она. Да пошёл ты... Я, если хочешь знать, давно жду тебя. Потолок белить хотели, обои нарезаны, стена газетами оклеена... Детей у матери неделю держим... Я уж сама буфет занавешивать полезла, чуть не загремела оттуда... Думаю, придёт...

Он (*перебивает*). Правильно: придёт и изменит жизнь к лучшему.

Она. Демагог проклятый, как же я устала от тебя. Коньяк на какие шиши?

Он (*достаёт из рюкзака и кладёт на стол одну за другой несколько книг*). Пока ты спишь, я нашёл работу. Вот: книги, книги, ещё книги! Книги мы больше не пишем, не читаем – мы книги пе-ре-пле-таем. За хорошие деньги.

Она. Ну да, слышали мы эту песню.

Он (*берёт в руки фолиант*). Смотри, какой красавец! Сюда пойдёт тиснёная кожа под старину... что-то старовечерское, что ли... реставрация, по сути... возьму не меньше сотни, да... Ну, это вообще мура, обычный переплёт, корешок можно оставить... час работы... десятка... нет, всё-таки пятнадцать... Прикинь, подруга, я становлюсь модным переплётчиком. Бизнес разворачивается... (*Этически.*) Через десять лет совместной жизни они, наконец, разбогатели.

Она (*берёт в руки книгу, открывает, читает*). «Мир искусства» год тысяча восемьсот девяносто восьмой. (*Кладёт книгу обратно на стол.*) Не хочу... противно... Догадываюсь, где и с кем ты ужинал. По запаху.

Он. Ремонт нужен – хотя бы в этой комнате. Здесь буду принимать клиентуру: я сижу, они приносят книги: будьте добры... Не мальчик же я – по Москве бегать, верно? Они должны понимать, кто им книги переплетает. Имя – не хухры-мухры.

Она. Имя, вымя, пламя, знамя.

Он. Не надо. Я был королём репортажа.

Она. Забудь...

Он (*с расстановкой*). Я... был... королём... репортажа. Вся страна читала. Вон редакция через площадь. Сейчас шёл мимо, встречные до сих пор здороваются.

Она. Забудь, забудь.. Ты переплётчик по имени: «Как его там, ну, этот?». И всё.

Он. Ну не опускай, не только же переплётчик. Я же ещё...

Она (*перебивает*). А я хочу, чтобы никакого ещё... Ни-ка-ко-го. Переплётчик – это хорошо. На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, теперь переплётчик, сапожник, портной... кто ты будешь такой?.. Всё хорошо. Только красивые планы не надо строить. Есть книги – переплетай, заплатят – хорошо... А то бизнес, клиентура... Жизнь к лучшему... И понёс, и понёс...

Он. Да ладно тебе. У нас юбилей, а потом...

Она (*перебивает*). Перестань паясничать. Какой юбилей в нашем положении... Книги убери со стола. Помою чашки, и будем чай пить. Я с утра ничего не ела... Потом... ненавижу слово потом. (*Уходит на кухню*).

Он (в некоторой растерянности). Увы, многоуважаемый буфет, праздник как-то не получается. (Далее достаточно громко, чтобы **Она** слышала.) Гостей надо пригласить – вот что! Завтра заканчиваем ремонт и приглашаем всю редакцию. Слышишь? У нас юбилей. Соберёмся, как прежде бывало. Люди говорили: «У вас в семье особая атмосфера душевного тепла и благополучия». Буфет, абажур, электрический самовар, гитара... И тост был «Многоуважаемый буфет...»

Она (возвращается с подносом, на котором чайные чашки, сахарница, тарелка с бутербродами). Что за привычка кричать через всю квартиру. Шумит вода, попугай разговаривает... и ты что-то здесь кричишь. Сумасшедший дом. Включи самовар... (Достаёт из буфета два коньячных бокала, разглядывает на просвет.) Скоро в доме пить не из чего будет: последние два. (Снова уходит на кухню.)

Он (опять громко). Я говорю, закончим ремонт, и пусть к нам придут друзья... Кстати, Севочка Лисичка давно напрашивается... А гитару на антресоли, что ли, забросила? Забыл, когда гитару в руки брал.

Она (входит). Не кричи, – не глухая, всё слышу. Много раз сказано: Севочку приведёшь, когда я подожду. Понятно? Сам ведь знаешь: твой Севочка – подонок, стукач... Хватит, что ты принёс его отвратительный запах... Только в дом вошёл, я сразу почувствовала...

Он (смеётся). Да уж, одеколончик модный... Он меня с сумками до редакции подбросил... Пойти переодеться, что ли?

Она. Да ладно, сиди... вроде уже выветрилось.

Он. Ох, кажется, ты отошла немного, да? Когда человек ставит рюмки на стол, он не может быть злым – по определению... По рюмашке «Двина» – и вперёд, в новую жизнь. Ремонт заканчиваем... звоним друзьям... *(Поднимает рюмку)*. Многоуважаемый буфет, позвольте мне...

Она. У нас телефон отключили! *(Как бы проверяя, берёт телефонную трубку, но убеждается, что телефон до сих пор не работает. Кладёт трубку. Пытается поймать моль.)* Моли в доме развелось...

Он *(опускает рюмку на стол, явно испуган)*. Когда отключили? Как? Ты с кем-нибудь разговаривала? Ты разговаривала – и отключили? Кто звонил? Вспомни, о чём разговор был? На каком слове отключили? Когда ты узнала, что отключили?.. Где моя рукопись? Ты рукопись убирала?

Она. Вот-вот, я сначала тоже испугалась...

Он. Но ты же понимаешь, что значит – отключили телефон. Телефон отключают перед обыском или перед арестом... Где рукопись книги?

Она. И у меня тоже сердце упало. А что? Что делают в этом случае? Что надо делать?.. Но нет, слава богу, – это не то. Это мама звонила, а я трубку на кухне не положила – забыла. Зачем-то пришла сюда, а на кухне трубку оставила. Станция отключила – так бывает. Мама потом приходила, обещала позвониться в бюро ремонта. Пока не включили.

Он. Ты сама понимаешь, что лопочешь? Забыла... Как можно забыть? Ну, как можно забыть выключить свет, забыть выключить плиту, забыть телефонную трубку? Как? Как?! Ты какой-то враг в доме. Два года ты палец о палец не ударила, чтобы... Забыла... Пойми, всё это плохо кончится: мы и так живём на грани.

Она. Не кричи, пожалуйста, говори шёпотом... Я целый день с мигренью... Утром, только ты ушёл, явилась Дашина учительница с каким-то обследованием. Она только вошла, и у меня сразу приступ мигрени – как молотком по голове. Я её в коридоре держу, а она норовит в комнаты, в комнаты заглянуть. Я говорю: «Извините, у нас ремонт»... еле вы проводила... Вздохнула. И тут же мама... Мама, мама, мама – она сегодня два раза приходила и пять раз звонила. Если бы не отключили телефон, она ещё десять раз позвонила бы: сколько крупы класть в манную кашу, чем почистить Дашины кроссовки, как вызывают сантехника... Последний раз она позвонила и сказала, что у Танюши ангина. Я так расстроилась... Нам только этого сейчас не хватало.

Он *(берёт к уху трубку и, убедившись, что телефон не работает, кладёт обратно на базу)*. А я говорил, твоей мамочке детей отдавать нельзя – ни на неделю, ни даже на один день.

Она. Напиши про это статью в «Комсомольскую правду».

Он. Я ещё раз говорю... Скажи, в чём я не прав?

Она. Да замолчи! Что же это за наказание такое! И ты говоришь: «Давай сделаем третьего ребёнка»... Вот это видел?.. Ребёнок заболел – спроси, не нужно ли чего, пожалей её – она маленькая.

Он. Когда детей отдают в равнодушные руки...

Она. Ах, какой заголовок! Репортаж из зала суда.

Он. Нет, ты в последние дни совершенно невозможная. Это ведь не только сегодня... Вчера... ой, да не буду вспоминать, стыдно вспоминать... Шут с ним с юбилеем, но как-то надо менять образ жизни, вставать рано, делать зарядку... и ты меня прости, надо ра-бо-тать.

Она. Ну да, в тот самый наш медовый месяц в Армении ты в сельмаге купил мне гантели. Помнишь? Подарок на день рождения. Чтобы была в форме... решено, встаём пораньше, гантельную гимнастику, холодный душик – начинаем новую жизнь... Если бы ты знал, как мне отвратительна твоя телесная жизнь, твоя гимнастика, эта шведская стенка, эта штанга... И не дотрагивайся до меня... Почему же так холодно? Господи, и самовар остыл...

Он. Мы так и не выпили.

Она. Да что-то не пьётся с тобой.

Он. Ну, а я, пожалуй, не прочь... *(Наливает и выпивает.)* И всё-таки тебе надо крутиться. Смотри...

Она. Расставим точки над і.

Он. Да хоть и точки... Ушла из своей редакции, ладно. Вятские игрушки начала лепить. Хорошо. Бизнес, деньги. В Измайлове на рынке с руками оторвут... Бабы с коромыслом: такая баба, такая, вот такая... Кавалеристы: такой, такой... Живые... Купили муфельную печь, на последние деньги купили – я, между прочим, на себе приволок... Налепила, обожгли... Всех делов – раскрасить: два дня работы – и деньги в кармане... И ни-че-го. Такая картина.

Она. Ты не видишь, я больна?

Он. Да вот же я и объясняю, почему больна-то...

Она. А ты не объясняй, ты пожалей... Сядь. Просто пожалей, посочувствуй. Посиди рядом... Мы же не чужие друг другу... Помнишь? Так долго вместе прожили, что роз семейство на обшарпанных обоях сменилась целой рощею берёз, и деньги появились у обоих... А у нас ничего не сменилось: обои те же, и денег нет... За десять лет мы столько раз новую жизнь начинали – и оказались там, где оказались... Что-то рука болит, вот здесь вот.

Он. Какое же счастье дотрагиваться до тебя... ручка наша болит... Хочешь, массажик сделаю? Ты ведь любишь массажик, да?.. Вот так, вот так... Меня это всегда, ох, заводит...

Она (*отнимает руку*). Всё, не вяжись. Садись-ка лучше вот здесь... Хоть бы рассказал что-нибудь. Сделай мне подарок к свадьбе, поговори со мной. Всё-таки где-то был, с кем-то виделся.

Он. Кстати, Севочка Лисичка...

Она. Ну, ты что, не понимаешь, что Севочку к тебе специально приставили – оттуда?

Он. Да пусть. Оттуда и оттуда. Мне скрывать нечего. Какой бы он ни был, – он помогает, находит работу, рекомендует меня. Вот эти книги – из личной библиотеки директора гастронома. Да, да, того самого Гастронома номер... ну, того, что за углом... Современный Елисеев. Какое знакомство, а? Хозяин жизни.

Она. Вот! И расскажи: директор, хозяин жизни...

Он (*внезапно озабочен*). Тихо! Вот что это звучит?

Она. Да где же?

Он. Ну вот... как будто что-то включилось... Телефон? Нет... Такой звук... очень похоже, как микрофон фонит... Что за звук?

Она. Звук оборванной струны.

Он. Телефон наверняка прослушивается... Да и стены имеют уши.

Она. Ну и что? Говорят, всех слушают, всех поголовно... Интересно, и наши скандалы?

Он. Думаешь, деликатно отключаются? Всё слушают.

Она. Зачем, зачем, зачем?.. Ладно, плевать, рассказывай: директор... А хорошего мяса заказать нельзя у него? На прилавке-то всегда одни кости.

Он. Как-то неловко... если сам предложит.

Она. А что он может предложить?

Он. Да что угодно, хоть билеты в Большой театр. Хоть сапоги итальянские. Вот бутылку «Двина» снял с полки – на, возьми... Он может всё... Он в этой жизни хозяин... Идея! Вот кого надо в гости пригласить, буфет показать.

Она. А зачем ему буфет? Зачем старообрядцы, «Мир искусства» зачем? А сам он какой из себя?

Он. Да какой? Обыкновенный мужик... немолодой... на бульдога похож, щёки висят. Не улыбается, а оскаливается... Дома – музей. Что ты! Картины, мебель, фарфор... Редкие книги... Такие раритеты, мама родная! Потом посмотришь, там в сумке... Букинисты на него заточены. Не читать, нет. Как вложение денег. Нельзя же только фарфор или только картины. А золотишко там, камни – этого помногу и вовсе держать опасно...

Она. Всё-то ты знаешь, что кому опасно...

Он. А я об этом две книги написал – и не притворяйся, ты теперь тоже всё знаешь...

Она. А правда, пригласи, любопытно посмотреть: какие они, хозяйева?

Он. Будь здоров, какой мужик. Всё схвачено, связи на самом-самом верху. Севочка боится даже фамилии произносить – просто пальцем в потолок тычет.... Директор всех знает, его все знают.

Она. Во-от как люди живут. А жена? А что на жене?

Он. Жена... А чёрт её знает... Тоже скалитесь, заграничные протезы показывает... Да тебе-то что до неё? По лицу видно, что сука наглая, злая, сразу торговаться начала... Да что я, разглядывал её, что ли? Пожалуйста, пригласим – разглядишь. Лично мне – противно. Там в квартире воздух какой-то застоявшийся – от ковров, что ли... Я книги схватил, Севочку за рукав – и бегом.

Она. Кавалерист... противно ему... Поговорил бы... хозяева, говоришь?.. У них всё есть? Они-то хоть счастливы? Хоть кто-нибудь счастлив в этой стране? Нет, никого не услышал, ничего не увидел.... Всё на скаку, всё рубка лозы... Вот беда-то.

Он. Что толку тебе рассказывать? Я только рот открываю – ты сразу раздражена, мы тут же ссоримся. Если эти стены действительно нас слушают и там записывают, это какая комедия запишется! Когда-нибудь её поставят в театре. Диссиденты... неприглядное лицо отщепенцев. Обличительный документ страшной силы...

Она (*кричит*). Да помолчи, скотина!

Он (*испуган*). Ты что? Ты... не надо так... Тут же слышимость. Вокруг люди... Ты лучше выпей, выпей

глоток... Живём, как звери в клетке, – напоказ... Давай вырвемся отсюда, убежим, а? Вон из города. Навестим знаменитого писателя Бабьегородского, твою первую любовь. В оловянный юбилей это даже уместно. Нагрянем к нему на дачу в писательский рай Переделкино. Ну, пожалуйста, поехали, завтра же! Так, без звонка. Я знаю, он там сидит попой на стуле, пишет очередную нетленку. Мы ему помешаем... Потомки скажут спасибо, да он и сам будет рад... Поехали, ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, поехали... Хотя на день вырвемся из клетки... Поехали – иначе погибнем. Сама видишь, что с нами творится... Ну, или соберёмся и завтра за день всё-таки закончим этот проклятый ремонт.

Она. Поезжай, вырвись... Как это у тебя всё быстро получается: построил план, и – тяп-ляп, сделал ремонт, или – ту-ту, поехал в Переделкино.

Он. Надо куда-то поехать или что-то делать... Жарко и душно... Хотя бы окно открыть.

Она. Сядь. Пять минут можешь посидеть спокойно? Или штангу подними три раза.

Он. Да я сижу. Что дальше?

Она. Ты шёл домой, машину внизу видел? «Жигули». Белая. Они простояли целый день и теперь стоят.

Он. Ах вот оно что... Совсем забыл, что ты чокнутая... Я же запретил... *(С края, осторожно, смотрит в окно.)* Ну, стоят себе... Обычное дело: наружка...

наружное наблюдение... Вот из-за чего ты на людей бросаешься. Вообще-то эти – не к нам. Они не за нами. Я же говорил, не обращай внимания... Вот я прошёл мимо них – и мне наплевать.

Она. Так интересно же... Тебя нет, скучно, а они – вон, стоят, трудятся... Мне всё время хочется им горячего чаю вынести... Как это называется? Дело оперативной разработки? Красиво звучит... Давай и мы их будем разрабатывать: купим подзорную трубу – будем знать их в лицо.

Он. Ещё раз говорю: не подходи к окну, не показывай, что мы знаем. Не накликай беду.

Она. Мы знаем что?

Он. Когда смотришь, хотя бы свет гаси... А сейчас мы ужинаем. И выпиваем. Я бы на твоём месте всё-таки выпил... Ну, подумаешь, машина стоит, два мужика сидят... Кого-то там разрабатывают... Всё так же два мужика?

Она. Сегодня три и все новые. А машина та же. Пересменка.

Он. Хорошо, три мужика... А мы ужинаем.

Она. Три мужика и баба. Двое в машине, а двое поблизости прогуливались. Меняются... Ты бы посмотрел, что за рожи – болотные, ржавые... Здесь они хозяйева жизни. Они, а не твой директор. Придёт время, и директора разработают, и за ним придут.

Он. Ну да. Они в соседний дом, они там кого-то водят.

Она. Кого-то ждут. И человек знает, что вот его ждут... Так же перед арестом они ждали нашу подругу Регину: помнишь, мы шли к ней и проходили мимо такой машины... Так же водили Ванечку Скорбогатова... И к нам так же приедут...

Он. Приедут – ну и приедут. Что можно изменить? Ты часами торчишь у окна, а в квартире помойка. Моль всюду летает. Пыль комками лежит – в углу, в коридоре...

Она. Это не пыль, это собачья шерсть... Твоя собака – возьми мокрый веник и подмети.

Он. Кстати, где собака? Ты и собаку замучила – кормить забываешь. Бедное животное забила куда-нибудь... Чапа, ко мне! Чапочка...

Она. Собаки нет. её мама забрала.

Он. О Господи! Твоя мамочка... я же просил... детей, собаку... Я же просил, собаку не трогать, собаку не трогать... Просил или нет?

Она. Собака заболела. Она стонет во сне, и мама хочет показать её ветеринару.

Он. Твоя мама... её саму...

Она. Заткни хайло! Мы все два года живём на мамину пенсию. Твоим детям жрать было бы нечего...

Он. Прекрасно! Собаки нет, и я буду гулять по вечерам один. Спасибо за ужин. Там дождик пошёл? Прекрасно. Где мой зонтик?

Она. Где твой зонтик... Может быть, мама... Да вот же твой зонтик.

Он. Чао! Заодно посмотрю, что за болотные рожи сидят в машине.

Она. Погоди... Пойду с тобой. Я три дня не выходила... А правда, пойдём, что ли, – прогуляешь меня, как собачку... Свадебные торжества закончим сентиментальной прогулкой... Только сходи наверх к соседу, попроси сигаретку.

Он. Да ни за что!

Она. Сходи, а? Я выкурю сигаретку, и мы погуляем.

Он. Посмотри на часы.

Она. Они не ложатся раньше одиннадцати. Сходи, а?

Он. У соседа были гости, музыка играла... теперь всё стихло, неудобно беспокоить. Ты зря собираешься курить – целый день ты сидишь в ужасном воздухе, плита была включена, окна закрыты... от сигареты ещё больше голова разболится.

Она. Но у меня нет сигарет. Курить нечего.

Он. Если очень хочешь, у меня где-то была записка.

Она. Дай, пожалуйста.

Он. А мигрень?

Она. Дай, пожалуйста... *(Закуривает.)* Мне и самой надоело всё это... Я что-то плохо понимаю, как надо жить.

Он. Надо выпить рюмку, потом ещё одну, и ещё – и всё станет понятно.

Она. Конечно, ты поднял штангу или залез на стенку – и успокоился, тебе хорошо. У тебя всё есть, ты где-то ходишь, с кем-то разговариваешь... книги, люди, сигареты «Кент», небось, из «Берёзки»... А я сижу, как в сарае, – дети, стирка, уборка, плита – свихнёшься... Твоя новая рукопись под матрасом... Роскошный тайник нашёл... Рукопись, за которую тебя убьют или посадят, – под матрасом... Когда за Региной пришли, у неё детей обыскивали: специальная тетка, раздела их донага – и детей, и саму Регину... У Скоробогатова крупу на кухне рассыпали, крупу из банки – в крупе что-то искали... А ты – рукопись под матрас...

Он. Вот наша жизнь: я оделся, взял в руки зонтик, пошёл... Но ты говоришь: «Стоп!» – и я застыл... И так всегда и во всём.

Она. Регину они избили перед арестом... женщину – избили... А Скоробогатова, Ванечку Скоробогатова... просто убили в парадном – чем-то тяжёлым по голове... Я боюсь... я слабый человек, я боюсь... Я боюсь темноты, тёмных окон... шорохов на

балконе... Боюсь звонков в дверь... я вздрагиваю и смотрю в глазок и всякий раз боюсь, что пришли за тобой. Это жизнь? А когда ты уходишь с собакой, я боюсь, что ты не вернёшься... я всё время жду, жду тебя и думаю, если не вернёшься, куда они денут собаку, где её искать – а где тебя искать, я не думаю... А сны? Во сне мне говорят: всё, он убит... и я иду, тащусь или еду куда-то и жду, что вот за тем деревом, домом, поворотом я увижу тебя – то, что от тебя осталось, и знаю, что увидеть это – это конец... а просыпаюсь – и всё продолжается – ещё не конец... Регина... пара статей в эмигрантском журнале да письмо в политбюро – и три года за клевету... А тебе за твою книгу, уж, как минимум, влепят семь плюс пять, если вообще не прихлопнут в парадном или на улице... Зачем ты полез в это? Сидел бы в своей редакции... Король репортажа... Ферапонтыч хотел тебя своим замом сделать... Почему ушёл два года назад? Никто не знал, что там книга вышла. Никто тебя не увольнял, сам поторопился. Говорил, могут пострадать друзья. Теперь ты со значением заявляешь: «Мне пришлось уйти...» Рассказывай сказки – пришлось ему... Кем ты себя возомнил? Пророк!.. А Регина, умница, говорила, надо было подписаться псевдонимом... Но ты – нет. Ты пророк... Ты – пророк, а пророк не приходит под псевдонимом... За каждое слово пророк отвечает сам, и ты готов, готов отвечать... Вот только я забыла, пророку полагаются жена и дети? Жена и дети за что отвечают? Я высчитываю копейки, чтобы купить детям горсть ягод или поношенные ботиночки... Ты нами расплачиваешься... Ты не пророк, ты самовлюблённый кавалерист... Ты уже придумал сообщение: «Как передают западные корреспонденты из Москвы, здесь

арестован...» Вокруг тебя сияние... ты говоришь стихами... А как же я? А дети?

Он. Ну что ты, миленькая, ну что ты, родненькая, ну не надо, остановись, успокойся, пожалуйста...

Она. Я тебе тысячу раз говорила, не лезь, не успокаивай меня. Не дотрагивайся до меня. Если бы я могла, я была бы спокойна и без твоих идиотских наставлений... Мы оторвались от той, знакомой нам жизни, а другой не оказалось.

Он. Ты пойми, псевдоним – бессмысленно: вычислить автора – пара пустяков... Мы же с тобой много раз обсуждали. Что опять?

Она. Я знаю... обсуждали... Дай ещё сигарету... Какая ясность, логика, талант. Как всё раскрыл, обнажил, предъявил. Показал преступления власти... А мы?.. Нам жить под этой властью. Детей растить. Ты можешь что-то изменить? Кому чего ты доказал?.. Ребята приходили, выпивали, восхищались... «Многоуважаемый буфет» написал нечто гениальное... Ну, повосхищались, пообсуждали, сколько тебе влепят – и всё, не ходят. Всего-то через площадь перейти... но нет, предпочитают держаться подальше.

Он. Ну не надо, дружок. Всё будет хорошо.

Она. Дай же сигарету... Будет? Ничего не будет. Чего ждать? Как-то будущего не стало.

Он. Ну зачем ты так? Мои книги – это ваше будущее. Пойми, если меня посадят, там, за границей, это привлечёт внимание к моей книге... Вы будете

хорошо жить, будете прекрасно обеспечены – ведь есть же каналы помощи, приходят посылки, люди оттуда приезжают... Ведь можно же...

Она. Как ты можешь высчитывать? Не думай, что нам будет хорошо. Ты не имеешь права так думать. Мы подождем, и ты идёшь на это. Каждый человек, который решается идти против власти, должен понять, что он жертвует семьей. И ты должен идти на это сознательно: может быть, тогда ты что-то поймёшь.

Он. Книга уже вышла во Франции и в Италии, дело сделано – что теперь? И здесь люди перепечатывают её, передают друг другу. Вторая книга написана, вон рукопись. Что теперь? Перейти через площадь и сказать Ферапонтычу, что хочу быть его замом и готов покаяться в грехах? Хочешь, давай уедем за границу. Нас выпустят, я уверен – нам даже предложат, как предложили Рыжему... Он уехал, процветает там... Хочешь? Ты скажи мне, чего ты хочешь? Скажи, я сделаю.

Она. Сколько тебе дадут? Семь лет? Или даже двенадцать? Я не могу думать, что впереди – только несчастье. Это выводит меня из себя. Я не могу! К этому надо как-то подготовиться, что-то ещё понять... А ты лезешь, торопишься, выстраиваешь планы, надеешься обыграть...

Он. Знакомая философия: Лао Цзы в переводе Льва Толстого, твоя любимая книга «О пользе ничего-неделанья», так она называется?.. Мы живём на гроши, но сегодня утром, уходя, я вынул из холодильника

и отнёс на помойку протухших продуктов рублей на десять.

Она. О, посчитал ведь! Как же я тебя ненавижу, демагог проклятый.

Он. Правильно. Такая жизнь не даёт и не может дать человеку удовлетворения. Ты злишься и срываешь зло на мне, на дочерях... Я тебе вот что скажу: ты перестань срывать злобу на ребёнке. Ты зачем каждый день лупишь Дашку?

Она. Заткни своё хайло! Это не твоё собачье дело...

Он. Нет, моё. Девочка ходит постоянно в слезах... Я тебя предупреждаю, если ты при мне ещё хоть раз до неё пальцем дотронешься...

Она. Замолчи, подонок!.. Пожалел, а?! Кто устроил всю эту жизнь? Пожалел, скотина... Так же ты и меня в постели жалеешь... *(Пытается дать пощёчину, но Он ловит её руку.)*

Он *(явно напуган)*. Что это, дружок, с тобой... Ты успокойся...

Она. Отпусти мои руки.

Он. Я не позволю тебе драться.

Она. Мерзость, мерзость...

Он. До чего же ты всё-таки ничтожество. Тебе надо постоянно топтать всех вокруг – только тогда ты чувствуешь себя человеком.

Она. Да, я ничтожество... Это ты десять лет делал меня ничтожеством... Пусти, насильник, пусти, животное... Теперь растяни меня здесь и изнасилуй – это на тебя похоже... Ну, пусти, я успокоилась... Ты видишь, я спокойна. Пусти, мне больно.

Он. Я не хочу находиться с тобой в одном помещении. *(Собирается уйти.)*

Она. Иди, иди, и пусть они тебя прикончат в парадном!

Звонок в дверь. Оба замирают.

Она. Звонят. Иди, открывай.

Он *(шёпотом)*. Сиди тихо. Нас нету дома.

Оба садятся. Снова настойчивый звонок и стук в дверь.

Она. Не валяй дурака. Не хватало, чтобы они дверь сломали. Я пойду открою.

Он. Сиди. Они ко мне – я и открою. *(Громким шёпотом.)* Рукопись! *(Уходит.)*

Она. Рукопись... рукопись... рукопись. *(Кладёт рукопись на кресло, накрывает ковриком и садится на неё.)*

Он *(возвращается, смеётся)*. Сосед сверху вдребадан пьяный, пришёл сигарет просить. Гости ушли и все сигареты унесли. Я говорю, ты на часы посмотри... А гости и часы унесли...

Она. Всё, я ложусь спать.

Он. Ну, какой там сон. Разве уснёшь?.. Выпей всё-таки... и прости меня. У нас сегодня свадьба – стеклянная, оловянная, деревянная. *(Поёт.)* А свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...

Она. С какой стати я должна прощать твои гнусности... Вот что надо сделать в первую очередь: дети должны быть дома. Завтра ты пойдёшь и заберёшь детей.

Он. Хочешь, я выйду на улицу и стрельну сигарет у кого-нибудь?

Она. Сиди, у меня остался большой чинарик и два коротких в пепельнице... Налей-ка мне.

Он. Надо что-то делать. Нужна динамическая разрядка. Что делают звери в клетке – они бегают туда-сюда, туда-сюда... Может быть, обои клеить? Знаешь, в том, что стены оклеены старыми газетами, есть своя красота. Полиграфический орнамент. Может, ну их, обои, оставим газеты? Читать будем. *(Разглядывает и читает то, что будто бы наклеено на «стене», обращенной к зрительному залу.)* Вот, например, твой замечательный очерк о народных промыслах, картинка: «Баба с коромыслом»... Смотри-ка, вот же мой репортаж двадцатилетней давности: «На раскопках древнего Двина». *(Эпически.)* Стены их камеры были оклеены свидетельствами их преступных деяний... Нет, надо выйти во внешний мир. *(Включает радио. Звучит тихая музыка, но музыка постепенно затихает. Звучат сигналы точного времени. Голос диктора: «Голос Америки» из*

Вашингтона. Передаём выпуск последних известий...» И тут же включается мощная глушилка.)

Она. Выключи, всё равно ничего не услышишь.

Он. Да хоть два слова разобрать... Би-би-си – тоже глухо... Может быть, в мире что-то важное происходит – ишь, как плотно всё перекрыли...

Она. Самое важное в мире сейчас происходит здесь, у нас... Выключи. От этих глушилок попугай на кухне начинает биться в клетке...

Он (*выключает приёмник, берёт тряпку и вытирает пыль*). Эта красная тряпка когда-то была моей любимой рубашкой. Молодой я любил красные рубахи. Интересно, что сказал бы об этом психоаналитик?

Она. Постирай – я поглажу, и носи на здоровье. То, что сейчас на тебе, ничуть не лучше.

Он. А я, честно, испугался. Думал, всё.

Она. Да нет, по ночам они теперь не приходят. Цивилизация: арестовывать по ночам, вроде, запрещено... Садись, выпьем, наконец.

Он. Ты посмотри, сколько же пыли собирает этот буфет. Почему никогда не приходило в голову продать его? Интеллигентское воспитание: старые вещи – память... Буфет, стол, кресло, – все одна тысяча восемьсот затёртого года... Старая мебель –

хобби моих родителей. Когда нет жизни в настоящем, погружаются в прошлое... Ты чувствуешь связь поколений?

Она. Конечно, чувствую.

Он. Нет, а если серьёзно, давай загоним буфет. Толкануть его той бульдожьей паре из гастронома. Музейная вещь. Хорошие деньги заплатят...

Она. Поработай со штангой. Или залезь на стенку. А буфет не трогай... Уж если совсем припрёт... Сядь же, наконец...

Он. Кстати, и Петька Бабьегородский как-то приценился. У него новая квартира в писательском кооперативе, и он хотел бы обставить её со вкусом...

Она. Вот! Бабьегородский написал пьесу, которую велено поставить всем театрам. Старушки молятся на портрет Ленина... У него новая квартира... А ты что пишешь? Преступный режим... воровство, коррупция... Публицист... Кавалерист... Сабля наголо.

Он. Бабьегородский врёт и знает, что врёт, – ты хочешь, чтобы я тоже врал?

Она. Соври, если иначе заработать не можешь. Когда в прошлом году на Дашкин день рождения Петька привёл своего сына, мне было так жалко наших замарашек, так стыдно за них, что я готова была их под кровать спрятать... Вошёл заграничный принц в таких одеждах... и наши стоят – в платьицах из сиротского приюта...

Он. Слушай... всё-таки... тогда, оловянный век тому назад, почему ты ушла от Бабьегородского?

Она. Отстань ты от меня со своим вечным идиотизмом, не вяжись ты ко мне. Что за беда такая?

Он. Просто ты меня не любишь.

Она. А за что тебя любить? Я слабая, неуверенная, и ты – как кувалда... Вот невезуха-то в жизни... Мне поддержка нужна, внимание, ласка... Я же во всём сомневаюсь. Ты бы лучше посомневался со мной, мне бы легче стало... Но куда там! Тебе всегда всё ясно, и ты прёшь, и прёшь, и прёшь; ошибся, развернулся – и поскакал в другую сторону... За десять лет ты просто раздавил меня. У меня нет сил сопротивляться твоему долдонству.

Он. Послушай, подруга, а что это... ты недавно какие-то гадости мне говорила? Да? Прямо-таки вспоминать страшно... Было?

Она. Ну и говорила. Я баба злая... А ты терпи, не взбрыкивай.

Он. Чего ж ты, моя бедненькая, злая-то?

Она. А жизнь такая... Устала... Денег нет, муж долдон... Вот и сейчас – что лезешь к человеку?

Он. За что пьём?

Она. Ни за что. Просто пьём.

Он. Нет, за тебя.

Она. Если бы ты хоть что-нибудь смыслил, ты бы понял, что женщина под сорок не может хорошо себя чувствовать в кофточке, перешитой из шерстяных кальсон твоего покойного папочки... Сегодня утром соседка из квартиры напротив приносила английское платье – ей нужно срочно продать... Ну что, я примерила, посмотрела в зеркало... и заревела. Стою и реву, как дура... на платье накапала... Смеёшься... тебе смешно...

Он. Давай купим тебе английское платье. Ты будешь в нём, как Маргарет Тэтчер, – ты всегда хотела быть сильной женщиной.

Она. Да ничего подобного! Я всегда хотела быть миленькой, хорошенькой, красиво одеваться, весело жить – весело и беззаботно...

Он. Да, у нас всё как-то немзыкально.

Она. Я всегда хотела жить благополучно... Ты способный, мог бы сделать карьеру. Ах, как Феррапонтыч хотел, чтобы ты был его замом, а потом собирався и всё хозяйство на тебя оставить.

Он. Ага. И я становлюсь хозяином жизни. Как директор гастронома. Или как те, внизу в машине... Или как те, на самом, самом верху... Нет, подруга, бедность не должна никому завидовать. Бедность должна быть беззаботной и музыкальной. Будем жить, как весёлые нищие... *(Берёт гитару, наигрывает.)* Я тихонечко...

Она. Почему же обязательно директор, или в машине... Сидел бы в редакции, писал бы о хороших людях... Шут с ней, с карьерой, зато жили бы спокойно...

Он. У меня профессия такая: понимать, говорить, писать. И куда девать то, до чего я додумался, что понял?..

Она. Что толку – понял, сказал... Кто прочитает? Кто услышит? *(Включает приёмник. Мощный звук глушилки...)* Слушай, слушай! Возможно, это читают твою книгу, твоё понимание...

Он *(выключает приёмник).* Соседи... Чепуха всё это: глушить глупо и бесполезно – ничто не поможет. *(Играет на гитаре, поёт.)* Виноградную косточку в тёплую землю зарюю...

Она. Ах, если бы последние два года ты прожил с гитарой в руках, у нас всё было бы иначе... Как жалко, что Дарья не в тебя – будет такая же, как я – неуклюжая. Может, Танюша вырастет пластичной: она всё поёт и танцует.

Он. Пожалуйста, теперь немного подвигаемся... Потанцуем... Нет, кисти посвободнее, локти поближе, вообще руки освободи... ноги чуть согнуты... это единое движение... вот так... Невеста на оловянном балу.

Она. А может, всё-таки продать буфет? Хранитель благополучия... что-то он плохо сохранил наше благополучие... Или что-нибудь заложить в ломбард? Что у нас осталось такого? Мою шубу? Ведь это

ничего, мы её выкупим, я заработаю... Я раскрасшу игрушки – там как раз рублей на двести...

Он. Ах, как же я танцевал в тот вечер, когда мы с тобой познакомились и когда я отбил тебя у Бабыгородского... До сих пор помню... Это было какое-то молодёжное кафе, да?

Она. Ужас! На тебе была красная рубаха, и тебе казалось, что ты ослепителен.

Он. Я был бешено влюблён. Никогда больше я так не танцевал – ни до, ни после. Я вложил в этот танец всю свою страсть к тебе.

Она. Ну, ну, ну... понесло, понесло... Мы были едва знакомы. Ты же за Анькой приударял... Смотри-ка, все те же люди, кто тогда был? Регина, Бабыгородский, Рыжий, Севочка, Анька... Даже бас Ферापонтыча где-то в другом конце зала звучал.

Он. Точно, точно. Это был тот вечер, когда ты съездила по роже бедному Севочке. Я до сих пор помню его красную физиономию, испуганного Петечку... у Регины, по-моему, сделалась истерика, а Рыжий хохотал во всё горло... Ты говоришь, кто ещё там был? Ферапонтыча я что-то не помню.

Она. Не делай вид... Анька там была... Ах, какие у неё были глаза! Вот такие вот огромные серые глаза... Только фиг она на тебя внимание обращала. Она уже тогда нацелилась на Петечку – знала, на какую лошадку ставить.

Он. И снова пьем за тебя.

Она. Не понимаю, хочешь напоить меня, что ли?

Он. А ты – ты на ту лошадку поставила?

Она. Из нас двоих лошадка – я. Это ты на меня поставил, и я повезла... Я – баба с коромыслом. Ты видишь, сколько я тащу? Я ещё не старая кляча?

Он. Ты удивительно хороша – особенно когда улыбаешься. Улыбка совершенно преображает твоё лицо... Ты – мадам Улыбка... Выпьем, я дотронусь до тебя, и ты мне улыбнёшься... Вообще напьемся, как в тот вечер, когда ты бросила Бабыгородского...

Она. Да нет же... как-то всё у тебя... его бросила, тебя подобрала. Это тебе всё просто. Стала бы я жить с тобой, если бы так легко от одного мужика к другому... Только бы ты меня и видел. Нет, я за долго ушла.

Он. Хочешь, я сам скажу, почему ты его бросила?

Она. Тебя никто не просит.

Он. Если бы осталась, ты бы просто спилась.

Она. Перестань!

Он. Что такое твой Петечка? Комсомольский поэт, комсомольский драматург...

Она. Ну что за бабские выходки!

Он. Нет, нет, ты послушай... Он, конечно, добрый парень, но... какой он писатель? Писатель – это человек, который всю свою жизнь, всего себя вгоняет в слово – всю свою жизнь, всё прожитое – без остатка. Всё на продажу... А Петечка... так, торгует тем, что под руку подвернётся. А иногда и вообще чужое перепродаёт.

Она. Высказался? Ты злой и завистливый. Как ты можешь? Ты, ты... у нас с тобой даже выпить не на что... Зато сейчас я бы ездила по Москве на зелёном «Мерседесе», как Анька ездит.

Он. Сейчас ты ездила бы в инвалидной коляске. Ты бы давно уже спилась от тоски. И Петечку бы утопила. Петечка слабый, а ты баба въедливая, сильная... Да, да, не маши руками, сильная... К тому же он любил тебя без памяти. А ты... что бы он ни писал, ты смеялась над ним, ты на всё говорила, что это полное говно, что он сам – полное говно. Говорила или нет? И делала вот такое лицо... И пили, пили... А теперь? Театральная афиша пестрит Петиным именем. Освободился... Сначала купил кооператив, потом «Мерседес», теперь вообще может позволить себе менять жён, менять машины... Мне спасибо, это я вас обоих спас.

Она. Ты спас! Постыдился бы говорить. Оглянись вокруг: это спасение?

Он. Спас, спас... Что бы ты ни говорила – спас.

Она. Я сразу поплыла, ты хочешь меня напоить, да?.. В тот вечер, если хочешь знать, я тебя вообще не

заметила – так, танцевал там какой-то хмырь, кривлялся – и всё... Я влюбилась вовсе не в тебя...

Он. Ты влюбилась в меня. В мою красную рубаху.

Она. Да ничего подобного!

Он. Ты влюбилась в меня и той же ночью стала моей женой.

Она. Я влюбилась не в тебя, а в твою Регину. Какая баба! Я в нашем редакционном болоте никогда таких не видела: красивая, умная, свободная. Главное – свободная. Это удивительно: есть женщины, которые образуют вокруг себя какое-то поле свободы. Регина тогда была сердцем компании... а ты...

Он. И всё-таки ты уехала со мной.

Она. Что ж, гормоны, алкоголь... Не с ней же мне ехать. У меня нормальная ориентация.

Он. Ты уехала со мной... А наутро я улетаю в командировку в Армению, и ты полетела со мной, и уже из Еревана мы дали телеграмму в твою редакцию... Это было прекрасно, прекрасно, прекрасно, что бы ты ни говорила! (*Встает и подходит к «стене», обращенный в зрительный зал.*) И этот мой репортаж... Стоп! Вот! Газета «Неделя»! (*Смеется, читает.*) По просьбе читателей... Оловянная свадьба – 10 лет совместной жизни. У этой свадьбы два символа – олово и роза. Олово символизирует гибкость – за 10 лет брака супруги научились чутко относиться друг к другу и многое понимают с полуслова... Вот! Алая роза

символизирует любовь и страсть... Ну, вот же!.. Любовь супругов прошла первое десятилетнее испытание и теперь не боится ни острых шипов, ни преград... Вот!.. Не боится? Не боится... Слушайте, слушайте! На оловянную свадьбу приглашают всех, кто присутствовал на бракосочетании... Вот! Что мы и сделали только что!.. И вот главное: по старому обычаю, ночь супруги проводят в постели, усыпанной лепестками роз... А? Почему бы нет?

Она. Всё это чепуха. Просто «Двин» приноси почаще. Ах, босые девушки с подоткнутым подолом...

Он. А острых шипов ты не боишься? Ты прости меня... Я в последнее время очень чувствую свою вину перед тобой... Я тебя очень люблю... Мне очень повезло в жизни...

Она. Да, конечно, я баба неплохая. Смотри-ка, светать начинает. Давай-ка мы сейчас...

Звонок в дверь. Оба замирают.

Он. Нет, это что-то не то. Ночью не арестовывают. Права не имеют. Посмотри, там всё та же машина или ещё подъехали?

Она. Не хочу. Какая разница. Надо открыть. (*Садится всё в то же кресло.*)

Он (*уходит, но вскоре возвращается, смеётся*). Сосед сверху. Гринёк его зовут... сигареты принёс, где-то раздобыл... Вижу, говорит, у вас свет горит... Он ещё и на троих предлагал, но я отказался...

Она. А нам и на двоих хорошо... У нас оловянная свадьба... Совсем светает... Задёрни шторы. Не хочу, чтобы день начинался. Ну его. Садись, допьём... Жалко, что ты не в красной рубахе... Тихонечко спой что-нибудь. Из Окуджавы... И лепестки разбросай.

Затемнение.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же. Полдень следующего дня. Пустая комната. Он входит, видимо, с улицы – ставит на стол коробку с пирожными.

Он (*громко*). Ау, пирожные приехали... Ты заметила, телефон ещё утром включили?.. (*Набирает номер.*) Одиннадцать часов пятьдесят шесть минут... Какой день! Солнце светит, телефон работает, горячую воду дали... Попугай соловьём, соловьём выщёлкивает!.. У подъезда чисто, нет никакой машины. Нет – и всё! (*Раскрывает окно.*) Побелим потолок, и надо будет окна помыть... Всё, начинаем новую жизнь! Будем завтракать, включаю самовар. (*Она выходит из ванной*). Господи, ты ослепительно хороша. Скинь халат, я не нагляделся.

Она (*спиной к залу, лицом к Нему на секунду распахивает халат*). А это не стыдно – в нашем возрасте, и так вот...

Он. Ты слишком много думаешь, что стыдно, что не стыдно. Это всегда мешало... Одиннадцать часов пятьдесят шесть минут... Пока ты не оделась, пошли, ляжем и будем спать дальше... Вообще отбросим все дела, весь день проведём в постели.

Она. Ну, конечно. Разгулялся... Сейчас ты пойдёшь за детьми.

Он. Но ты же сегодня потрясающе хороша.

Она. Ах ты миленький... Всё... Отстань... Свари лучше крепкий кофе... Ой, пирожные. Из Столешникова?

Он. Знаешь, когда ты ласковая, в жизни ничего больше не надо. Если бы так всегда, я бы и писать перестал... Ничего не надо. Никаких книг, никакой правды, никакого успеха. Только твоя любовь, твоя нежность. Ты моя правда и мой успех... У меня же звериное обоняние... О, как ты сладко пахнешь...

Она. Ну, всё, запел, запел свою песню... Школа для попугая. Пойди, научи его.

Он. А ты поговори со мной... о любви поговори.

Она. Терпеть не могу эти разговоры... Нет, так кофе не варят! Сколько лет учу, и всё без толку... лучше я сама. Кофе требует сосредоточенности. Нельзя варить кофе и болтать о постороннем...

Он. Но почему?

Она. Что почему?

Он. Почему за всю нашу совместную жизнь я ни разу не услышал от тебя трёх простых слов: я... тебя... люблю.

Она. А нужны слова? Двух дочерей тебе мало... Тсс. Закипает... Молчание... Готово! А что толку говорить? Ты разве поймёшь?.. Теперь пусть чуток постоит... Ты – глухарь, токуешь один и ничего не слышишь... У тебя в голове всегда что-то своё крутится.

Механизм такой: крутится, крутится, крутится – тзынь! – и начинают выскакивать слова, слова, слова. Чукча – не слушатель, чукча – оратор. Слова, слова...

Он. Вначале было слово...

Она. Раздельно...

Он. Раздельно что?

Она. Говорится и пишется раздельно: в... начале... Понимаешь? У тебя наречие: вначале... потом... Вначале слово, потом пиво... или что-нибудь там ещё. А если раздельно: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» Другое Слово, это вообще не о словах... У Регины есть замечательная статья, называется «Слово как вечность»...

Он. Вы с Региной – ого-го! Слушай, есть серьёзный разговор. В нашей жизни произошли важные изменения.

Она. Всё, кофе готов. У нас каждый день важные изменения.

Он. Нет, действительно важные. После сегодняшней ночи... Я в конце концов принял важные решения и даже уже кое-что сделал. Ты должна меня понять. Я не мог поступить иначе.

Она. Ну что ещё?.. Ополосни-ка чашки, а я сяду: после всего меня что-то с утра уже ноги не держат. Увы, уже не юные любовники. *(Пытается поймать моль.)*

Он (*сходил на кухню и возвращается с мытыми чашками*). Моль где-то в буфете. Или за буфетом...

Она. В буфете пусто. Даже посуда – вся грязная в мойке.

Он. Всё равно, надо найти, что жрёт.

Она. Нет, это самец летает... Он просто летает, он не жрёт... Дашка где-то вычитала: самец летает, а жрёт самка... Маленький такой червячок, самочка, сидит где-то и жрёт, жрёт. Самец крылья расправил, летает, а самка работает, жрёт, ей семью кормить... Ну говори, что там у тебя?

Он. Махоркой надо посыпать, махоркой. В прежние времена от моли махоркой посыпали. Русская моль на нынешние средства не реагирует... Ладно, садись. Разговор серьёзный.

Она. Про махорку?

Он. Про жизнь.

Она. Точки над *i*?

Он. Ну да, ну да... Значит, так... (*С расстановкой.*) Я... перешёл... через площадь.

Она. Видела утром. Вышел из дома, перешёл через площадь и вошёл в подъезд редакции. Гостей приглашал?.. Пирожные из редакционного буфета, увы, не из Столешникова. Эклеры узнаю: мои любимые.

Он. Я перешёл через площадь и в прямом, и в переносном смысле.

Она. То есть?

Он. Не знаю, как сказать... Миленькая, ты должна понять меня... Я утром проснулся... Пойми, вся моя жизнь – в тебе. Я не могу жить без тебя, не могу расстаться с тобой. Не могу, не могу, не могу. Не могу думать о том, какие страдания ждут тебя, детей... Утром проснулся и понял, как я должен, как я обязан поступить... В общем, утром я позвонил Феррапонтычу – ты знаешь, в 9 он уже на месте – и пошёл к нему и сказал, что готов покаяться в грехах...

Она поперхнулась и закашлялась. Он бросается к ней, но она жестом останавливает его.

Она. Не трогай меня! Сядь на место. Говори.

Он. В общем, с понедельника жизнь меняется: я выхожу на работу в должности зама главного...

Она. Как это?

Он. Ну что... Пришёл... Сперва просто посидели, так, хорошо поговорили, душевно. Старик всё понимает. Мы 15 лет вместе проработали... Всё понимает... Потом он при мне позвонил по «вертушке» (*жест пальцем в потолок*)... Не знаю, с кем он говорил, но мне сказал, что там приняли это с удовлетворением. Понимаешь, никакой кровожадности, оказывается, никто не хочет скандала... Конечно, что сделано, то

сделано. Книга вышла. Надо будет только сказать, что на Западе её издали против моей воли.

Она. Кому сказать? Когда сказать? Но это же не так! Ты сам переправлял её. Сам давал добро...

Он. И всё-таки надо сказать, как просят... ничего не поделаешь, таковы правила игры. Теперь рукопись второй книги... Кстати, они о ней уже всё знают и у них копия есть... Эту рукопись как бы сдаём на вечное хранение в архив...

Она. В архив КГБ?

Он. Ну, вроде того... Что ещё? Самое главное: уже в субботу утром запись в Останкино. Торопятся успеть перед Пленумом ЦК. В этом смысле всё очень удачно, очень удачное время: Пленум. Эфир в субботу же вечером по Первому. Что говорить, можно голову не ломать – дадут перед записью, прочитаю... Ну, и всё, мы свободные люди.

Она. Даже уже кое-что сделал... Нет, нет, нет!

Он. Да, да, да. Кстати, Ферапонтыч тебе привет передавал. На следующей неделе все ребята к нам собираются – моё возвращение отпраздновать. «Многоуважаемый буфет» и всё такое...

Она. Ну нет же, ты всё врёшь. Как это? Вдруг... Не верю.

Он. Позвони Ферапонтычу, телефон редакции, поди, не забыла? Номер приёмной – 2-12-33. Скажи, что ты – моя жена, тебя соединят.

Она. Ну-ка... Господи, не может быть! (*Набирает номер.*) Василия Ферапонтовича, пожалуйста... Спасибо... (*Кладёт трубку.*) Уехал в ЦК, будет завтра.

Он. Небось, поехал утрясать мое дело... Позвони ребятам в секретариат, они в курсе.

Она. Никому я звонить не буду... Какой позор! До какого позора я дожила!.. Никак... Что ты натворил? Что ты натворил? Как жить – не знаю...

Он. Ты не рада? Всё кончилось, всё хорошо.

Она. Рада? Чему рада? У меня муж умер. И с этим трупом мне дальше жить. Каждый день, каждый день...

Он. Ну, что ты говоришь... Не я первый, не я последний. Назвать фамилии? Якир, Красин, священник Дмитрий Дудко, Звиад Гамсахурдия в Грузии... Да мало ли их, не таких известных... Выступали, покаялись – и ничего, живут себе вполне благополучно...

Она (*не слушает*). Как там... слепым умирать проще, слепой идёт через площадь... Слепой идёт через площадь... Нет, я с тобой жить не буду... Слепой... Душа слепая.

Он. Будешь.

Она. Всё, отойди от меня.

Он. Ладно. Я всё это придумал.

Она. Что придумал? Зачем?

Он. Ну никакого покаяния не было. Ничего не произошло. Я всё это придумал.

Она (*чуть помедлив, бросается на него, пытается дать пощёчину*). Ах ты скотина, подонок, мерзавец.

Он (*ловит её в объятия, крепко прижимает к себе*). Я должен был... если бы ты обрадовалась, клянусь, я так и поступил бы... Клянусь, я так и поступил бы...

Она (*отстраняясь*). Долдон, чурбан деревянный... Любит он, видите ли... Дурак, ну, дурак. (*Смеётся*).

Он (*встревожен*). Что смешного? Ты в порядке? Выпей, тут ещё остался глоток.

Она. Ну, дурак... Ладно, я устала переживать твою глупость. Всё. Забыли и никогда не вспомним. О господи, какой дурак, проверку устроил... Фу. Никак не себя не приду... Ладно. Живём дальше...

Он. А машины-то внизу нет.

Она. Как же нет – вон они стоят. Немного отъехали и встали поудобнее, чтобы не крутить головой, а прямо смотреть на наш подъезд... Да шут с ними... И об этом думать устала. Есть вещи поважнее... Фу, какой дурак, я даже не ожидала!.. Тут мама без тебя приходила. Танюша удачно пописала в горшочек, и мама принесла анализ. Очень хорошая моча, можешь посмотреть, я в холодильник поставила...

Он. По дороге в поликлинику посмотрю... Кофе допить можно?

Она. Да нет, анализы с утра принимают, теперь уж завтра новый возьмём... Давай-ка собирайся за детьми... *(Ловит моль.)* По дороге зайди на Палашёвский рынок, нет ли там где махорки... Но ты же был в редакции, я видела, как ты перешёл через площадь...

Он. Ферাপонтыч позвонил утром, попросил зайти, попрощаться. Ты спала, я на кухне разговаривал. Его выгоняют, уже приказ был... У него дочь вышла замуж за француза и уехала в Париж, а у них в ЦК это не положено. Выговор по партийной линии – и на пенсию. Когда я пришёл, он вещички уже собирал в кабинете... На столе, как всегда, стакан в подстаканнике, ложечка. Все думают – чай. А у него там коньячок. Все 15 лет, что я с ним проработал... Знаешь, что он мне сказал на прощание? Проводил до лестницы, посмотрел, что никого нет вокруг, обнял, и на ухо сказал: «Как хорошо, что ты такой молодой. Ты им ещё много крови успеешь испортить...» Бас до сих пор в левом ухе гудит... ну, и аромат коньяка... Это он такой смелый, потому что вслед за дочерью отваливает – в Париж.

Она. Ферাপонтыч, милый... Ну, ты меня встряхнул... Ладно, у него своя жизнь, у нас – своя. Дети, ремонт... А сил ни на что нету... Мне вот в детскую поликлинику идти, врача на дом вызывать, а у меня при одной мысли спазм. Ждёшь: обхвоят, обругают... и ничего от них не добьёшься... У Таньки хронический тонзиллит, а наша врачиха говорит: «Девочка что-то не то съела...» Помнишь, в прошлом году

Дарья болела скарлатиной – это было всем очевидно, а у них записано – простуда. У ребенка шелушение, а врачиха твердит: «ОРЗ». Нельзя статистику портить... Танька почти месяц у бабушки – забирать, не забирать? Как дезинфекцию делать? ОРЗ – и всё тут... Только уж когда из платной поликлиники вызвала, добилась... Приехала старушка-доцент – точно, была скарлатина, – всё рассказала, объяснила...

Он. Офонареть можно! Ну что мы здесь сидим? Давай уедем...

Она. Как уедем? А переплётный бизнес, который так хорошо разворачивается?

Он. Смотри, что значит хорошая ночь: расслабилась, на меня не бросаешься, иронизируешь... А если без иронии, меня тошнит от запаха казеинового клея. Понимаешь? Тошнит физически. Аллергия. Я перед работой фенкарол принимаю...

Она. Прости, милый. Всё понимаю. Я сама боюсь этих книг, эту твою бульдожьё пару из гастронома. Очень уж как-то всё подозрительно хорошо и кстати. Севочка этот, ох... Провокации боюсь. Провокации – у них обычное дело... Кому это из диссидентов пришли спекуляцию: он коллекционер, одну картину купил, другую продал... тут же, хоп, пожалуйста, спекуляция. А этому в Питере... как его?.. изнасилование... Хельсинкская группа, тишайший интеллигент, примерный семьянин... Женщина, которую он якобы изнасиловал, на суде говорит, что никогда его в глаза не видела... Куда там! Приговор, две статьи:

антисоветская агитация и пропаганда... и плюс изнасилование – чтобы сидел прочнее... Боюсь, боюсь, боюсь... Книги надо внимательно просмотреть, нет ли библиотечных штампов, не краденые ли?

Он. Вряд ли, не тот уровень... Современный Елисейев... От него дети всех этих отовариваются (*жест пальцем в потолок*)... Нет, миленькая, так дальше жить нельзя. Давай-ка мы с тобой прямо сейчас, вот здесь вот, не выходя из дома решим, как нам дальше жить: уезжать, не уезжать. Все за и против. Вот прямо здесь и сейчас: да, нет – и всё! Раз и навсегда, закроем тему. Как сейчас решим, так и поступим. Согласна?

Она. Давай погадаем.

Он. Как это?

Она. Вот этот фолиант откроем наугад – и узнаем, что нас ждёт.

Он (*смеётся*). Нет, миленькая, я по книгам не гадаю. Боюсь. Это ведь может быть обратная зависимость. Может, таким образом ты сам назначаешь себе судьбу... До этого момента всё могло быть и так, и этак, а ты открыл книгу, ткнул пальцем наугад – и всё, ловушка захлопнулась, так теперь и будет... Нет, правда, я тебе не рассказывал? Моя покойница-мама в молодости любила гадать по стихам Брюсова: открывает книгу – и, не глядя, пальцем на строку. И вот когда я родился, она открыла наугад и читает: «Каменщик, каменщик, в фартуке белом, // Что ты там строишь, кому? // Эй, не мешай нам, мы заняты

делом, // Строим мы, строим тюрьму». А! Ужаснулась и вообще перестала гадать, никогда в жизни больше...

Она. Что же ты 10 лет назад не рассказал мне эту историю? Я бы крепко подумала, оставаться с тобой или нет.

Он. Сам забыл... Нет, конечно, никакой мистики: книга открывается в том месте, какое и до тебя чаще открывали. Страницы незаметно мнутся, засаливаются, на корешке клей разрушается. Это я тебе как переплётчик скажу. Вот на этом фолианте я даже отсюда вижу, где его часто открывали. Можем открыть и что-нибудь узнаем о прежнем владельце.

Она. О бульдожьей паре?

Он. Нет, он только позавчера приобрёл... А это место, видимо, открывалось и открывалось не один десяток лет... Хочешь, открою?

Она. Страшно. Я даже не заглянула, что за книга. Вдруг там что-нибудь такое...

Он. Да ладно, мы же не гадаем.

Она. Ну, давай, я на всякий случай зажмурилась и кулачки держу.

Он (*открывает, читает*). Блажени изгнани правды ради: яко тех есть царствие небесное...

Она. Ой.

Он. Что?

Она. Хорошо-то как! А ты говоришь, мы не гадаем...

Он. Ну, если гадаем, то валить надо... Будем изгнаны – и обретём блаженство. Разве не так?

Она. Читай, читай ещё!

Он (*читает*). Вы есте соль земли: аще же соль обуюет, чим осолится; ни во чтоже будет ктому, точию да изсыпана будет вон и попираема человеки. Вы есте свет мира: не может град укрытися верху горы стоя: ниже жвигают светилника и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине суть... Всё. Трудно на церковно-славянском, призабыл. А ведь когда-то в университете свободно читал, даже курсовая была по Лихачёву....

Она. Были же люди... всю свою жизнь, каждый день открывали и читали Нагорную проповедь. Читали, утешались, молились, верили. Сейчас есть такие?

Он. Ты же знаешь, я равнодушен к религии, к мистике особенно. Нет, правда, нет глупее занятия, чем гадание. Сами, сами творим свою судьбу. Вот ты скажи, наши дети, Даша и Танюша, когда вырастут, простят нам, если мы, имея возможность повлиять на их судьбу, не увезём их отсюда, и они вырастут с этими учителями, с этим постоянно врущим телевидением, со всеми этими постоянными, постоянными страхами? Простят, что мы сами не уехали и их не увезли?..

Она. Жалко, что не увидел машину. Посмотрел бы, новые там или уже знакомые? Сколько их всего задействовано? Восемь? Шестнадцать? Тридцать два? Люди, машины, над ними офицеры, генералы... Кошмар! А тут мы с тобой. Вдвоём... Смотри, осталась моя рюмка с коньяком. Выпей... Ты как-то с утра всё слишком всерьёз... Да ты и не поел ничего. Хоть бутербродик съешь. Или в редакции позавтракал?

Он. Наш завтрак как-то плавно перетекает в обед.

Она. А никуда не хочется. Просто посидеть хочется.

Он. Нет, ты не уходи от разговора... А ты сама? Тебя здесь надолго хватит? Ты еле тянешь, а если и впрямь что-то случится со мной, с тобой?.. Ради чего? Кому здесь нужна правда? Людям с этой правдой на ту же работу идти, на тех же партсобраниях высиживать... Давай уедем. У меня замыслов до конца жизни хватит. Сиди и пиши... Где-нибудь в Штатах или в Европе найдем тихий провинциальный университет... Уедем, а? Я скажу Севочке, что мы хотели бы уехать, и я уверен, через месяц мы получим вызов и разрешение... Миленькая, ты и дети мне всего дороже...

Она. Мне больше нравится идея насчёт махорки. Всё старинное – надёжно. Сгоняй на Палашёвский рынок, может быть, там махорка есть? И ещё... если белить потолок, буфет надо полностью закрыть старыми простынями. Потом займись, пожалуйста.

Он. Не хочешь разговаривать... Хорошо, я иду за детьми, я иду за махоркой на Палашёвский рынок, потом закрою буфет простынями. Так ты хочешь?

Она. Не кричи, а? У меня голова болеть начинает... Ты устал, миленький, и выглядишь неважно. Телефон работает, ты бы позвонил Петьке – может, один к нему съездишь? Поживи у него пару дней. Кстати, он в восторге от твоей новой работы – вот и поговорите...

Он. Рукопись.

Она. Что рукопись?

Он. Рукопись куда-то деть нужно.

Она. Уже дела... Ты говоришь, что нас постоянно слушают, и вслух спрашиваешь, куда деть рукопись.

Он. Глупо, конечно. Но теперь это всё равно. Одну фотокопию Ферапонтыч с собой увёз. *(Смотрит на часы)*. А он уже пятнадцать минут как в воздухе.

Она. А сказали, в ЦК уехал.

Он. А что ж тебе скажут? Предал святое дело партии и отвалил к дочери в Париж?

Она. *(подаёт ему телефон)*. Звони.

Он. Куда?

Она. Бабьегородскому звони.

Он. Ты с ума сошла? Какой Бабьегородский, какой отдых, когда я вижу, что дома полный развал, что дети больны, что ты... Скажи, зачем мы бережём этот буфет, похожий на большой фигурный гроб,

поставленный вертикально? Для какой жизни? Здесь он тебе не нужен, туда его не потащишь – да его и не выпускают, музейная ценность...

Она. Здесь... там... Хорошо, предположим, мы уедем. Уехали... А кем мы там будем – в Америке, во Франции – где?

Он. Я не знаю... Кем? Не пропадём... Первую книгу вон по всем «голосам» читают... Ой, да какая разница – кем? Просто людьми... Поедем куда-нибудь, где скалатина называется скалатиной, колбасой именно колбаса, а человек значит то, что могут его руки и голова, а не то, что он врёт на партсобрании, – есть такое место на земле?.. Не всё ли равно, где и кем – мы будем просто людьми, просто людьми.

Она. Да я тоже думала... Знаешь, Петька получил большое письмо от Рыжего. Три года, как он уехал, и уже купил дом в пригороде Бостона. Двухэтажный особняк с двумя балконами. Машина. За домом – бассейн... Живут же люди.

Он. Рыжий! Рыжий – гений предпринимательства, у него не жалкий переплётный бизнес – ему здесь делать нечего.

Она. Он звал тебя, говорил, ему нужна твоя голова.

Он. Не бойся, не пропадём... Да и ты... Европа ждёт твои игрушки а-ля рюсс. Можно наладить массовое производство...

Она. А собаку? Собаку выпускают? А попугая?

Он. И собаку, и попугая, и мамочку твою: мы едем, едем, едем в далёкие края – весёлые ребята, хорошая семья

Она. И у нас будут другие занавески на окнах? А ностальгия?

Он. По занавескам?

Она. И по занавескам тоже – я же к ним привыкла... Я так разнервничалась, что съела все эклеры.

Он. Кстати, редакционная буфетчица... как её там... тебе привет передавала. Помнит. Тебя все помнят и любят... А отпуск, думаю, мы проведём на Майами... но зимой это, говорят, не так дорого и народу немного... Ну что, мы принимаем решение?

Она. А книги? Все загоним?

Он. Нет, возьмём всю русскую классику и по истории России.

Она. Зачем? Разве мы будем русскими?.. Вон у Рыжего дети не хотят говорить по-русски. Он так и пишет: «Сволочи дети совсем не говорят по-русски...» Неужели и наши? Как это? Наши девочки – и не русские... А мы с тобой?

Он. Можно подумать, что без колбасы «собачья радость» ты – уже не русская... Без этой поликлиники, без Дашкиной учительницы, без подслушивающих жучков, которые где-то здесь записывают трагикомедию нашей жизни... Что это значит – быть русским?

Она. Поехали в Канаду. Люди говорят, там климат, как у нас, и тоже берёзки...

Он. Нет, нет, Канада – провинция. Это разные там мормоны уезжали в Канаду. Они крестьяне, им и в провинции хорошо... Нам нужно что-нибудь более оживлённое. Движение интеллекта, дискуссии...

Она. А мы кто?.. Представляешь, Дашка выйдет за испанца, Танюша – за бразильца. Даже по карте страшно смотреть: где Испания, где Бразилия, где мы... и внуки будут испанцами, бразильцами... А мы состаримся и упокоимся на ухоженном кладбище где-нибудь... Где?.. Где мы упокоимся?

Он. Ну вот, здрастье, мы уже и упокоились.

Она. Да нет, вправду, всё ужасно надоело, я так больше не могу... Когда мы сделаем ремонт? Когда у нас будет десятка – купить шкафчик на кухню? Когда мы выбросим засанные матрасы и купим детям новые кровати? Что же мы за несчастные люди... Ну, я ещё могу понять, почему у нас сейчас нет денег, но почему раньше-то мы были нищими? Мы были нищими и тогда, когда оба работали и зарабатывали не хуже других. Всегда только-только, всегда тянулись, тянулись... Всегда стоишь, высчитываешь перед каждой тряпочкой, перед каждой вещичкой... Почему?.. Живём... Дети – нищие, я – старая, злая, нищая баба... Колготки дырявые выкинуть страшно – вдруг пригодятся. И складываю, и складываю... Психология нищеты – и понимаю, а выкинуть не могу.

Он. Страна нищая. Все вокруг нищие...

Она. Ну да, всё за то, чтобы уехать... Нищая страна, мы нищие... Судьба у нас такая. Было бы куда спокойнее, если бы мы остановились где-нибудь там, на полпути... друзья здесь под абажуром, «многоуважаемый буфет», анекдоты про начальство... Жизнь наша прошлая дурацкая, несерьёзная... Но теперь... Мы что-то поняли в этой жизни... и оказались беззащитны перед этими бандитами. И они к нам придут... Ты, я и наши маленькие девочки... Всё правильно. Профессия. Ты не мог иначе, ты умница... Но я никак к этому не привыкну. Да и как привыкнешь? Я не рассказывала тебе самых страшных снов. Когда они входят ночью и убивают нас всех. И девочек. Я боялась это рассказывать. И ты знаешь... после этих снов я поняла, что всё правильно, что истина именно в том, что всё, что произошло с нами, – твои книги, наша жизнь – всё правильно... что даже если убьют, то... Вот до какой мысли я доросла. Вот какой опыт. Неужели мы этим не дорожим? А там этот опыт зачем?

Он. Страшно. Слушать тебя страшно. Ты тяжело больна. Диагноз: утрата чувства самосохранения... Разве человек не имеет права изменить свою судьбу к лучшему? Разве человек, покидая тюрьму, перестаёт быть самим собой? Разве детей не надо спасать?

Она. Неужели всё, что мы поняли, всё, что следует из нашей несчастной жизни, – это то, что нужно уехать?.. Тогда почему мы не уехали раньше? Когда Рыжий звал тебя, ты сказал, что хочешь понять себя в этой жизни... И мы поняли себя. Мы эту жизнь

поняли. Мы поняли Регину в мордовском лагере, поняли Ванечку Скоробогатова в гробу, поняли тех мальчиков, которые, рискуя свободой, а может, и жизнью, по ночам печатают и распространяют твою книгу в «самиздате», поняли, наконец, старушек у портрета Ленина... Мы поняли Россию... И если мы уедем, не только мы останемся без России, но и Россия – без нас... Мы оставим Россию тем, что внизу в машине... Понимаешь это? Да, нам страшно здесь, в нашей стране, в нашем времени... Но мы же не только во времени... Есть же Слово – с большой буквы, вечное противостояние добра и зла. И в этом вечном – о, нет, мы не одиноки... Это надо понять и принять... Надо жить в этом Вечном... Разве эту судьбу мы не приняли на себя уже тогда, когда ты сел писать свою первую книгу? Куда же нам ехать? Если, конечно, мы всерьёз всё это – и детям, и друг другу, и сами себе... И тем мальчикам, которые перепечатывают твою книгу для «самиздата». Всем всё всерьёз... Перейти через площадь можно только один раз. И мы перешли – оттуда сюда. И другого пути уже нет... Но решиться страшно. Страшно, боже, как страшно!.. Может быть, всё-таки уехать?

Он. Нет, друг мой, я – не пророк. Я – так: вначале было слово, потом пиво... Пророк – ты. Очень, очень плодотворные идеи – сама-то чувствуешь?

Она. Не говори... Ты всегда торопишься и никогда не додумываешь до конца. Кавалерист, всё скачешь... И опять ничего не понял. Это всё – твоё, твоё. Просто до конца додуманное. А я... Я – баба с коромыслом, ведра мои ты наполняешь... А самой мне всё это не нужно. Мне бы сидеть где-нибудь тихо, незаметно...

согреться бы... растить детей... Какая там вечность! О вечности мне страшно думать.

Он. Ну и что мы решили в конце концов?

Она. А ничего мы не решили. Потому что здесь нет решения.

Он. Всё. Хватит. Если что-то делать, то делать. Скоро уже три, а у нас ещё день не начался. Идти за детьми? Я пошёл... Могу зайти на Палашёвский рынок, в школу – что нужно было учительнице? Каникулы – что ей понадобилось? Тебе в поликлинику – одевайся и иди. Можем выйти вместе... Или, может быть, всё-таки белить? Если да – начинаем... Крутиться надо, крутиться...

Она. Ты иди, иди... Я немножко посижу и тоже пойду потихоньку.

Он. Нет уж... Я уйду, а ты опять ляжешь и укроешься с головой.

Она. Хорошо, мы выйдем вместе, только ты меня не торопи. Можешь пока помыть посуду и научить чему-нибудь попугая. *(Выходит, чтобы одеться.)*

Он. Посуда потом... Я жду...
(Она появляется в новом платье.)

О, боже! Что за платье? То самое, английское? Королева. А это ничего, что так надеваешь? Не подходи к столу, здесь что-то... пятно посадишь...

Она. Ты скажи, нравится?

Он. Да я в этом ничего не понимаю.

Она. А вот Петька своей третьей жене все туалеты сам выбирает. Она моложе его лет на двадцать, и он наряжает её, как куколку... В каких она платьях – обалдеть! Я как-то на улице видела – люди оборачиваются.

Он. Ну что же, у него есть на что. А у меня – увы... Да, честно говоря, ты мне как-то больше... вообще без платья...

Она. Замолчи! Надо же, какой чурбан бесчувственный... А как я себя чувствую – тебе наплевать.

Он. Мне кажется, уже пятнышко.

Она. Ничего, отдадим в чистку. Оно хорошо чистится.

Он. Не понимаю. Собираешься купить?

Она. Соседка приходила утром, и я сказала, что беру.

Он. Почём?

Она. Стыдно сказать вслух. *(Пальцем пишет на пыльной поверхности буфета.)*

Он. Ты что, рехнулась?

Она. С деньгами она может потерпеть до завтра.

Он. А что будет завтра?

Она. Не знаю... Отвези шубу в ломбард... ты же сам вчера говорил: «Давай купим платье...»

Он. Я говорил? Предположим, я говорил – ну и что? Не так же вдруг. Ты пользуешься моей добротой. Вымогаешь у меня, а потом я должен выворачиваться наизнанку, чтобы выкупать всё это? Что?!

Она. Посмотри на свои тапочки.

Он. Тапочки?

Она. Ты помнишь, как я купила тебе эти тапочки? Ты устроил гнусный скандал. Ты кричал, что нельзя тратить деньги на лишние вещи, что тебе не нужны тапочки, что ты готов босиком ходить, только бы не тратить деньги попусту... несчастные тапочки... Я, я...

Он. Стоп. Ещё два слова, и мы свалимся во вчерашний кошмар. Всё. Я сейчас снимаю трубку и делаю два звонка. Первый – Севочке, и говорю, что мы не прочь получить вызов на эмиграцию. И второй – директору гастронома. Я продаю «многоуважаемый буфет». Этих денег хватит на время, пока будет оформляться разрешение на выезд. *(Звонит телефон. Он берёт трубку.)* О, Севочка, ты очень кстати. А я хотел тебе звонить. У меня тут одна идея созрела, надо бы срочно повидаться... Что, что?.. *(Пауза по мере того, как слушает, меняется выражение лица.)* Как это произошло?.. *(Снова долгая пауза.)* И сколько экземпляров... Хотя, конечно, какая разница... Спасибо... Ладно, потом. *(Кладёт трубку.)* Вчера

арестовали племянника Регины – он перепечатывал мою книгу для «самиздата». Я же говорил, не надо этого делать... Изъяли шесть экземпляров. Севочка предполагает, что сегодня, возможно, придут за мной...

Она. Что надо делать?

Он. Пойду закрою дверь: когда пришёл, я хотел мусор вынести, но увидел тебя – и всё забыл...

Она. Забыл! Как такое можно забыть...

Долгий звонок в дверь.

Он. Ну вот и всё. *(Берёт гитару, садится, наигрывает.)*

Снова долгий, настойчивый звонок.

Она. Входите! У нас открыто!

Затемнение.

Звучит голос Булата Окуджавы: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...»

Занавес.

1985 – май 2013

Сцена из спектакля «В ожидании звонка»,
театр «У Никитских ворот» (премьера 04.06.2015).
Режиссёр Марк Розовский, актёры Марина Кайдалова
и Андрей Молотков.

Публичная авторская читка пьесы Льва Тимофеева
«ШИЗО для трёх актеров». «Мемориал», 15 ноября
2019 года. Фото Владимира Рослова.

Лев Михайлович Тимофеев

Пьесы

Издатель И.Б. Белый

Корректор Н. Жукова

www.membook.ru

info@membook.ru

ISBN 978-5-904935-87-0

9 785904 935870 >

Сдано в набор 11.07.2020.

Подписано в печать 24.07.2020.

Формат 84×108/32. Бумага писчая.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,67.

Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «CherryPie»

www.cherrypie.ru

Телефон/факс: +7 (495) 994-49-94.

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.

Сама жизнь Льва Тимофеева – драма, в которую вплетены и трагедия, и комедия. Его пьеса «В ожидании звонка», украсившая нашу Старую сцену, предлагала современному зрителю героя-диссидента, судьба которого прочно связана с доктриной свободы – лично выстраданной и духовно чистой. Лев Тимофеев своей уникальной, абсолютно правдивой драматургией взывает к новым поколениям помнить о людях особого склада – твёрдых в противостоянии с тиранией и смелых в своих поступках, защищающих святое – права человека в несправедливом мире.

*Марк Розовский, режиссёр, художественный
руководитель театра «У Никитских ворот»*

В своих пьесах Лев Тимофеев подвергает человека испытанию на способность практически, в реальном повседневном поведении, в условиях, когда в обществе развито лицемерие, обман, предательство, не отступать от тех нравственных принципов, которым он мысленно всей душой предан. Пьесы Тимофеева показывают, какие нужны усилия воли, характера, усилия мужества, чтобы между «поведением души» и реальными практическими поступками не было разрыва, не возникали гибельные трещины.

Александр Гельман, драматург

Драматургия Льва Тимофеева, как всякая классическая драматургия, – это энергетический зазор между словом и действием. Этот наполненный смыслом разъём и высвечивает суть происходящего, позволяя заглянуть в душу героя и в душу той бездушной, бесчеловечной эпохи, внутри которой героям и выживать, и гибнуть. Я уверен, что лучшее из написанного Тимофеевым – это уже классика, и зритель будущих поколений по этим пьесам будет понимать людей конца XX века.

Андрей Чернов, писатель

ISBN 978-5-904935-87-0

9 785904 935870 >

Москва, 2020